

Я ЗАБЫЛА ВСЕ НА СВЕТЕ

МАЭЛЪ
ФЕРПЪ

МНО
ПРОЗА

MAËLLE
FIERPIED

LA FILLE SANS NOM

A NOVEL

STONE HEDGE

МАЭЛЬ
ФЕРПЬЕ

Я ЗАБЫЛА ВСЕ НА СВЕТЕ

РОМАН

Перевод с французского
Аркадия Кабалкина

МИФ
ПРОЗА

МОСКВА 2020

STONE HEDGE

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

Ф43

MAËLLE FIERPIED

LA FILLE SANS NOM

Издано с разрешения

L'ÉCOLE DES LOISIRS

На русском языке публикуется впервые

Перевод с французского Аркадия Кабалкина

Иллюстрация Наталии Байдужи

Ферпье, Маэль

Ф43 Я забыла все на свете / Маэль Ферпье ; пер. с фр. Аркадия Кабалкина. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. — 400 с.

ISBN 978-5-00146-970-4

Пятнадцатилетняя Камий устала от гиперопеки родителей, их бесконечных правил и сбежала из дома. Наконец-то свобода! Очутившись на заброшенном пирсе, девушка знакомится с магом, которому нужен подмастерье. Вот это шанс! — решает Камий, подписывает контракт с волшебником, забывает все на свете и обрекает себя на вечную несвободу.

Чтобы выбраться из ловушки, Камий придется преодолеть многие опасности и открыть для себя мир магии. На пути ей встретятся странные существа: догроны, гарпии, големы, говорящие вороны, левиафаны и волшебные пантеры.

Увлекательный, легкий и мудрый роман, который поможет заглянуть в себя и найти собственные суперсилы.

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00146-970-4

© 2019 l'école des loisirs, Paris

© Перевод на русский язык, издание на русском языке

ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

STONE HEDGE

Посвящается Элен,
подруге, которая первой меня читает,
предлагает имена и видит во сне сов

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. «Тень на воде».....	9
II. Движущийся мир.....	97
III. В волшебном краю	299
Эпилог	395
От автора	397

«ТЕНЬ НА ВОДЕ» I

Улица темна и безмолвна.

Непривычно находиться в такой час под открытым небом.

Четыре утра, город пуст. Это время кошек, летучих мышей и беглецов... Да, мое время.

Я — беглянка. Взяла и сбежала из дома.

Наверное, я с ума сошла.

Или отчаялась.

Мне кажется, и то и другое.

Покинуть родной дом, оставить свою комнату, постель, теплое одеяло — зачем вообще?

Затем, чтобы проучить родителей. Они меня не понимают. Всякий раз, когда я пытаюсь что-то им сказать, у меня появляется ощущение, что я со стеной разговариваю. Даже с двумя. Бетонной и кирпичной. Сколько бы я ни царапалась, как бы громко по ним ни стучала, все без толку. Победу всегда одерживают стены.

Вот я и пустилась в бег.

Решения вроде бы принимают на свежую голову.

Но только не я.

Внутри меня словно буря.

Я шагаю, сжимая лямки рюкзака. Это мой акт неповиновения. Мне скоро пятнадцать, давно пора принимать решения, пускай даже безрассудные. Знаю, я противоречу сама себе. Но я подросток и имею право быть противоречивой. Когда, если не сейчас?

Я люблю родителей, но они мне не нравятся.

Обожаю свою жизнь и ненавижу ее.

Я будто сломалась. Чувствую, внутри что-то барахлит. Это угнетает, меня мучают кошмары. Сны мерзкие, липкие, я вязну в темноте и задыхаюсь. Просыпаюсь, но продолжаю задыхаться, а утром ощущаю себя зомби.

Не хочется быть живой мертвячкой, вот и шагаю куда глаза глядят.

В четыре утра.

Не разбирая пути.

Просто чтобы свалить куда подальше. И перестать быть дочерью своих родителей. Или чтобы стать ею еще больше? Стать той, кого им недостает, той, за кого они начали бы переживать.

Я в себе запуталась.

И все из-за них. Из-за папы и мамы. Они — фундамент моей вселенной.

Похоже, что цель существования родителей — придумывать для меня все новые запреты. Никаких занятий, помимо школьных, чтобы домой возвращалась до наступления комендантского часа, к друзьям ни ногой. Пойти куда-то с одноклассниками? Думать забудь! Мобильник? Только без интернета.

Да они помешались на тотальном контроле: вегетарианская диета, строгая одежда, отдельный сбор

мусора и переработка отходов, отказ от пищевых добавок.

11

Просто ад.

Чем дальше я ухожу от нашего квартала, тем легче становится на душе. Будто гору с плеч сбросила. Если так пойдет, я вообще взлечу.

Я похожа на птицу, впервые отведавшую воли. До сих пор не верю, что теперь могу поступать так, как мне хочется. Идти, куда хочу. А, кстати, я куда иду? Вот это я и не продумала.

Поэтому просто шагаю, голова пухнет от мыслей, тело напряжено, но при этом оно легкое, как пушинка. Я пересекаю вертикальный город¹, погруженный в безмолвие. В этот час спят даже самые отъявленные злодеи. Город словно парит во времени.

Нереальное ощущение!

Иногда сон наяву нарушает проезжающая мимо машина. Фары пронзают ночь, шум мотора набегает, как волна, потом все снова смолкает. Меня никто не замечает. Да и что можно разглядеть в такую темень? Фигурку непонятного пола, коротко стриженные волосы? Джинсы, куртку из искусственной кожи, лицо, спрятанное под козырьком бейсболки?

Дома сменяются пустырями. Я не сбавляю шаг. Вокруг валяются старые покрышки, громоздятся каркасы

¹ Так называют города, в которых много небоскребов или же сам небоскроб. (Прим. ред.)

машин, из клочковатой травы торчат полиэтиленовые пакеты. Все это растворяется в неподвижном тумане. Некоторые фонари жутко ржавые, но все еще светят. Впрочем, из них на щербатый асфальт проливается не столько свет, сколько лужицы желтой рвоты.

Я продвигаюсь по незнакомой дороге, смотрю, куда ступать. Не хватает еще споткнуться о чей-нибудь труп! Или набрести на полицейскую машину. Не хотелось бы, чтобы бегство оборвалось, едва начавшись.

Внезапно я замираю как вкопанная. Впереди препятствие.

Шум воды.

Так, река. Путь преграждает темная лента, над ней туман еще гуще.

Вокруг разбросаны мертвые постройки: полуразвалившиеся склады, брошенные ангары, остатки причалов. Стены с разбитыми окнами — что лица с огромными глазищами.

Где-то тут, возможно, мне удалось бы скоротать ночь, но для этого надо рискнуть и сунуться под одну из дырявых крыш. Нет уж, не в таких потемках. Не хватало еще сломать ногу в утробе выпотрошенного домашнего чудовища. Проще дожидаться рассвета, осторожно разведать, что к чему, и найти сносное убежище.

Я пыхчусь, довольная, что приняла хоть какое-то решение в своей жизни. У кирпичной стены, у самой воды, лежит длинное бревно. Вернее сказать, целое дерево. Наверное, его вытащили из реки, потому что крупные плавающие предметы — помеха для речного судоходства. Толстым деревьям дают высохнуть, потом их пилят и пускают на дрова. На этом бревне не осталось

коры, древесина размокла. Я удобно устраиваюсь у самой кроны. Остается ждать: сидеть и болтать ногами.

Как же хорошо, когда не надо думать. Я — легкая бесплотная оболочка.

Через несколько часов родители проснутся, соберутся завтракать — и хватятся меня. Ох и запаникуют же они! Я заранее ликую.

Я уже засыпаю, но тут раздается оглушительный гудок, от неожиданности я чуть не падаю со своего трона.

На берегу, совсем близко, вырастает смуглый здоровяк с широченными плечами регбиста. На нем рабочий комбинезон, рукава тельняшки закатаны на бицепсах. Ему бросают канат, он ловит конец и, напрягая мышцы, тянет за него. Из серого тумана выплывает что-то громоздкое. Баржа, что ли? Читаю на корме название: «Тень на воде».

Я сжимаюсь в комок на своей коряге, приваливаюсь спиной к кирпичной стене, боюсь шелохнуться. Только бы не заметили!

Матрос уверенными движениями крепит канат к ближней швартовой тумбе, переходит к носу баржи и снова крепит канат. Потом он негромко присвистывает, и с баржи на берег перебрасывают мостик, по нему тяжелым шагом спускается второй матрос. Он переносит на сушу и разворачивает плакат, рядом ставит высокий фонарь. Матросы с заговорщицким видом жмут друг другу руки, потом не спеша достают из карманов тонкие узкие трубки и набивают их табаком. Грубые физиономии на миг освещаются красноватым светом,

до чего же на висельников похожи. Я горблюсь, только бы не заметили. Не хватало попасться на глаза этим громилам!

Давлюсь зловонным дымом, еще немного и точно закашляюсь. Ну и табак у них — серу, что ли, курят. Матросы застряли на причале, перебрасываются короткими фразами на непонятном языке. Может, это румынский или еще какой-нибудь восточноевропейский.

Наконец уходят, быстро направляются в сторону пустыря и исчезают в тумане.

Я выжидаю, стараясь не двигаться.

Кажется, угроза миновала.

Сердце бешено колотится, я сползаю с бревна и तोплюсь к раскладной стойке, на которую матрос повесил плакат. Разноцветный фонарь освещает черную доску, на которой изящно, с завитушками выведено:

*Ищу мальчика-помощника
за кров и еду.
Обращаться напрямую к магу Эликсу
на эту баржу.*

Я готова прыгать от радости. То, что нужно! Какое невероятное везение! Не иначе здесь, на заплеванной пристани, сошлось все космическое равновесие, — как еще объяснить приплывший прямо мне в руки шанс?

В следующую секунду меня охватывает отрезвляющий страх.

Нет-нет-нет, это же безумие! Чтобы я ступила на борт незнакомой баржи и нанялась непонятно к кому? Да ни за что на свете! Это слишком опасно.

Пытаюсь договориться с собой. Но меня теперь двое: одна переминается в нетерпении, как наивная девчонка, другая, повзрослее, сложив руки, строит недоверчивую гримасу, совсем как мама, когда ее обуревают сомнения.

:)) Это объявление как будто специально для тебя! Идеальный способ найти занятие на ближайшие дни.

:((Опомнись! Ты просто хотела напугать родителей. Погуляла — и хватит с тебя.

:)) Тебе подворачивается блестящая возможность доказать им, что ты можешь быть самостоятельной!

:((Этот Эликс причалил среди ночи. Разве не подозрительно? Нет уж, лучше не рыпаться.

:)) Предпочитаешь забиться в сырую грязную дыру и извозиться в собачьем дерьме?

:((Фу...

:)) Здесь хотя бы обогреют и накормят. От тебя будет польза, разве плохо?

:((Слишком опасно. Видела матросов? Сама же сравнила их с висельниками.

:)) Прекрати. Ты хотела доказать, что можешь брать на себя ответственность? Вперед! Сейчас или никогда.

Я перечитываю строки с изящными завитушками и направляюсь к барже. Решение принято.

Глупо упускать шанс испытать себя.

Поднимаюсь по скользкому мостику, ступаю на борт. Путь указывает светящаяся стрелка. Проход, коридор, лесенка. Деревянная дверь. На ней вырезаны такие же вензеля, как на объявлении. Еще здесь красуются три строки нечитаемых зеленых рун. Прочь сомнения, я на верном пути.

Не зная, как поступить, делаю первое, что приходит в голову: стучу три раза.

Тишине, кажется, нет конца. Потом слышу голос:
— Войдите.

Я сдергиваю с головы бейсболку, нажимаю на позолоченную ручку, толкаю дверь. Что ждет меня за ней? Что-нибудь в африканском или цыганском стиле? Ковры, гобелены, свечи, ладан? Хрустальный шар для гадания? Или змея-альбинос, свернувшаяся в бежевом бархатном кресле?

Я далека от реальности.

Ох как далека!

Если бы не свисающие с потолка люстры, я бы решила, что попала в приемную госучреждения. За деревянной стойкой, перегораживающей всю комнату, сидит мужчина, вылитый банкир с Дикого Запада: круглые очки, гладкие темные волосы, сдвинутая на затылок зеленая фуражка с прозрачным козырьком, белая рубашка с закатанными рукавами, подтяжки. Перед ним раскрыта толстенная книга, в которой он внимательно разбирает бисерные строчки. Вдоль стены поблескивает куча пустых с виду колб с этикетками.

— Итак, молодой человек, — начинает банкир, поднимая на меня глаза, — вы прочли объявление и у вас появились вопросы? Без вопросов никогда не обходится.

Он принял меня за мальчишку. Я привыкла, что произвожу обманчивое впечатление. В кои-то веки это меня устраивает. Не стану его разубеждать, пусть заблуждается.

— Вы маг Эликс? — спрашиваю, теребя бейсболку.

Как-то не верится, что этот тип — колдун или ясновидящий.

— Да уж, я привык, что мой облик кажется странным. Что поделать, счета требуют внимания. Обычно я доверяю это занятие рабу, но сегодня утром он меня подвел. Отсюда мое облачение и вся эта обстановка. Но вам ведь не это интересно, — замечает он со вздохом. — Вы пришли по объявлению?

Я киваю.

— Какой опыт вам требуется? Надеюсь, я окажусь достаточно...

— О, об опыте речи нет, иначе я написал бы, что мне требуется взрослый помощник, — перебивает меня он и машет рукой. — Раз вы оказались среди ночи в таком месте, значит, вам некуда деваться, я прав?

Оставляю вопрос без ответа. Ему необязательно знать, что я беглянка.

— Учтите, придется подписать договор. Не то что бы у нас все строго по закону, но я предпочитаю соблюдать... какую-никакую процедуру.

Помалкиваю. Ясное дело, когда пристаешь к заброшенному причалу среди ночи, о законе не больно заботишься. Однако утром меня бросится разыскивать полиция, и лучшего убежища, чем эта баржа, не придумать. Я киваю в знак того, что ничего не имею против услышанного.

Псевдомаг с довольной улыбкой громко захлопывает свой талмуд, привстает и закидывает его на полку к двум десяткам таких же, только запылившихся книг. Потом, взгромоздившись на табурет, он достает ненадписанную пустую колбу. Снова усевшись за стойку, ставит передо мной колбу и откупоривает, потянув

за оранжевый язычок. Негромкий хлопок. Из ящика появляется и ложится у меня перед носом длинное зеленое перо с заостренным серебряным кончиком.

— Дальше будет вот что. Вы возьмете это перо и уколете себе палец острием. Больно не будет, все продумано.

Уколоть себя? Он не мигая выдерживает мой вопросительный взгляд. Он что, серьезно? Ладно. Я решительно накалываю острием пера подушечку левого указательного пальца. Боли нет, появляется бусинка крови.

— Макните в капельку крови кончик пера и подпишите бутылку вашим именем. Вот здесь.

КАМИЙ.

Я с нажимом вывожу свое имя кровавыми буквами. Перо немного царапает стекло, которое издает довольно неприятный звук. Все это, мягко говоря, странно, и тип, мнящий себя магом, тоже странный. Протягиваю ему перо и колбу, он проверяет, разборчиво ли у меня получилось, и возвращает сосуд.

— Отлично. Теперь поднесите горлышко к губам и трижды произнесите свое имя. Только не мямлить, поотчетливее!

— Камий... Камий... Камий... — старательно повторяю я, после чего, подчиняясь жесту колдуна, плотно закрываю крышку.

И тут начинает что-то происходить, мне становится плохо.

Такое впечатление, что я резко разучилась дышать.

Да еще голова кружится.

Что случилось?

Колдун вырывает из моих трясущихся рук стеклянный сосуд. Я хватаюсь за край стойки в страхе, что сейчас упаду. Маг-колдун встает и ставит склянку, будто драгоценность, на полку к другим таким же.

— Что происходит?.. — мычу я.

Сердце бьется так сильно, что, кажется, вот-вот выскочит из груди.

— Происходит следующее, друг мой: у вас больше нет имени. Сначала это болезненно, но со временем вы привыкнете, даже не сомневайтесь.

Я лишилась имени? Силюсь его вспомнить, но в голове действительно пусто и глухо.

— Тут что главное? Отказ от имени сопровождается отказом от индивидуальности. Ваше прошлое улетучилось, — объясняет колдун, делая вид, что вытягивает из уха воображаемую нить. — Дошло?

К горлу подкатывает тошнота. Я таращусь на вцепившиеся в стойку пальцы, не могу вспомнить, кому они принадлежат.

— И что мне прикажете делать?

Но, смотрите-ка, у колдуна готов утешительный ответ на мое нытье.

— Моя обязанность — соблюдать наш договор. Вы останетесь со мной. Зарабатывая на жизнь, вы будете наблюдать явления, каких никогда не доведется увидеть никому из ваших соотечественников. У вас есть хронические болезни, аллергия на что-нибудь, о которой мне следует знать? — спрашивает он, резко меняя тему.

У меня, наверное, сейчас очень глупый вид.

— Хотя что это я? — веселится колдун. — Вы же все на свете забыли!

Мне указывают на обитую зеленым бархатом скамеечку в углу. Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем у меня перестают трястись руки. Колдун не обращает на меня никакого внимания. Он снова взялся за свою писанину.

Время от времени дверь приоткрывается, в нее просовывают носы посетители. Я слишком потрясена, чтобы замечать мельтешащие туманные силуэты.

Впрочем, вскоре визитеры иссякают.

Эликс все чаще проверяет время на своих карманных часах. Кто-то, кого он ждет, явно запаздывает, отсюда раздражение. Наконец его терпение лопается, и он отдает приказ к отплытию. Раздается невнятное бурчание: два матроса отвечают «есть». Над нашими головами громяхают их шаги, урчит старый мотор, и судно отчаливает, скрипя и треща всем корпусом. На потолке начинают раскачиваться люстры, полоща комнату длинными зелеными отсветами. Гипнотический танец бликов, качка и упадок сил отправляют меня в дремоту, как в нокаут.

Я погружаюсь в одноцветный сон: передо мной бесконечный белый лист.

В центре этой пустоты меня ждет линиялый ворон.

— Браво. Надеюсь, ты горда собой! — с упреком каркает он.

— Что?..

Пытаюсь сохранить хотя бы минимум вежливости, хотя совершенно не понимаю, что я здесь делаю и что еще за пернатое передо мной.

— Ты потеряла не только память, но и голову?

Говорящая птица — нормально вообще?

— Представляю себе, как ты запуталась, — не унимается ворон, качая головой.

— Прошу прощения, разве мы знакомы?

— Да, — подтверждает он и тут же идет на попятный: — Нет-нет. Вовсе нет!

— Так да или нет? Не могли бы вы уточнить?

— Это слишком сложно! — отмахивается ворон.

Похоже, птица сердится: раздувает грудь, топорщит перья, расправляет крылья — явно о чем-то напряженно думает. В конце концов звучит сухое:

— Ты меня не знаешь, зато я знаю тебя. Устраивает?

Яжимаю плечами, понятия не имею, что и сказать, — слишком растеряна. Пытаюсь сменить тему.

— Где мы?

— В твоём сне, — следует мгновенный ответ, словно птица ждала этого вопроса. — Ну, или в том, что от него осталось.

— Что-то тут бедненько.

— Снова браво! — иронизирует пернатое. — Блестящая наблюдательность. Так и бывает, когда подписываешь договор, не зная всех условий, ну ты и дуреха!

— Сами вы...

Стоп. О чем это он? Ничего не помню! О каком договоре речь?

— Словом, пока что я мало чем могу тебе помочь. Но постараюсь что-нибудь сделать. А ты будь умницей, поняла?

Я неуверенно киваю, надо ведь сделать ему приятно. Вообще-то я слушаю его вполуха. Так устала, что не могу сосредоточиться. Лучше бы этот белесый ворон оставил меня в покое. Но нет, птица продолжает советовать раздраженным голосом:

— Слушайся Эликса. Помогай ему, и он тебя не прогонит, а я буду знать, где тебя найти. Не поступай необдуманно, ясно?

Я снова киваю, лишь бы он отстал.

— Главное, не вздумай доверять матросам. Мерзкий народец, понимаешь? И никогда не оставайся с ними наедине.

На этих словах ворон взмывает в воздух, но не улетает, а, сделав круг, возвращается.

— И последнее. Пускай тебя и дальше принимают за мальчишку. Пока Эликс заблуждается на этот счет, у него на руках не все карты. Кар-р-р!

Наконец-то улетел, исчез в бесцветной дали.

Белая точка на белом фоне.

Я одна непонятно где, растерянно верчу головой в надежде хоть как-то сориентироваться. Но где там, вокруг одна пустота. Паникую еще несколько секунд, а потом мой сон расслаивается на тысячи волокон, и я с облегчением погружаюсь в забытие.

Меня будит зловоние.

Я приоткрываю глаза, не понимая, где нахожусь. Рядом на коленях стоят два матроса. До меня им дела нет, у них важное занятие — спор, кому достанется рюкзак. Память у меня, может, и отшибло, но догадываюсь, что рюкзак мой, потому что он был при мне, когда я повалилась на эту зеленую скамеечку. Бейсболка, красующаяся теперь на бугристой башке одного из спорщиков, тоже моя. Другой тянет из рюкзака зажигалку. От злости у меня вспыхивают щеки. По какому праву они роются в моих вещах? Мне бы сейчас оченьгодились

какие-то зацепки, глядишь, и память бы вернулась. Матрос, налюбовавшись зажигалкой, щелкает колесиком. Появляется огонек. Оба мародера издают почти нежное «ах!», как будто у них в руках расцвел прекрасный цветок.

Теперь я вижу, что они не люди. На их лицах нет живого места, сплошь ямы и шишки. Пухлые хомячьи щеки, здоровенные крючковатые носы, костистые подбородки. Лысые черепа скошены назад, на макушке костяной гребень. Кожа странного цвета: черная, с зелеными бликами. Какой-то болезненный окрас! К тому же от обоих нестерпимо разит серой — не слишком приятные типы. Язык, на котором они бодро переговариваются, мне совершенно неведом.

Когда один из матросов вытягивает из рюкзака что-то (вроде бы носок), я, не стерпев, кидаюсь на него, чтобы отобрать.

— Отдай!

Но не тут-то было. Тот, что завладел зажигалкой, скалит острые зубы, второй, нахлобучивший мою бейсболку, зыркает на меня красным глазом.

— Нукарит наитук пиарак! — угрожающе произносит он на своем гортанном языке. — Ивит милиак унванганернут.

— Это мое! — не отступаю я. — Отдайте мои вещи!

Я тянусь за бейсболкой, но матроса не застать врасплох. Он увертывается и контратакует — толкает меня в спину. Изумленная его силой, я падаю ничком на свой рюкзак. Меня мутит от острой боли. Несколько секунд я валяюсь, не соображая, что произошло. Потом сажусь, перед глазами все плывет, по щекам катятся слезы. Но рюкзак изо всех сил прижимаю к себе — пусть видят, что я не забыла о причине нашей потасовки.

На тыльную сторону моей кисти падает красная капля. Кровь. Моя кровь.

Шмыгаю носом, утираясь ладонью, не сводя взгляд с обидчика. Он дорого заплатит за это!

— Кимиарарсук налангуилап! — лает матрос в бейсболке, тыча в меня пальцем. — Раожиут кина ангажур багак.

Я глотаю кровавые сопли, вытираю о джинсы ладони и встаю, несмотря на дрожь в коленках. Закидываю за спину рюкзак — показываю, что им нечего на него зариться.

— Мое! — говорю я, сильно гнусавя.

Ни за что не покажу этим скотам свою слабость. По сравнению с ними я, конечно, пушинка, ну и ладно. У меня есть ощущение, что я уже попадала в ситуации вроде этой. Что, если в прошлой жизни я была драчуньей? Во всяком случае, от вкуса крови во рту я не пала духом. Уже неплохо.

Внезапно распахивается дверь, и мы втроем вздрагиваем от неожиданности. Перед нами — рассерженный колдун.

— Вот же пакостники! Как не стыдно! — Он грозит обоим матросам пальцем, как детям, широкие рукава придают его жестам внушительность.

— Сурусик! Китурнгак, алартибокук... — бормочет тот, на ком моя бейсболка.

— Нипангерокут! Мне все равно, кто первый начал. Немедленно сними эту шапчонку, ты в ней смешон.

Матрос со сконфуженным видом повинуетя. По крайней мере у меня пропали сомнения, кто на этой посудине главный.

— Илитсик, атии суливок! Марш на палубу! Что-нибудь смажьте и смотайте, дел навалом. Найдите себе занятие, а не то я сам вам его найду. Атии!

Немногочисленная команда баржи торопится с глаз долой. Колдун подбирает бейсболку, выроненную матросом, поворачивается и надевает ее мне на голову, пристально глядя на меня.

Я так же внимательно изучаю его.

Он успел переодеться. Теперь на нем шаровары и черная туника с поясом, на шее — золотое ожерелье с зелеными камнями. Индийский раджа, да и только. Черные непокрытые волосы красиво обрамляют лицо. Темно-зеленые, как изумруды, глаза смотрят на меня не мигая.

Секунд за десять он, кажется, принимает решение.

— Иди за мной. Займешься чем-нибудь полезным, хватит бездельничать.

Он подходит к своей стойке и толкает левый угол. Оказывается, там дверца на петлях. Очутившись по другую сторону, ловлю себя на странном ощущении: это все равно что проникнуть в запретную зону.

Мы проходим вдоль стены и оказываемся в просторном помещении. Здесь куда интереснее, чем в приемной.

— Это моя мастерская, — сообщает Эликс.

То, что я вижу, уже больше соответствует моему представлению о берлоге волшебника. В глубине — ступеньки наверх, к двери. Справа от нас — аккуратный письменный стол, на нем возвышается перегородный куб с желтой жидкостью. Полки вдоль двух других стен заставлены склянками и пробирками — дорого бы я дала, чтобы узнать, что в них! На полу оплетенные

бутыли, в которых — что я вижу? — копошатся черные насекомые, какие именно, не понять. В мастерской полумрак, а подойти ближе страшно.

Колдун берет меня за плечо и подталкивает к столешнице. Под ней стоят три железные клетки. В одной сидит грязная белая собачонка, в другой свернулся клубком полосатый кот, из третьей глядит во все глаза обезьяна капуцин. Троица какая-то невеселая, смахивает на ждущих приговора заключенных.

— Займешься зверьем, — обращается ко мне колдун. — Твоя задача — кормить и прибирать. Глаз с них не спускай, понял? Нельзя, чтобы кто-то издох во время плавания.

Я указываю вглубь зала.

— Что там?

— Моя спальня. Даже не пытайся. На двери волшебное заклинание, оно тебя не пропустит.

Теперь я замечаю на темной древесине зеленые письма. Разобрать их невозможно.

— Как понять это заклинание?

— Брось, языка ты не знаешь. Здесь говорится: «Эта дверь никогда не откроется ни перед кем, кроме ее господина, это выгравировано на дереве и неизменно до скончания времен».

— Раз мне этого не прочесть, на меня оно не действует.

Колдун закатывает глаза, потом насмешливо смотрит на меня.

— Попробуй, если не веришь.

Я делаю шаг к двери, полная решимости ее открыть. Подняться по ступенькам не составляет труда, взяться за щеколду — тоже. Но при попытке надавить

на дверную ручку мои пальцы пронзает разряд тока, и я испуганно отдергиваю руку. Ничего себе! Я всей тяжестью налегаю на ручку — и кажется, будто руки парализовало.

— Как же это получается? — недоумеваю я.

Колдун играючи распахивает дверь, подтверждая свою правоту.

— Письмена здесь не для того, чтобы их читали, это колдовское заклинание. Азы магии!

— Что, если я их зачеркну или вообще спалю дверь?

Эликс не соизволил ответить, он просто кивает, мол, все предусмотрено.

— Что, если?..

— Арирсуп гунай! — перебивает он меня, сердито насупившись.

Опять гортанный язык матросов! Но в исполнении колдуна он звучит выразительнее. Работяги выговаривают слова грубо, а у него выходит даже мелодично.

— Хватит вопросов! — переводит он мне свой окрик. — Не люблю чересчур любопытных мальчишек. Ты должен не только заботиться о выживании этих трех существ. Будешь ежедневно мыть полы и раз в неделю начищать деревяшки.

— Все полы?!

— Пойдем отсюда, — бросает он, не обращая внимания на мое неудовольствие. — Я покажу, где ты сможешь хранить свои вещи.

Мы возвращаемся из мастерской в кабинет со стойкой. Я вижу три двери: на лестницу, в коридор и наружу. Интересно, откуда я это знаю?

— Вон там, — объясняет Эликс, указывая на правую дверь, — душ и туалет. Не забывай о чистоте.

Хватит с меня вонищи, источаемой братьями-догронами. Не допущу, чтобы мой мальчишка тоже испускал миазмы.

— Драконами?

— Сказано, догронами. Они — гибриды, среднее между великаном-людоедом огром и драконом. — Он делает жест, показывающий, что у него нет времени. — Если тебе интересно, вернемся к этому позже.

Эликс открывает вторую дверь, за ней — чулан, полный пыльных пакетов.

— Поройся, поищи на чем можно поспать. — Колдун делает неопределенный жест. — В общем, устраивайся сам.

Приглядевшись, убеждаюсь, что помещение, которое я сперва приняла за чулан, на самом деле крохотная комнатуха. Под кучей коробок и мешков прячется кушетка со свернутым в рулон матрасом.

— Хозяйничай, меня ждет работа.

Эликс удаляется неторопливым шагом. Я слышу, как хлопает дверца стойки, потом — дверь мастерской. Осталась одна в загроможденной конуре. Бросив у двери рюкзак, я кладу на него куртку и кепку и с облегчением захожу в ванную.

Собираюсь умыться, но застываю, увидев чужое отражение в зеркале. Я приподнимаю бровь, незнакомка в зеркале делает то же самое. В чью это оболочку я угодила? Тщательно себя разглядываю, засучиваю рукава — вдруг наткнулся на какой-нибудь шрам с историей? Но нет, я ничего не нахожу и остаюсь с неприятным чувством, что родилась всего несколько часов назад. Прилипнув к зеркалу, я различаю на бледно-розовой коже россыпи веснушек. Особенно их много на носу

и на щеках. Глаза у меня голубые-голубые, брови светло-каштановые. Уши как-то слишком оттопырены, нос курносый, ну да ладно, сойдет и такой. Но до чего короткие волосы! Угроздило же меня так обкорнаться! Впрочем, именно мальчишеская стрижка меня и спасла. Лучше не гадать, как все обернулось бы, пойми Эликс, что перед ним девчонка.

Умыв физиономию, к которой придется привыкнуть, — не красивую, но и не уродливую, возвращаюсь в каморку. Судя по всему, сюда годами сваливали что попало и ни разу не пытались прибраться. Но само помещение, к моему удивлению, продумано неплохо: нахожу шкаф за шкафом, по большей части они пустые. Переношу в них содержимое коробок — в основном книги на незнакомом языке, набранные непонятным алфавитом.

Удивляет меня и другое: я навожу порядок так уверенно, словно занималась этим не один раз. Откуда у меня привычка разбирать полные коробки? Один из вариантов, говорю я себе, такой: я — дочь торговцев, приученная помогать родителям раскладывать поступивший товар. Силюсь вспомнить их лица, но в голове — сплошной туман. Я гадаю, скучают ли они по мне, любят ли меня, ищут ли, пытаются ли вникнуть в обстоятельства моего исчезновения — или довольно потирают руки, радуясь, что избавились от лишнего рта. А может, я сирота, выросшая в приюте? Это объясняло бы мой неприятный характер.

Покончив с книгами, принимаюсь за мешки. В них ношенная одежда, рабочие комбинезоны в пятнах и дырах, свадебные платья, военные мундиры, комбинезончики для малышей. От прикосновения к этим

трогательным вещцам я покрываюсь мурашками. непонятно, зачем колдуну все это тряпье. Я торопливо распахиваю его по шкафам, перед которыми оно свалено.

Освободив нишу, я разворачиваю матрас и застилаю его расшитой простыней, выуженной из одного мешка. Сверху я стелю красивое покрывало, на которое у неведомой мастерицы ушло, наверное, много часов кропотливого труда. Подушкой мне послужит старый плюшевый заяц с рваным ухом. Наконец, я с трепетом ставлю на кровать свой рюкзак. Мне не терпится его разобрать. Вдруг я найду какой-нибудь документ? Или, может быть, семейную фотографию?

Встряхиваю рюкзак и внимательно разглядываю содержимое. Нож не будит никаких воспоминаний, зажигалка и набор лекарств тоже. Все это слишком безлично, чтобы намекать на прошлое. Я щелкаю зажигалкой, вспоминая двух чудовищных матросов и снова содрогаюсь. Догроны, помесь прожорливых огров и драконов... Разве такие нелюди могут водиться где-нибудь еще, кроме воспаленного воображения? Хочется верить, что я их придумала. Но как быть с исходящей от них серной вонью, с зеленоватым отсветом их кожи, с их страшными, прямо как у динозавров, клыками? Ну ни капельки человеческого! Стоит вспомнить их плотоядные улыбки, как меня бьет крупная дрожь. Я совершенно незащищена! Хотя бы захлопнуть дверь, впрочем, что это даст? Прильнув к двери, я превращаюсь в слух. Баржа мирно поскрипывает, беззвучно урчит мотор. Тревожиться не о чем. Колдун засел у себя в мастерской, матросы не покидают палубы. Тишь да гладь.

Я делаю глубокий вдох и постепенно успокаиваюсь. Не завалилось ли в рюкзаке еще чего-нибудь? Целый спальный мешок на пуху — вот это находка! Радостно его разворачиваю, предвкушая, как тепло будет в нем спать. Фруктовые мармеладки в пластмассовой коробочке действуют на меня совершенно по-другому. Они чудесно пахнут, я уже радуюсь своему везению, но стоит мне откусить кусочек, как наружу прорывается воспоминание — так высовывается из надкушенного яблока непрошеный червяк...

Воспоминание не из приятных: оно сопровождается головокружением, нос улавливает тошнотворный запах гари. Вот что значит обонятельная память! У меня перехватывает дыхание. Происходит что-то непонятное.

Зажав дрожащими пальцами мармеладку, жду продолжения. Но новых ощущений нет. Я осторожно возвращаю лакомство в коробку и с гримасой отворачивания закрываю крышку. Не хватало, чтобы меня стошнило! Но голод уже разыгрался, а тут еще попадается батончик. Опасливо его пробую. Как будто все в порядке, никаких воспоминаний-червяков. Настоящая вкуснятина: шоколад, орешки, карамель — все мое любимое. С наслаждением жую, глотаю, запиваю теплой водой из бутылки и опять запускаю руку в рюкзак. На самом дне оказывается пакет с нижним бельем. Увы, на трусиках нет ярлычка с моим именем, на носках тоже. Зато все прочное и прослужит долго. На тонком зеленом полотенце тоже нет никаких опознавательных знаков.

Из переднего кармана рюкзака я вытаскиваю кошелек с деньгами. Ну и где мне все это тратить, на барже? Или прыгнуть в воду и плыть на берег?

Я разочарованно разглядываю разложенные на кровати находки. Сдаюсь: мне ничего не удалось разузнать. Если не считать обрывка воспоминаний от головокружительного мармелада. Пластмассовая коробка властно притягивает мой взгляд. Я хватаю ее, набравшись храбрости, срываю крышку, и впиваюсь зубами в надкушенный красный кубик. Мармелад тает на языке. Я готова ко всему, но в этот раз не происходит ровным счетом ничего. Ни воспоминаний, ни неприятных ощущений. Поев мармелада, довольно облизываюсь и прячу коробочку в рюкзак. Ни с кем не стану делиться своей драгоценностью, обещаю я себе, набрасывая сверху скудные пожитки.

Долго нежусь под теплым душем. Выйдя, я вижу застрявшего за стойкой колдуна. Который час, интересно? У колдуна довольный вид.

— Отлично! Как я погляжу, ты следуешь моим советам. Это похвально. Скоро подтянутся посетители. Забирай своих питомцев, всех трех, нечего им здесь делать.

— То есть как? Куда же мне с ними деваться? — удивляюсь я, не понимая, о чем это он.

— Поднимись по лестнице, пройди по коридору и спустись с другой стороны. Попадешь в столовую. Сидите там, так вы никому не мешаете. Смотри не открой правую дверь, она ведет в каюту братьев-догронов, не советую тебе туда попадать. Другое дело — левая дверь: за ней камбуз — судовая кухня, можешь брать там из шкафов все, что захочешь, и лакомиться вволю. Атии, шилами! Брысь отсюда!

Я оставляю свои туалетные принадлежности в каморке и хочу войти в мастерскую колдуна. Но он останавливает меня и указывает на три клетки под стойкой.

— Не смей совать нос в мои дела. Я уже перенес их сюда.

Забираю собачонку и кота. Унести сразу трех животных мне не под силу.

— Придется сходить еще раз, — предупреждаю я извиняющимся тоном.

— Нага. Ни в коем случае. На это не осталось времени.

С раздраженным выдохом он открывает клетку обезьяны, небрежно достает ее обитательницу и сажает мне на плечо. Капуцин немедленно обхватывает мою шею, как спасенный утопленник.

— Проблема устранена. — С этими словами Эликс возвращается на свое место. — Скройся с глаз!

Повинуясь, тащу две клетки, мое горло стиснула перепуганная обезьянка.

— Чуть не забыл! — кричит мне вслед Эликс. — Тусактук алок. Слушай внимательно.

Я отпускаю дверь и напрягаю слух.

— Что бы ты ни услышал этой ночью, не покидай столовую. Я дам тебе знать, когда можно будет перейти на эту сторону. Делай, что я велю, тогда, возможно, останешься в живых.

Странное напутствие...

Я качаю головой и закрываю дверь. Поднимаясь по деревянной лестнице, гадаю, была ли последняя фраза шуткой. Но от гаданий меня быстро отвлекают заботы поважнее. Лестница такая узкая, что мне

приходится держать одну клетку перед собой, другую сзади. Капуцин при этом бьется в истерику, цепляясь за мои волосы. До верхней ступеньки я добираюсь запыхавшаяся и взмокшая.

В коридоре пусто и тихо. С палубы доносится возня: матросам не велено бездельничать. Внезапно раздается глухой удар, баржа притерлась к чему-то правым бортом. Похоже, мы причалили. Я бы не возражала взглянуть куда. Хотя понять, где мы, я бы не смогла, потому что вместе с памятью утратила все познания в географии.

Внезапно распахивается дверь, и в коридоре появляется матрос. Мое присутствие для него неожиданность, он останавливается и бранится себе под нос. Не желая его дразнить, я торопливо взбираюсь по лестнице впереди. Вот и обещанная столовая. К моему удивлению, там симпатично. Посередине комнаты, более узкой, чем мастерская колдуна, стоит овальный стол из черного дерева, у дальней стены — длинная скамейка под красной бархатной накидкой, к полу приколочено несколько табуреток. Я ставлю клетки на край стола и пытаюсь оторвать от себя обезьяну. Но где там! Капуцин впивается острыми коготками мне в ушные хрящи.

— Как хочешь. Три попытки избавиться от тебя оказались неудачными, так что сиди, где сидишь. Но учти, если я найду банан, то съем его у тебя на глазах и ты не получишь ни кусочка.

Животное протестует. Так, во всяком случае, я истолковываю его оглушительный визг.

Одна из двух дверей по сторонам от лестницы открыта, за ней виден камбуз. Значит, вторая дверь ведет в каюту догронов, куда я не стала бы заглядывать, ни за какие обещания. Не хочу даже думать о том, как

они расшвиригали бы, увидев меня на своей территории. Впрочем, стоило бы отплатить им той же монетой — позволили же они себе рыться в моем рюкзаке?

Как ни тесен камбуз, тут есть все, что нужно. В многочисленных ящиках с руническими надписями нахожу кучу еды, в том числе, как ни удивительно, фрукты, свежий хлеб, сыр. Вывод напрашивается сам собой: без магии не обошлось. У фруктов такой вид, словно их только что сорвали, от запаха сыра текут слюнки, хлеб дышит, будто только что вынут из печи. Придаться совершенно не к чему.

Я забираюсь на табурет и нахожу в верхнем ящике все необходимое для нашей корабельной фауны: тунац в масле, собачий пащтет, финики в брикетах, орехи, миндаль, сушеные абрикосы — то-то крикун обрадуется! Учувяв запах еды, он слезает, наконец, с моего плеча. Я ставлю корзинку с сухофруктами на стол, два блюда — с рыбой и с пащтетом — на пол в столовой. Обезьяна немедленно принимается за орехи. Открываю обе клетки. Собака выходит без опаски, но кот остается лежать в клетке, сердито шипя. Я чуть не тычу ему в нос блюдцем с тунцом. Хватит с ним носиться, проголодается — сам выйдет и поест.

Пора заняться своим перекусом. Я в восторге от чудес, от магии Эликса. Не могла себе представить подобной сохранности съестного! Теперь я горда тем, что состою на службе у обладателя таких невероятных способностей. Вдруг, познакомившись поближе, он согласится взять меня в ученицы?

Я долго выбираю и наконец склоняюсь в пользу толстого ломтя свежего хлеба с белым сыром и куска теплого яблочного пирога. До чего вкусно! Не знала бы,

что к чему, точно решила бы, что пирог вот-вот испечен. Не могу удержаться и беру добавку. После чего засыпаю прямо на скамейке, сытая и спокойная.

Очнувшись после сиесты, я долго не могу сообразить, где нахожусь. Сколько прошло времени?

Я не могу шелохнуться и начинаю паниковать, но быстро соображаю, что опасаться нечего. Просто на моих ногах растянулась болонка. Кот предпочел свернуться у меня на животе. Капуцин занял уже привычное место на моем плече. Пошевелишься тут! Но мое сердце ликует, так они выразили свою благодарность.

Увы, идилия длится недолго. Ее грубо прерывает один из братьев-догронов, вбежавший в столовую. От него так разит серой, что у меня перехватывает дыхание. Зверье, дружно пробудившись, шмыгает в камбуз. Я сажусь на скамейке и оказываюсь со страшиломатросом лицом к лицу. Не знаю, с ним ли я столкнулась недавно в коридоре: их с братом не различишь.

Так или иначе, этот не сводит с меня глаз, в которых нет ни капли дружелюбия. Я кажусь себе загнанной в западню дичью.

— Привет, — произношу я, поднимая правую руку. — Я пришла с миром.

Моя попытка разрядить обстановку шуткой в индейском стиле ни к чему не приводит. Взгляд догрона становится еще более грозным.

В коридоре, потом на лестнице раздаются шаги.

Появляется второй матрос. Скользнув по мне взглядом и недовольно рыкнув, он отпихивает брата и исчезает в своей каюте, как будто потеряв ко мне

интерес. Такое поведение показалось первому догرونу убедительным: он пожимает плечами и исчезает за дверью комнаты следом за вторым. Дверь захлопывается.

Облегченно переведя дух, кидаюсь в камбуз, хватаю болонку и кота и сажаю их в клетки. Им, ясное дело, не хочется за решетку. Не знаю, чем питаются огры-драконы, и судя по тому, как испугались мои зверюшки, лучше мне даже и не пытаться выяснять. Капуцин отстал от меня: он повис на ручке шкафа и испуганно трясется. Я насильно сажаю обезьянку себе на плечо. Она с криком впивается коготками мне в ухо. Я глажу ее по спинке, чтобы успокоить.

— Ну-ну, огр-дракон не причинит тебе вреда.

Вообще-то я не уверена. Вдруг колдун поручил мне кормить животных только для того, чтобы позднее отдать на растерзание страшным братьям? Но с чего я взяла, что они хищники? Мало ли кто как называется! Хотя девочка-подросток может прийтись им по вкусу...

Все еще думаю о категорическом запрете Эликса, сижу на дальнем от каюты матросов краю скамейки, поставив у ног обе клетки. Заняться мне нечем: здесь нет ни телевизора, ни интернета, остается напрягать слух: что происходит за дверью, у догронов? Оттуда доносится негромкий разговор, перемежаемый всплесками недовольного ворчания. Неужели они там засели, чтобы не показываться мне?

Соблазн слишком велик.

— Месье матросы! — зову я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Может, помиримся? Простите за рюкзак и... и за все остальное.

Что такое «все остальное», я сама толком не знаю. Знаю одно: их не устраивает мое присутствие.

Уж не ревность ли это к вниманию, которое мне уделяет Эликс?

38

В конце концов мой призыв приносит результат: дверь приоткрывается, в щели появляется голова. Смелчак — тот из братьев, кто пришел вторым, более крепкий. Решительно топая, он обходит стол и плюхается на табурет. Напуганный до истерики капуцин забирается мне под свитер и жмет к животу.

Догрон неторопливо меня разглядывает. Я, пользуясь его молчанием, занимаюсь тем же. На столе возлежат его мозолистые руки с зелеными ногтями, больше похожими на когти. Короткая шея, безволосая физиономия. Бровей и то нет. Но вообще-то он не такой уж урод. Пугает разве что цвет кожи, гребень на черепе и зверская гримаса.

Вдруг он раздувает ноздри и выпускает дым. От демонстрации его драконьей сущности у меня желудок в комок сжимается. Чтобы прийти в себя, я опускаю голову — и встречаю умоляющие взгляды собаки и кота. Не иначе, я назначена их представительницей. Киваю в знак согласия с назначением, набираю в легкие побольше воздуха и завязываю разговор.

— Как тебя зовут?

— Сафр, — следует сиплый ответ.

Я ликую: первая победа! Дальше начинаю торопливо говорить:

— Ты говоришь на моем языке! Ты меня понимаешь?

Догрон со странным именем кивает, беззвучно шевелит губами, подбирая слова.

— Атонарпок. Трудно. Я мало говорю. Не люблю, —
выговаривает он, с натугой ворочая языком.

Я решаю ограничиться простыми вопросами.

— А твой брат? Как его имя?

— Маргуль.

Меня вдруг посещает гениальная мысль. И при этом отчаянная.

— А мое имя ты знаешь?

Сафр открывает рот, трясет плечами. Раздается смех — хриплый, но вполне человеческий. Час от часу не легче!

— Нага, — звучит ответ, сопровождаемый дымом, вырывающимся из щелей между острыми зубами. —
Кожимангуитунга. Не знаю. Знает только Хозяин.

Засаекаю периферийным зрением движение. Это осторожно вылезает из своей каюты второй брат. Он опускается на табурет рядом с первым, как можно дальше от меня. Теперь я вижу обоих, и разница бросается в глаза. Сафр определенно старше, судя по морщинам и по суровому облику. На левом виске у него длинный белый шрам, гребень на затылке сильнее заострен. Маргуль помельче, не такой мускулистый, но все равно выглядит устрашающе. У него беспокойный взгляд, будто он чего-то боится.

— А ты говоришь на моем языке, Маргуль?

— Нет, — без промедления отвечает он.

— Что означают ваши имена?

Меня не оставляет мысль, что чем ближе я с ними познакомлюсь, тем проще будет обратить их в моих союзников. И вообще, кажется, знакомых не едят. Да и момент подходящий. Они, похоже, временно сидят без дела, колдун занят — принимает посетителей,

мне тоже нечем заняться. Самое время воспользоваться возможностью.

40

Сафр скребет затылок, подыскивая слова. Маргуль молча смотрит на брата.

— «Сафр» значит «обжора», который ест быстро и много. «Маргуль» — «грязнуля», он ест грязно.

— Эти имена дала ваша мать?

Лицо Сафра, начавшее было разглаживаться, миглом мрачнеет. Мой вопрос ему не понравился. Я спешу исправить неловкость:

— Извини, я не хотела тебя смущать.

— Матери нет, отца нет, — вставляет удрученным тоном Маргуль. — Только Сосана и Хозяин.

— Не понимаю, — честно отвечаю я.

Маргуль пожимает плечами. На более внятные разъяснения он не способен. Придется соображать самой.

— Как будет на вашем языке «не понимаю»?

— Тукисингуитунга, — переводит Маргуль. Его брат по-прежнему насупленно молчит.

— Тукисингуитунга, — неуклюже выговариваю я.

Маргуль поощряет меня кивком. Я выдерживаю паузу, потом задаю новый вопрос:

— Куда плывет баржа?

— По реке, — невозмутимо отвечает Сафр.

Маргуль меня удивляет: прыскает на неуклюжую шутку брата. Выходит, у них есть чувство юмора?

— А потом? — не отступаю я.

— Потом канал. Потом Тиваз Икиматур, Рунический тоннель.

— Рунический тоннель? — повторяю я, воодушевленная возможностью узнать маршрут. — Куда же он ведет?

— Аупалуки нуилак. Земля песка и ветра. Край колдовства.

От этих гортанных слов Сафра у меня идет кругом голова. Откуда взялась я сама, так и не узнала, зато я знаю теперь, куда направляюсь. На глаза наворачиваются слезы.

— Кто там живет?

— Сосана, — отвечает похоронным тоном Маргуль.

— Колдуны, — скорбно дополняет Сафр.

Наш разговор прерывают шаги на палубе. Сафр и Маргуль тревожно вскидывают головы. Капуцин испуганно возится у меня под свитером.

— Эй! — глухо доносится сверху. — Меня никто не встретит? Куда подевались эти двое никчемных балбесов?

При этих словах Маргуль вскакивает и мигом преодолевает лестницу. Сафр, прежде чем последовать за ним, внушительно смотрит на меня.

— Главное — не двигайся и не шуми. Это очень опасный человек. Я закрою. Сиди тихо.

Сафр покидает столовую, хлопнув дверью.

Я застываю, скованная страхом. Кто этот незнакомец на палубе, сумевший так напугать страшных догров? Не из-за него ли колдун велел мне скрыться с глаз?

Косясь на кота и на собаку, я убеждаюсь, что опасность и впрямь велика. Об этом говорит их вид: прижатые уши, напряженные лапы, расширенные зрачки. Я клянусь свою человеческую сущность, мешающую чувствовать угрозу.

Изо всех сил напрягая слух, начинаю различатьдвигающихся по палубе персонажей. По верхней

палубе что-то волокут на нос. Тяжело топают некто грузный, мелко и быстро семячат догроны. Иногда посетитель что-то бубнит и гулко хохочет.

Мне в глаза вдруг бросается деталь, которой я раньше не замечала. Под самым потолком, на две трети длины столовой, белеет занавеска. Сначала я принимаю ее за украшение, но, приглядевшись, понимаю, что за ней что-то спрятано.

Я слезаю со скамейки. Обезьяна издает предостерегающий крик. Я глажу ком у себя под свитером, встаю на цыпочки и дотягиваюсь до кистей бахромы. Раздвигая их кончиками пальцев, я обнаруживаю длинный горизонтальный иллюминатор.

Будь я выше ростом, я бы могла в него выглянуть.

Я озираюсь и вижу в столовой то, что мне может, — не привинченный к полу табурет. Беру его и осторожно приставляю к стене. Поддерживая одной рукой капучина, я забираюсь на табурет и сую голову под занавеску. Теперь мои глаза находятся чуть выше нижнего края иллюминатора.

Снаружи ночь. Я вижу освещенный зеленоватым светом фонаря кусочек причала и часть перекинутых туда с палубы сходней. Целую минуту ничего не происходит. Потом в поле зрения появляется грузная фигура — тот самый опасный визитер. Его рост определить с моего наблюдательного пункта трудно. Зато в свете фонаря удобно изучать его багровую физиономию с густыми бурыми бровями, двойным подбородком, золотой серьгой в ухе. Здоровяк с легкостью заносит на баржу два полных мешка и через несколько секунд возвращается за новыми.

Токая по мостику в шестой, кажется, раз, он останавливается и вдруг поднимает на меня глаза.

От неожиданности я отпускаю занавеску и не спрыгиваю, а падаю с табуретки.

— У вас гость? — слышу я басовитый вопрос и замираю у стены, затаив дыхание.

— Нет никаких гостей, — отзывается колдун.

— Неужели? — Краснолицый шумно нюхает воздух. — На этой посудине витает новый запахок. И я вроде как заметил...

— А, этот... — Эликс неумело изображает небрежность. — Мое недавнее приобретение. Новый невольник.

Невольник? Это слово звенит у меня в голове, как откровение. Вот, значит, кто я?

— Еще один? — грохочет краснолицый. — Мало вам братьев догронов?

— Сами знаете, невольники — они такие: то они есть, а то хватись — нет их.

— Свеженький запахок! Может, уступите его мне? Уж я найду, куда его пристроить.

— И речи быть не может! Вы его слопаете, как всех прежних. Вы не созданы для рабовладения.

Я сползаю по стене на пол, насмерть перепуганная их речами. Получается, я для них просто зверек!

— Какое жестокосердие, Эликс! Нет в вас ни капли сочувствия к оголодавшему людоеду!

Людоед?! По моему позвоночнику сверху вниз бежит отвратительный холодок. Парочка на палубе грубо хохочет — два мерзких душегуба.

— Лучше уймитесь, — наставительно произносит колдун. — Ваше чревоугодие вас погубит, Грюж-Каркасс¹. Знаю я вас, ваша кладовая всегда битком набита.

¹ Обладывающий туши (фр.).

— Как хотите, — ворчит людоед. — Вообще-то, меня не интересуют невольники. Тоже мне лакомство — кожа да кости! Да еще горчит, а как иначе, когда работаешь из-под палки? Нет, мне подавай людешек пухленьких. Лучше всех те, кто жиреет на фастфуде. На вертеле, да на угольках — объедение! Деликатес, да и только. Кожица лопается на зубах, жирок придает мясцу несравненный вкус. Стоит только обмолвиться об этом лакомстве — сразу слюна течет!

В последний раз сходяв на берег и вернувшись с мешками, людоед громыхает:

— Готово, дражайший Эликс, погрузка завершена.

— Отлично! — Колдун щелкает пальцами. — Сейчас Сафр с вами расплатится.

В столовую с шумом вламывается старший догрон. Не глядя на меня, он открывает нижний шкафчик, достает четыре деревянных ящика с красными, как кровь, овощами и торопится с ними наверх.

— Вуаля! — При появлении из утробы баржи Сафра колдун хлопает в ладоши. — Десять килограммов красного пустынного перца, пальчики оближете!

— *Solanaceae Capsicum!* — звучит восторженный бас Грюж-Каркасса. — Всем деликатесам деликатес!

— Ничего вкуснее в этих краях не найти, — поддакивает колдун.

— Так и есть. Перчики такого качества вызревают только в знойном воздухе Красной пустыни. Они придают пикантность любому мясу, даже пресному. Сами понимаете, не каждый день мне выпадает лакомиться маленькими детишками. Случается довольствоваться старой, сухой человечинкой. Наша сделка, как всегда, прошла как по маслу, дражайший Эликс.

— Я тоже чрезвычайно ценю наше сотрудничество, милейший Грюж-Каркасс, — воркует колдун, любезный, как завзятый торгаш. — Ваша продукция всегда наивысочайшего качества.

— Вы мне льстите. Итак, встретимся снова через шесть лун.

— Непременно, уговор есть уговор. Всего доброго, Грюж-Каркасс.

Тяжелые шаги людоеда снова грохочут. Немного погода раздаётся металлический скрип — это втягивают на борт мостик. Под ногами оживает дизель, его вибрация отдается во всем моем теле.

Я позволяю себе выдох облегчения. Но передышка длится недолго. В столовой появляется рассерженный колдун с таким видом, словно у него несварение желудка.

— Аниакувик! — рычит он. — Тебе было велено не высовываться, а ты вон что вытворяешь.

— Я отсюда ни ногой! — лепечу я, так и не отлипнув от стены. — Строго, как вы наказывали.

— А кто высунул наружу нос? — Он тычет пальцем в оставшийся под иллюминатором табурет. — Твое счастье, что мне было чем расплатиться с Грюж-Каркассом, иначе мне осталось бы одно — пожертвовать тобой.

— Он настоящий? — спрашиваю я колдуна, уже отвернувшегося и готового уйти.

Эликс снова смотрит на меня, строго хмуря брови.

— Я про людоеда, — уточняю я на случай, если он не понял. — Неужели настоящий?

— Вот ведь дурень! Ясное дело, людоед — он людоед и есть, а ты что думал? Что все мы тут притворяемся? Да, он питается человечиной, как и вся его порода.

Знаю, ты явился из мира невежд, но больше не смей раздражать меня такими вопросами! Заруби себе на носу: колдовство, руны и людоеды существуют. Хватит корчить из себя недоумка, сынок. Отнеси-ка этот зверинец ко мне в кабинет и принимайся драить полы. Не выношу, когда мои невольники прохлаждаются без дела. Атии!

Я повинуюсь, больше ни о чем не спрашивая. Бегу вверх по лестнице, по коридору, вниз по лестнице с другой стороны. Под стойкой, куда я возвращаю животных, стоят две новые клетки. В одной нахохлилась белоснежная птица, похожая на чайку, в другой большая черепаха, втянувшая голову в панцирь. Интересно, сколько еще зверья соберет здесь колдун? Пять питомцев уже многовато. Я вытаскиваю из-под свитера обезьяну и насильно, не обращая внимания на ее визгливые возражения, сажаю в клетку. Намеренно избегая отчаянных взглядов зверей, я с тяжелым сердцем покидаю кабинет, чтобы приступить к обязанностям обыкновенной рабыни.

Это я-то, дерзко мечтавшая стать ученицей мага!

Я елжу мокрой шваброй по палубе, а у самой мозги раскалились. Сколько ни силюсь, никак не вспомню, как угодила к колдуну. Годы, месяцы, дни, предшествовавшие прошлой ночи, вязнут в сплошном тумане. Зато произошедшее после помню до боли. Руны, колдун, догроны, людоед — все вращается вокруг колдовства. Недаром сам Эликс мне напомнил, что мы с ним принадлежим к разным мирам.

Я задираю голову и дышу что есть мочи свежим речным воздухом. Баржа медленно плывет по реке,

берега которой покрыты густым лесом. Вдали розовеет небо, надрываются птицы, значит, из-за леса вот-вот выкатится солнце. Честно говоря, меня вовсе не смущает неведомое. Природа и медленное движение баржи действуют на меня умиротворяюще. Желтеющая растительность на берегах указывает на время года. Каштаны гнутся от гроздьев оранжевых плодов, плакучие ивы любят свои желтыми отражениями в спокойной воде. В высокой траве прогибается от росы кружевная паутина. В утреннем холоде я выдыхаю пар, из ведра с теплой водой, стоящего рядом с рубкой, пар и подавно валит столбом. Сафр, несущий вахту у штурвала, не сводит глаз с горизонта. Маргуль возится на корме — водит туда-сюда валиком, размазывая черную краску.

Куча мешков под синим брезентом на носу баржи мешает домыть палубу. Стоит мне, поддавшись любопытству, прикоснуться к одному мешку, как Сафр кричит:

— Савипангитук! Не трогай!

— Что там? — интересуюсь я со всей доступной мне наивностью.

Я отлично знаю, что эти мешки перетащил на баржу Грюж-Каркасс. Дорого бы я дала за то, чтобы выяснить, что у людоеда за товар. Сафр внимательно смотрит на меня, склонив набок голову, потом отвечает, окутанный серным дымом:

— Нага. Тебе лучше не знать.

— А я хочу, скажи.

— Тогда давай играть. Я говорю, ты угадывай.

Я радостно киваю и жду.

— Что ест людоед? — начинает Сафр.

— Легкий вопрос! Мясо.

— Ли. Какое мясо?

— Думаю, всякое. Для него нет разницы.

Откуда я знаю, можно ли верить сказкам? Напротив, я не слыхала, чтобы у людоедов было пристрастие к острому.

— Этот хуже всех. Недаром его зовут Грюж-Каркасс. Он не хочет мяса нерсут, животных с четырьмя ногами. Ему подавай свежее мясо двуногих. Ну что, догадалась?

— Людей, что ли? — лепечу я.

— Правильно, — подтверждает догрон. — Когда он съел все мясо, что осталось?

— Фу!.. — И я начинаю перечислять: — Одежда, обувь, кожа... кости?

Сафр молча смотрит на меня красными глазами. Мне трудно в это поверить. Я сглатываю и испуганно кошусь на кучу мешков под брезентом.

— Ты хочешь сказать, что эти мешки набиты чело-
вечьими костями?

Догрон с улыбкой кивает. Мне страшно, а ему смешно.

— Я говорил, лучше тебе не знать. Теперь ты знаешь — и что? Тебе лучше? Нага. Грюж-Каркасс пожирает мясо, оставляет кости и продает их Хозяину.

— Но зачем?.. — в ужасе недоумеваю я. — Зачем они ему?

Сафр становится серьезным.

— Илали. Вот так. Такая у Хозяина работа. Пикиниаро серратк. Собиратель магии. Всюду собирать, продавать другим колдунам.

— Собиратель магии... — повторяю я задумчиво. — Вот оно что... Все равно не понимаю. Какая в костях магия?

Сафра медленно обволакивает новое облако дыма с запахом серы. Чувствую, его терпение на исходе.

— Много вопросов. Опасно. Я говорю, ты молчишь. Конец, не задавать вопросов.

Я киваю. Он начинает объяснять, но слов не хватает, тогда он зовет на подмогу брата. Тот оставляет свой валик и с вопросительным видом подходит к нам.

— Килингуипунга сулинек, Сулитси, — обращается к нему Сафр на своем гортанном наречии. — Окарук иввит.

Маргуль явно недоволен. Он трясет головой, хочет отказать, но все же уступает старшему брату. Бросает на меня сердитый взгляд, что-то бормочет — не иначе, бранится. А потом принимается поразительно внятно объяснять на моем языке:

— Кости не волшебные. Это просто кости. Но немного колдовства в них все-таки есть, потому что они часть людей. Когда колдуны смешивают их с чем-то еще, может родиться могучая волшебная сила. Вот так. Теперь ты перестанешь задавать вопросы, ли? Хозяину не нравятся любопытные. Так что прекрати и доделывай свою работу.

Сафр, не глядя на меня, кивает. Я добила, чего хотела. Больше он сегодня ничего не скажет.

— Спасибо, Маргуль, спасибо, Сафр, — смиренно благодарю их я и ухожу со своим окутанным паром ведром на другой борт.

Теперь мне понятнее, зачем Эликс ходит на барже. Так можно хорошо загрузиться и плыть себе, не привлекая ничьего внимания, по течению. Не думаю, что торговля человеческими костями — законный промысел, не говоря о рабовладении и похищении домашних животных.

Когда я заканчиваю драить палубу, солнце уже стоит высоко. При всей усталости мне не хочется на боковую. Догадываюсь, что организм сбился с ритма. Пока что у меня не было времени вернуться в свою каюту. Еще неизвестно, кстати, можно ли мне так поступить. Чтобы не привлечь к себе внимания и не получить новое задание, просто сажусь на палубу, привалившись к стене рубки. Догроны по-прежнему при деле: Сафр держит штурвал, Маргуль что-то мастерит. Если кто-то на барже и лоботрясничает, так это Эликс, не вылезающий из трюма.

— Эй, сурусик!

Раскатистый рык Сафра пробуждает меня от дремоты, в которую я все же погрузилась. Встаю, плохо соображая, что к чему.

— Как ты меня назвал?

— Сурусик, так называют таких, как ты, — объясняет Сафр, не отпуская рукоятки штурвала. — Сейчас будет шлюз. Поможешь Маргулю. Поглядим, какой из тебя юнга.

Берега по курсу почти смыкаются, впереди вырастает какой-то город. Сафр направляет баржу в обложенный камнем коридор справа. Для такой длинной посудины это непростой маневр, но рулевой знает свое дело. Поборов течение, мы заходим в узкий канал. Берега угрожающе сближаются. Впереди высокие ворота. Маргуль, нахлобучивший на голову широкую фуражку, скрывающую лицо, подзывает к себе.

Пока баржа скользит между открытыми створками шлюза, догрон объясняет мою задачу. Я должна, идя вдоль борта, сбрасывать приготовленные им буи — «подушки», которые помешают нам притереться к причалу.

Стоит корме миновать ворота шлюза, как Сафр подает сигнал. Я сбрасываю буи, Маргуль тем временем перепрыгивает на причал и крепит швартовочный канат. Ворота шлюза закрываются, лохань, где мы заперты, начинает наполняться водой. Причал метр за метром уходит вниз — это поднимается уровень воды. Вокруг ни души, все происходит автоматически.

Наконец, вода перестает прибывать, впереди открываются новые створки, приглашающие нас в следующий канал. Маргуль отвязывает баржу, я затягиваю буи обратно на борт, Сафр понемногу прибавляет ход. Теперь баржа скользит посреди города: набережные по обеим сторонам усажены желтеющими деревьями, за ними высятся дома. Изредка появляется бегун, кто-то выгуливает собачку. Ни на меня, ни на невиданных матросов, управляющих баржей, никто не обращает внимания. Я ловлю момент, чтобы понежиться на утреннем солнышке. Как ни странно, Маргулю хочется того же: догрон усаживается рядом.

Сначала он молчит. Мы просто сидим бок о бок, дружно провожая глазами пролетающего над баржей голубя и напряженно вслушиваясь в далекий собачий лай. Серный дух выдержать нелегко, а так компания вполне приятная. Я испытываю облегчение: в его обществе мне спокойно.

— Хозяин не знает, что ты девочка? — шепотом спрашивает догрон, не глядя на меня.

Недоуменно гляжу на него. Секунду назад мне казалось, что он дремлет, прикрыв козырьком глаза. Он принимает мое молчание за утвердительный ответ и продолжает:

— И не надо. Мы с Сафром сразу догадались, потому тебя и невзлюбили. От девчонок одни проблемы. Но ты ничего, не хуже мальчишки.

От этих его слов я морщусь, но ничего не отвечаю.

— Да, ты смелая и упорная, как мальчишка, — объясняет Маргуль — Это хорошо.

— Как вы узнали? — интересуюсь я, подражая его заговорщическому тону.

— Запахи очень выразительны. Чего только не расскажут! Но Хозяину невдомек. Носы людей и колдунов никуда не годятся.

— Вы должны и дальше притворяться, что считаете меня мальчиком. Ворон говорил, это очень важно.

— Говорящий ворон? — удивляется Маргуль.

— Я видела его во сне. Он был белоснежный.

Наконец-то Маргуль поворачивает голову, так он удивлен. Подавшись ко мне, он чуть слышно бормочет:

— Никому об этом не рассказывай. Пусть этот ворон останется твоей тайной. Даже Сафр ничего не должен знать. Белое существо — знак сильного волшебства.

Он немного отодвигается, продолжая смотреть на меня так, словно впервые видит.

— Надо подобрать тебе имя. Вроде Сафра и Маргуля.

— Вы сами так назвались?

Он кивает.

— Все думают, что братья-догроны — тупицы. Годаются только на то, чтобы работать и подчиняться. А мы хорошо соображаем. Мы не глупые, мы живем, дышим, думаем. Значит, мы имеем право на имена. Я придумал «Сафра», Сафр — «Маргуля».

— Эликс не знает, что у вас есть имена?

Маргуль грустно улыбается.

— Он называет нас «догорон катаннгутижит» — «братья-догроны». Но чаще «иввит» — «ты». По имени зовут того, кого любят или уважают. Рабу имя ни к чему.

— Сафр назвал меня «сурусик».

— Сурусик не имя, а просто слово, вроде «стол», «стул», «лодка». Вот наша баржа вправе носить имя — «Тень на воде». А ведь это просто посудина, не имеющая души. Что же, «Тень на воде» ценнее братьев-догронов? Наверное, да. Но это несправедливо. Ты хорошая, ты наблюдаешь за живыми существами и ценишь их, даже догронов, простых невольников. Поэтому ты достойна настоящего имени. Я подыщу имя, согласна?

Я радостно поддерживаю предложение Маргуля. У меня появится имя, оно заменит то, которого я лишилась. Его подарит мне догрон, доверяющий мне больше, чем его господин.

Меня снова клонит в сон, я готова прикорнуть на плече у Маргуля. Тот, заметив это, подкладывает мне под щеку как подушку свою фуражку, вывернув ее подкладкой наружу. Она, конечно, пованивает серой и скипидаром, но я тронута его заботой. Ни на что не поменяла бы свое местечко на палубе! Здесь мне в тысячу раз удобнее, чем в темной каюте.

Когда я просыпаюсь, солнце уже клонится к закату. Вот это поспала так поспала! Город остался позади, баржа пришвартована к берегу канала в гуще великолепно-го леса, расцвеченного всеми красками осени. Я ловлю малейший шорох. Вдалеке ухает филин, где-то рядом заливаются синицы и дрозды. Дует легкий ветерок, шурша желтыми листьями. Я не слышу никакого шума,

ничто не указывает на близость дороги, на присутствие людей. Слышится только упоительная музыка лесной чащи. Но со временем я начинаю различать голоса. Они звучат неподалеку — внизу, под палубой. Маргуль беседует с колдуном.

Встаю и прислушиваюсь. Голоса доносятся из кабинета. Я подхожу к лестнице, здесь лучше слышно.

— Прошла уже неделя, Хозяин, — говорит Маргуль.

— Талии сапатик, Сулитси, — вторит ему Сафр.

— Уже? Как летит время... — рассеянно отзывается Эликс.

— Мы с братом очень голодны.

— Кактунга, — подтверждает Сафр.

— Меня это не устраивает. Груз должен быть доставлен в срок. Задержка недопустима, — ворчит колдун.

Я полна негодования. Маргуль и Сафр вынуждены выпрашивать подачку, как бесправные рабы, хотя камбуз ломится от еды. От этой вопиющей несправедливости я скрежещу зубами. Меня подмывает встрять в их спор и заклеить Эликса позором. Но кто я такая? Всего-навсего сурусик. Если я вздумаю вмешаться, он поднимет меня на смех.

— Мы мигом! — молит его Маргуль. — Место лучше не придумаешь. Темно, лес густой, кишит дичью. Никто нас не увидит. Пожалуйста, Хозяин!

— Мик, Сулитси, — подхватывает Сафр.

До меня вдруг доходит, что догроны не выпрашивают еду, а просят на охоту.

— Не нравится мне это, но еще хуже плыть дальше с парой голодных догронов. Ладно уж, я разрешаю вам вылазку.

— Вот спасибо, Хозяин, вот спасибо! — лебезит Маргуль с явным облегчением.

— Накурмик, Сулитси, — поддакивает Сафр.

— Даю вам три часа. Да, и пришлите мне мальчишку, живо! Эти клетки невыносимо воняют! Не желаю нюхать их в своем кабинете.

— Я здесь, — докладываю я, спускаясь по ступенькам.

— Тем лучше. Возьми клетки, отнеси на палубу и как следует почисти. Иввит, икиопук, — приказывает Эликс Маргулю. — Помоги ему поднять все наверх.

Мы с догроном хватаем клетки. На палубе я спрашиваю:

— Вы идете в лес? — Он кивает. — Можно мне с вами?

— Нага, нельзя. Ты должна заниматься нерсут.

Он указывает на животных, трясущихся в клетках.

— Накорми, вычисти. Выполняй приказания Хозяина.

Сафр не обращает на меня внимания. Он стоит на борту, морда у него хищная, выражает зверский голод. Он будто переродился. С этим Сафром мне разговаривать неохота, от одного взгляда на него меня бьет дрожь.

Маргуль присоединяется к брату и дружески хлопает его по плечу. Сафр кивает и отставляет назад одну ногу, как бегун на старте. Прыжок — и он уже в воздухе. Оттолкнувшись от ограждения, он приземляется на причале, брат следует его примеру. Нос баржи ходит от толчков взад-вперед, удерживаемый канатами. Сафр и Маргуль быстро удаляются.

— Какая же это охота? — наивно кричу я им вслед. — Кто охотится с пустыми руками?

Сафр оглядывается и бросает на меня свирепый взгляд. Красные глаза хищно блестят, из приоткрытого рта вырывается дым. Лучше бы я не привлекала к себе внимания.

— Нам оружие не нужно, у нас есть ЭТО.

Сафр изрыгает в мою сторону раскаленную струю, превращающуюся на лету в огненный шар. Я испуганно пачусь. К счастью, огонь гаснет, не добравшись до баржи, но меня успевает обдать жаром. Я вижу, как догроны исчезают в зарослях. Их движения четки и гибки, как у доисторических велоцирапторов.

Выходит, братья огры-драконы и впрямь плюются огнем! Мне казалось, я понимаю, с кем имею дело, а оказалось, что ничегошеньки о них не знаю! Стою столбом, упершись взглядом в ту точку, где их проглотила чаща.

Мяуканье заставляет меня перевести взгляд на клетки. Животные ведут себя спокойнее, чем когда рядом находились Сафр и Маргуль. Всех, кроме белой птицы, я выпускаю на палубу. Далеко не уйдут, канаты, удерживающие баржу на месте, слишком длинны, чтобы животные попытались перепрыгнуть с борта на берег. Такая акробатика под силу только догронам.

Сначала мою клетки при помощи большого количества воды и грязных тряпок Маргуля. Потом пересаживаю птицу в другую клетку и занимаюсь ее жилищем. Собака и кот повсюду суют свои носы, не отрывая их от досок палубы. Наверное, догроны оставили по углам свой запах. Черепаха пытается сбежать, что само по себе смешно, капуцина посещает неудачная мысль залезть на флагшток.

Временно оставив зверинец без присмотра, я спускаюсь в камбуз за едой. В волшебных шкафчиках есть все необходимое. Я кладу еду для животных в корзину, не забыв и про себя, и в приподнятом настроении возвращаюсь наверх.

Я уже выхожу на палубу, как вдруг слышу голос колдуна:

— Сурусик! — доносится откуда-то снизу.

Дверь в его кабинет приоткрыта, наверное, он слышал мои шаги. Я ставлю корзину и с нехорошим предчувствием сбегая по ступенькам.

— Ступай в мастерскую, мой мальчик, — приказывает Эликс, когда я толкаю дверь.

Неохотно подчиняюсь. Инстинкт предостерегает от беды. Меня охватывает первобытный страх, все мои волосинки дыбом встают при мысли о том, что может произойти. Страх превращается в приступ паники, я готова с воплем бежать.

Но куда? И кто услышит меня?

Поэтому я, как автомат, перешагиваю порог сумрачной мастерской.

Здесь, похоже, кое-чего прибавилось. На стойке горелка, над ней подвешена колба с бурлящей, причудливо светящейся зеленой жижей.

Эликс ставит в центр комнаты потертое кожаное кресло и предлагает мне сесть. Я сажусь, тихо подобрavшись и тяжело дыша. Сердце колотится как бешеное. Кожа на спинке кресла потрескивает. Мои ноги не достают до пола. Колдун выдвигает ящик, достает шприц с дьявольски длинной иглой и поворачивается ко мне.

Прямо доктор Франкенштейн, задумавший новый эксперимент.

— Ты такой бледный! — улыбается он. — Что-то не так?

Мой взгляд, прикованный к шприцу, подсказывает ему ответ.

— Это? Какая безделица! Успокойся, я ничего не намерен тебе вводить. Возьму кровь, и дело с концом.

Он берет толстую резинку. Я боюсь, что он прикрутит мне руки к креслу, но он просто закатывает неспешными движениями мой рукав, затягивает веревку над локтем и, нежно постукивая пальцем по сгибу, нащупывает вену. Подносит к ней иглу, втыкает, снимает резинку. Я заставляю себя не отводить глаз. Слишком легко было бы зажмуриться и остаться в неведении о том, что он со мной делает. Моя кровь быстро наполняет шприц.

— Зачем вам это?

— Ты смелый мальчик, — хвалит меня Эликс вместо ответа на вопрос. — Многие на твоём месте отворачиваются.

Набрав полный шприц, он вынимает иглу и смотрит через мою кровь на горелку.

— Загляденье, а не цвет! — восклицает он. — Отличное качество! Достоинство молодежи в том, что магия редко вас портит.

Всего в три шага он достигает стола со шприцем в руке, снимает щипцами коническую крышку с колбы и откладывает ее в сторону. После этого нажатием на поршень он впрыскивает в колбу мою кровь. Я завороченно слежу, как она смешивается с зеленой жижей. Та сначала взбаламучивается, потом быстро темнеет, становясь непроницаемо черной и на вид вязкой, как нефть. Но это всего на несколько секунд. За стеклом

образуется пузырь воздуха, смесь опять бурлит и освещается: сначала она багровая, потом оранжевая, потом бежевая. Наконец, возвращается зеленый цвет — в виде расширяющихся изумрудных полос. Вскоре вещество в колбе приобретает свою первоначальную расцветку.

— Замечательно! — радуется колдун, возвращая колбу на пламя горелки. — Высший класс!

Я, вжавшись в кресло, слежу за каждым жестом Эликса. Ужасно хочется узнать, что он собирается сделать с моей кровью и какую участь готовит мне самой. Раз он меня не отпускает, значит, со мной дело еще не закончено. Вижу, как он присоединяет к жерлу конической колбы трубку перегонного аппарата, поддает жару и ждет, уперев руки в боки. Начинается химическая реакция. Зеленая жижа вскипает и наполняет стеклянную трубку. Мы с Эликсом скользим взглядами по сложным зигзагам трубки. Двумя маршрутами жидкость поступает в стеклянный шар, ненадолго там задерживается, бежит по спирали. В конце концов дистиллированная, почти прозрачная жидкость капает в сосуд в три раза меньшего объема, чем первоначальная емкость.

Эликс встречает эти капли довольной улыбкой. Не знаю, что он варганит из моей крови, но результат его устраивает. Открыв какой-то ящик, он роется в нем, что-то восклицая на том же гортанном языке, на котором общается с догронами.

— Нага, ангиуклуар... Нага, пекангуилаг... Ах, уна тага.

С этими словами Эликс выпрямляется, держа в руках не то кольцо, не то обруч.

Он спует по своей мастерской, как будто забыв о моем присутствии. Потом зажимает обруч в тисках, достает из глиняного горшка перо, окунает его кончик в перегнанную жидкость. Вот, оказывается, что он задумал: вывести на обруче фразу из непонятных знаков.

Вернее, фраза выводится как бы сама собой: попав на обруч, зеленые чернила дымятся и выжигают буквы. Тем не менее это чрезвычайно скрупулезная каллиграфия, ведь писать приходится на узкой закругляющейся поверхности. Через четверть часа колдун откладывает перо и разжимает тиски, чтобы полюбоваться результатом своих усилий. Довольно покивав, он подходит ко мне.

— Надень это! — требует он. — На шею.

Я беру обруч. На самом деле это деревянный ошейник с разрывом. Развожу края и надеваю. Странное ощущение! Уж не удавка ли это? Я хватаюсь за обруч, но он свободно болтается и вовсе не создает ощущение затягивающейся петли.

— Зачем это?

Я вожу по обручу пальцами, нащупывая вьющиеся по всей окружности письмена. Тут явно какое-то колдовство.

— Это заклинание невольничьего ошейника, — начинает объяснять колдун, складывая свои принадлежности и не достаивая меня взглядом. — Оно закрепляет тебя в моей собственности. А теперь марш отсюда! У меня есть дела, у тебя тоже. Атии, сулами!

Я в потрясении сползаю с кресла и, шатаясь, ползу вверх по ступенькам. Руки и ноги плохо мне подчиняются — то ли он выкачал из меня многовато крови, то ли дело в волнении.

Я хватаюсь за перила, не доверяя ногам, и дрожащей рукой поднимаю корзинку. На палубе я, как робот, раздаю еду своим питомцам. После этого падаю, как подкошенная, на бухту канатов и впиваюсь взглядом в безмолвный лес. В голове бесконечно вертятся слова колдуна.

Я — его собственность.

Собственность, ничего более. Имущество. Принадлежащий ему предмет.

Мне на кисть падает слеза. С удивлением смотрю на нее: оказывается, я плачу. Плач переходит в бурные рыдания, я ничего не могу с собой поделать. Остается ждать, пока минует кризис, стараясь не слишком шуметь. У меня чувство, что весь мир превратился в неподъемную тяжесть: так действует беспамятство, постоянная опасность, угрожающая мне на этой калоше, мое рабское состояние. Хорошо хоть, что есть догроны. Осторожная обходительность, которой они меня окружили, — единственное, за что можно уцепиться. Теперь мы связаны общей судьбой.

Слезы выплаканы, а я все еще сижу на своем импровизированном сиденье, шмыгаю носом и утираю его рукавом. Мне до тошноты тяжело и тоскливо, но худшее позади, грусть постепенно отступает. Подношу руку к шее, раздраженной непривычной тяжестью ошейника, и дергаю его, силясь разомкнуть, но деревяшка, похоже, обрела прочность стали. Концы уже не развести, не то что при надевании.

Быстро темнеет. Огни нашего судна не в силах справиться с потемками. Ловлю кота, засмотревшегося на копошащихся на берегу грызунов, и собаку, попытавшуюся прогрызть дыру в мешке с костями, поднимаю

черепаху, прервав ее неспешное путешествие поперек палубы. Троица рассована по клеткам, теперь надо найти капуцина. На флагштоке его больше нет, на крыше рулевой рубки тоже, как и под ограждением борта. Я заглядываю под канатную бухту и под мешки — пусто. Как сквозь палубу провалился! Я поворачиваюсь к берегу и осознаю свою ошибку.

Обезьянка такого размера запросто могла перебраться по мостику на причал.

Сомнений не остается: капуцин сбежал.

Ох и недоволен будет Эликс! Представляю себе его гнев, и у меня пересыхает во рту. Остается последнее средство: я ложусь животом на бортовой ящик и, до боли всматриваясь в темноту, тихонько зову:

— Обезьянка! Малыш!

Все напрасно, он не вернется. Как ни боюсь я колдуна, за беглеца нельзя не порадоваться. Будь я обезьяной, поступила бы так же.

И тут я вздрагиваю от шума в чаще. Неужели обезьяна услышала мой зов?

При виде двух массивных фигур на берегу меня охватывает воодушевление.

Догроны! Бесшумно ступая и улыбаясь, они возвращаются на баржу.

Судя по их виду, они всласть повеселились. У Маргуля все лицо, руки, грудь перепачканы запекшейся кровью. Недаром Сафр называл брата грязнулей. Сам Сафр выглядит приличнее, но и на нем красуются следы недавней охоты; стараюсь не смотреть на его окровавленные пальцы, но из-за этого мне приходится

смотреть ему в лицо, а там, у рта, тоже алеют выразительные штрихи.

Сытые охотники выпрямляются на палубе. Сафр протягивает мне руку, другой рукой трогает тесное кольцо у себя на шее.

— Привет, сукадук, — бормочет он с гримасой.

Маргуль тоже поправляет на себе ошейник.

— И у вас такие?! — удивляюсь я.

Стыдно быть такой дурочкой! И невнимательной. Меня извиняет разве что цвет деревянных ошейников, из-за которого они сливаются с темной кожей догронов. Или я слепа, потому что погружена в себя?

— Это бивара сикутжу, его должны носить все рабы Хозяина, — объясняет Маргуль.

— На нем письмена... — начинаю я.

— Чернила, в которых твоя кровь, — договаривает за меня младший догрон.

— Да!

— Я хотел тебя предупредить, — бормочет Маргуль. — Хотел предостеречь. Думал, успею, но...

— Таама, — философски заканчивает за брата Сафр. — Бывает.

Я догадываюсь, что даже если бы Маргуль успел меня предупредить, ничего бы не изменилось. Что толку было упираться? Я только ухудшила бы свое положение.

— Ошейник заколдованный? — испуганно верещу я.

Маргуль подтверждает мое опасение невеселым кивком. Он так стискивает челюсти, что становится ясно: разговоры про могущество ошейника ему поперек горла. Они с Сафром ненавидят это рабское ярмо

и бояться его, читаю я в их глазах. Вот, значит, каковы колдуны: они коварны и трусливы.

Я уже ненавижу Эликса.

Моим хозяином ему не бывать.

— Снимите с меня это! — требую я, отчаянно впившись в свое ярмо. — Вам хватит сил его разорвать. Умоляю!

Сафр качает головой. Маргуль смотрит на меня с сочувствием. Из его ноздрей вырывается дымок.

— Ничего не выйдет, — слышу я за спиной насмешливый голос. — Бивара скован колдовством рун. Его ничто не разомкнет.

Эликс небрежной походкой прохаживается по палубе. Не иначе, он нас подслушивал. Я бы с радостью заставила его проглотить эту улыбочку.

— Добро пожаловать на борт, — обращается он к догронам. — Нам пора отчаливать. Отдавайте швартовы, запускайте двигатель.

Догроны безропотно повинуются, оставляя меня с колдуном наедине.

— Раз ты души не чаешь в догронах, не стану вас разлучать. Впредь будешь ночевать на палубе. Тогда звезринец постоянно будет при тебе. — Он поворачивается к шеренге клеток и хмурится, видя, что одна из пяти пуста. — Где обезьяна? Куда она подевалась?

— Сбежала.

— Не понял... — сердится Эликс.

— Пропала, пока я была у вас.

— Аниакувик! — цедит он. — Ты выпускал их из клеток?

— Мы же на корабле. Откуда мне было знать, что капуцин выберется по веревкам на берег.

— Ты меня огорчаешь, мальчик, — сухо бросает он. — Усвой первый урок: не надо меня огорчать. Второй урок такой: этот обруч не только символ принадлежности, но и орудие наказания. Бивара, тодонцу!

Заклинание еще не отзвучало, а обруч уже греется. Острая боль расплзается по всему телу, каждый мой нерв горит огнем, все до одной мышцы превращаются в кисель, и я валюсь с ног. Вместо крови в моих жилах булькает что-то радиоактивное. Не припомню, чтобы мне когда-нибудь было так же худо.

Эликс наблюдает за мной, наслаждаясь своим могуществом. Проходит вечность, прежде чем он бормочет новое заклинание, прекращающее мои мучения.

Я сжимаюсь в дрожащий комок. Все, что угодно, лишь бы это не повторилось!

— Апик сурусик. Умница. Полагаю, ты выучишь этот урок. Что надо сказать?

Я борюсь с продолжающимися судорогами, чтобы пролепетать:

— Я... я... простите меня.

— Нет-нет, ответ неполный. Привыкай называть меня Хозяином.

— Х... Хозяин, — бормочу я, как автомат. — Простите меня, Хозяин.

— Так гораздо лучше.

Эликсу лень обходить, и он перешагивает через меня. Я слышу, как он спускается с палубы в трюм.

Я лежу не шевелясь. Память о нечеловеческой пытке лишила меня всякой воли. Одна радость — прикосновение холодных досок палубы к щеке.

Немного погода палуба начинает вибрировать. Баржа как ни в чем не бывало продолжает плавание. Я бы рада прыгнуть в воду и плыть, сколько хватит сил, лишь бы оказаться как можно дальше, но где взять силы? Остается неподвижно лежать там, где упала, и смотреть перед собой, ничего не видя.

Проходит несколько минут, и ко мне приближаются две босые зеленовато-черные шершавые ноги.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает Маргуль.

— Я уже никогда не буду в порядке, — стону я в ответ. — Никогда!

Догрон вздыхает, просовывает под меня руки и поднимает, как пушинку, чтобы перенести к рулевой рубке, на матрас, которого там раньше не было. Он укрывает меня спальным мешком.

— Ты не обязан это делать, Маргуль.

— Хотя и не обязан, а делаю.

Я висну между дремотой и бодрствованием. Сознание окутано серой дымкой. Мне видится засохшее дерево, посеревший от нескончаемых дождей дуб. Вокруг него — белое пространство. В тумане скользят какие-то фигуры — не люди и не животные. Мне боязно к ним приближаться.

С нижней ветки дерева на меня глядит ворон с белоснежным оперением. На фоне этой белизны выделяется жгуче-черный глаз.

— Снова ты? — ворчу я.

— Так ты встречаешь своего защитника? — сердится он.

— Ты мой защитник? Где же ты был, когда на меня надевали вот это?

Со злостью хватаюсь за свой ошейник. Казалось бы, такое не может присниться. Но нет, эта гадость на месте, еще более массивная и тяжелая, чем наяву, все равно что ярмо на шее у тяглогового вола.

— Бивара сикутжу, — хвастается своими познаниями мой пернатый собеседник.

— Как я погляжу, мэтр Ворон — большой знаток.

— Чертовы колдуны! — хрипло каркает говорящее пернатое.

— Чертовы вороны! — подхватываю я.

— Следи за своим языком, маленькая бесстыдница! — сердится птица. — Я пытаюсь до тебя добраться, но это очень непросто. Движущаяся вода мешает моему волшебству. Пока ты на корабле, ничего не получается.

— Выходит, ты тоже колдун?

— Чародей, дорогуша, а никакой не колдун.

— Какая разница?!

Ворон недовольно нахохливается.

— Сейчас не время для лекций, — бормочет он.

— А по-моему, самое время. Ты, да я, да мы с тобой. Вся компания — это дерево да туман.

— Так только кажется. Уверен, ты заметила тени. Это духи, они обязательно станут подслушивать. Дерево создал я, оно — зона покоя, которая может в любой момент рассеяться. И тогда...

— Короча! — перебиваю я его. — В чем разница между колдуном и чародеем?

— Как нетерпелива молодость! — восклицает птица, закатывая глаза. — Колдуны владеют наукой

снадобий и заколдованных предметов, но подлинное волшебство им не по плечу. То ли дело чародеи!

— В смысле?

Побуждаю птицу продолжить, видя, что она не настроена распространяться. Мне хочется понять, что к чему. Но объяснение грозит затянуться. Ворон возобновляет представление: озирается с видом параноика, долго прыгает на ветке, прежде чем уступить и продолжить.

— У чародеев — собственная волшебная сила, она течет в их жилах, бежит у них под кожей, ею полнятся их легкие. Они могут поступать с волшебством по своему усмотрению, менять ход событий. Потому-то они редко встречаются и вызывают страх. Самые способные могут направлять окружающее волшебство, которое без своего ведома порождает любое живое существо.

— Если ты собирался меня поразить, то уймись, это напрасный труд. — Не знаю, почему так психую, может, потому что все происходит во сне, но напыщенный ворон страшно действует мне на нервы. — Вместо того чтобы дать мне спокойно поспать, ты вторгся в мои сны со своими ужастиками. Если смысл в том, чтобы я уяснила, что ты ничем не можешь мне помочь, то лучше успокойся. Спасибо.

Моя злость, как ни странно, поднимает ворону-чародею настроение. Он даже издает звук, похожий на хихиканье.

— Клянусь стариком Балиганом, ты — копия своего папаши!

Меня обдает холодом, хочется надеяться, что я услышалась, но я знаю, это не так.

— Ты про моего отца?!

— Тсс! Не так громко! Я же говорил, безопасность оставляет желать лучшего.

— Ты знаком с моими родителями? — спрашиваю я, стараясь совладать с собой и со своим голосом.

— А как же! — отвечает птица, словно это само собой разумеется.

— Отвечай, кто я! — приказываю я почти в истерике. — Если ко мне вернется память, я сумею избавиться от Эликса.

— Молчи! — снова требует пернатое. — Так волшебство не работает. Одних слов мало, чтобы...

Он таращит глаза и, осекшись на полуслове, замирает и прислушивается. Я ничего не слышу. Что ж, он чародей, у него могут быть недоступные мне органы чувств. Внезапно меня настигает высокий звук, похожий на скрип, рвущий барабанные перепонки и резонирующий в челюстях.

— Нас засекли! — сообщает ворон, ероша перья на шее.

Туман темнеет, и я, подняв глаза, понимаю почему. Позади белого скелета дерева теперь вырисовывается громадный силуэт. Он приближается, распространяя тошнотворный запах. Птица готовится вспорхнуть с ветки. Мир вокруг нас распадается на части, усеявшись черными разрывами.

— Мне пора! — бросает ворон, взлетая. — Будь настороже!

Резко просыпаюсь. Вокруг меня по-прежнему вьется туман. Постепенно до меня доходит, что он настоящий. Баржа бесшумно плывет, как в густом облаке, в котором вязнут ее красные и зеленые опознавательные огоньки. Одного взгляда в сторону рубки

достаточно, чтобы успокоиться: Сафр по-прежнему стоит у штурвала. Удивительно, как он умудряется что-то различать в этом супе.

Я облегченно перевожу дух, роняю голову на подушку и вскоре погружаюсь в сон, уже не нарушаемый никакими сновидениями.

— Эй, просыпайся! Ты должна это увидеть!

Я продираю заспанные глаза. Убедившись, что разбудил, Маргуль перестает меня трясти. Скидываю спальный мешок, в который замоталась, и сажусь. Приходится протирать глаза и моргать, прежде чем ко мне возвращается зрение. Уже давно рассвело, туман рассеялся. Канал снова сузился, кажется, он лишь немного шире баржи. Мы плывем в тоннеле из сомкнувшихся над нами зеленых и желтых ветвей густого леса, который будто пытается спрятать нас от остального мира. Крылья птиц стремительно разрезают утренний воздух. Ветви колеблет легкий ветерок, на нас неспешно опускаются желтые листочки. Большая капля росы падает мне на макушку, стекает по затылку и окончательно будит.

— Что такое?.. — бормочу я, не понимая, зачем вообще понадобилось меня расталкивать.

— Тиваз Икиматур, — лаконично отвечает Сафр, не выпуская рукояти штурвала.

— Рунический тоннель, — переводит Маргуль. — Мы покидаем твой мир и возвращаемся в наш.

Только сейчас мне начинает открываться, что они пытались мне объяснить в прошлый раз. Другой мир? Это еще какой?

Держась за леерный трос, я напрягаю зрение. Баржа медленно всплывает в настоящий, а не лиственный тоннель. Свет меркнет, птичье пение и трепет листьев постепенно стихают. Теперь слышен только шум двигателя, отражающийся от каменных стен тоннеля. Может показаться, что нам навстречу движется другая баржа. Тоннель не совсем темный, повсюду мерцает зеленоватый свет. Я поднимаю глаза. Потолок густо исписан нанесенными прямо на камень зелеными письменами.

— Что здесь написано?

— Это знают только колдуны. Я думаю, здесь говорится о Переходе из одного мира в другой. Письмена создают Переход.

— Как это возможно? — Я поворачиваюсь к Маргулю. — Где находится ваш мир по отношению к моему? Разве это может служить их связью?

— Не знаю.

Внезапно стук дизельного двигателя прекращается. Тишина становится почти осязаемой.

— Почему ты заглушил двигатель? — спрашиваю я с упреком Сафра, покинувшего рубку и присоединившегося к нам. — Кто управляет баржей, если не ты?

Сафр, глядя на меня, выдыхает дым.

— Почему, почему... — передразнивает меня догрон. — Апикутилар илиану мики ниакук.

— Что?..

— Слишком много вопросов в одной голове, — переводит он.

— Руны делают и это, — объясняет в ответ на мое недоумение Маргуль. — Нас несет течением.

— А если встречный корабль? Здесь не разминутся!

— Вода течет в одну сторону. Никакого встречного корабля, — терпеливо говорит догрон.

— Значит, в тоннеле одностороннее движение?

— Апикутилар... Слишком много вопросов, — укоряет меня Сафр.

Он приносит из рубки две трубки и одну протягивает брату. Старший догрон достает из кармана кисет и набивает трубку. Зажигать ее излишне: табак начинает тлеть, стоит поднести трубку ко рту. Маргуль берет кисет и совершает точно такую же операцию. Я думаю, что он забыл про мой вопрос, но нет, из густого облака дыма, заслонившего руны, доносится ответ:

— Есть много рунических путей, связывающих наши миры. Это и каналы, и мощеные дороги, и проселки с верстовыми столбами. Взять этот тоннель: ход только в одну сторону.

— Что, существуют и другие миры?

— Я знаю два: твой и мой. Но я всего-навсего невольник-догрон. Я не знаю всех ответов.

Дальше мы плывем под руническими фразами в полном молчании. Вход в тоннель позади нас сжимается из яркого пятна в мерцающую точку. Я смотрю на свои ладони, освещенные волшебным зеленым светом. Он лежит на всем вокруг, все кажется нереальным. Нахожу взглядом клетки с животными. Совсем про них забыла. А ведь я за них отвечаю, таково повеление Эликса.

Я снова нарушаю молчание.

— Это надолго?

В этот раз я достаиваюсь внимания Сафра, cedящего обращенный ко мне приказ:

— Нипируннаи!

Мне на выручку опять приходит его брат.

— На час, — тихо говорит он. — А теперь замолчи и не двигайся. Пусть время скользит, как корабль по течению. Для нас, догронов, это время сосредоточения. Ты должна это уважать.

Приходится мне прикусить язык. Ничего я не поняла. Что еще за особенный момент? Даю себе слово расспросить Маргуля позже, а пока что сажусь, привалившись спиной к рубке, натягиваю до подбородка спальный мешок и молча наблюдаю бег рун над головой.

Мне трудно поверить, что происходит что-то необыкновенное. Лично я не ощущаю никакой разницы. Ни покалывания, ни пощипывания, ни зуда. Пахнет мокрыми камнями, серой и табаком — все-таки рядом догроны. Выходит, у волшебства нет запаха. Вдруг оно действует, как радиация, — сила, которую наши чувства не улавливают, несмотря на ее сокрушительную мощь? Не вредно ли для здоровья подвергаться сильному волшебству? Вдруг меня ждут опасные последствия? Догроны — чудища, сотворенные колдовством Эликса. Но я-то совсем другая! Что будет со мной? Вопросов столько, что я больше не в состоянии усидеть. Мне необходимо потратить распирающую меня энергию хоть на что-то. Я верчусь и никак не нахожу удобную позу. В конце концов сбрасываю спальный мешок, но быстро замерзаю и снова под него ползу. Чувствую, догронам все труднее терпеть мою возню.

— Иввит акару? Нервничаешь? — спрашивает Сафр. — Тук, пужортарук. — И он сует мне свою трубку.

— Ты что?! — Я оскорбленно отталкиваю вонючую штуковину. — По закону я еще ребенок, дети не курят!

— Неужто? — Он искренне удивлен. — Матана. Жаль.

Крепко держа трубку, он усиленно втягивает дым, раздувая грудь и щеки. А потом наклоняется и выдыхает весь дым прямо мне в лицо. Я кашляю, задыхаюсь, меня вот-вот вывернет от запаха серы и гвоздики.

В следующую секунду гадливость сменяется истомой. Руки и ноги размягчаются, вся я превращаюсь в тряпичную куклу. Только и могу, что скорчиться под спальным мешком в полном оцепенении.

Зато мое сознание раскрывается, как лепестки цветка поутру.

Мое внимание привлекает шевеление на потолке. Я заворуженно смотрю туда.

Рунические письма оживают.

Там, где раньше зеленели только неподвижные буквы, возникают завитки, танцующие изгибы. Между рунами протягиваются зеленые жилки. Весь каменный свод покрывается густой сетью извивающихся изумрудных волокон. То же самое происходит под водой. Нагнувшись, слежу за непрерывно меняющимся калейдоскопом. Поверхность воды покрыта волшебной рябью. Движение воды увлекает за собой наш корабль.

Все это совершенно невероятно...

И так прекрасно, что я с трудом сдерживаю восторженный вскрик.

Но уже мгновение спустя я вздрагиваю от отрезвляющей мысли: это все Сафр с его ядовитым дымом! Табачок у догронов высокотоксичен! Вот я и галлюцинирую.

Но эти опасения, пусть и обоснованные, быстро рассеиваются. Остаются только бурная радость и восхищение, вызванные волшебством Рунического тоннеля.

В тоннель к зеленым рунам и дыму догронов начинается просачиваться свет. Еще несколько минут — и баржа vyplывает из темноты. Теперь на нее обрушивается всепоглощающая лавина света. Огромное солнце обдает нас жаром и временно ослепляет. Несомненно одно: если здесь существуют времена года, то сейчас не осень. Я вскакиваю, сбрасываю спальный мешок, судорожно избавляюсь от куртки. При виде окрестного пейзажа удивленно застываю.

Лес уже позади, не видно больше ни деревца, о буйной флоре остается только мечтать.

Вокруг, насколько хватает взгляда, раскинулась усеянная камнями пустыня цвета охры.

Вдали, не знаю, на каком расстоянии, в колеблющемся раскаленном воздухе темнеют горы. Вдоль воды выживает чахлая растительность, возделываемая крестьянами, ковыряющими землю, такую же красную, как песчаные дюны. Насколько я понимаю, воду для орошения своих участков они отводят прямо из канала. Одеты они как бедуины, но лиц разглядеть не могу. Не удивлюсь, если их облик окажется вовсе не человеческим... В конце концов, мы покинули мой мир, и я понятия не имею, что за существа населяют мир, в который мы приплыли.

Там и сям тощие четвероногие клячи волокут тяжелые плуги, на которые налегают закутанные в тряпье двуногие. Я бы назвала кляч зебрами, потому что спереди у них полоски, хотя сзади круп белый, а на голове рожки, как у антилоп.

Руны остались далеко позади, и баржа, не испытывая больше их влияния, быстро сбавляет ход. Сафр

приказывает мне вывесить за борта «подушки», чтобы баржа не притиралась к каменным стенкам канала. Жду, что он запустит двигатель, но этого не происходит. Догрон окликает крестьянина, сидящего на берегу, в тени своих кляч. Крестьянин, похоже, оказался здесь неспроста: он вскакивает, ловит на лету брошенный Маргулем канат и привязывает его к ярму на шее одной из своих зебро-антилоп. Те покорно приступают к буксировке.

С появлением на палубе Эликса моей безмятежности приходит конец. На его голове теперь высится темный тюрбан, просторные черные одежды мало отличаются от облачения местных земледельцев. Может, он здешний? Широкая улыбка как будто подтверждает это предположение.

— Наконец-то пустыня! Как я соскучился по запаху песка и по жаркому солнцу!

Раз я признала его своим хозяином, уже не осмеливаюсь к нему обращаться. От этого вопросов в голове не становится меньше. Правда, задавать их — только его злить, ответов все равно не добьешься.

Эликс щелкает пальцами, указывая на клетки. Я помню, что поплачусь головой за утрату хотя бы еще одного животного. Напоминать мне об этом излишне. Тороплюсь на кухню за едой для своих подопечных. Содержимое шкафов возбуждает аппетит, и я успеваю сама поесть, наполняя корзинку сухим кормом для кота, паштетом для собаки, зерном и салатом. Тороплюсь обратно на палубу, как дисциплинированный солдатик, выпускаю зверье из клеток — строго на время, необходимое для уборки в клетках, после чего снова их туда заманиваю полными кормушками. Их

слепая доверчивость трогает до слез, но я, возвращая зверей в неволю, кажусь себе предательницей. Колдун застрял на палубе — проверяет свой груз. То и дело чувствую на себе его взгляд. Уверена, стоит мне хоть немного дать маху — и наказание не заставит себя ждать.

Исполнив свои обязанности, поворачиваюсь к нему в ожидании новых поручений.

— Ступай умойся и переоденься для пустыни, — сухо приказывает он.

Он просто помешан на чистоте. Я буквально бегу выполнять его приказания. Кубарем скатываюсь по ступенькам и влетаю в каюту. Колдун запретил мне здесь спать, и стараниями догронов матрас перекочевал на палубу. Но рюкзак никуда не делся. Я тороплюсь под душ, потом натягиваю джинсы и майку. Куртка и свитер остаются в каюте. Вот только тяжелые ботинки мне сменить не на что.

Кажется, у меня есть пара минут, чтобы посидеть и успокоиться, прежде чем снова склониться перед Хозяином. Какой я стала трусихой! Как же хочется взбунтоваться и отдубасить этого дешевого мага, но память о пережитой боли еще жива. Я безропотно повинуюсь, люто себя за это ненавижу.

Эликс ждет на палубе. Осмотрев меня с ног до головы, он с упреком говорит:

— А ты хлюпик! Прямо девчонка. Набирайся силенок!

Да уж, вид у меня в маечке совсем не выигрышный. Я видела себя в зеркале в душе и должна признать, что не могу претендовать на то, чтобы называться подростком. Длинные худые ноги-руки, узкие плечики, совершенно плоская грудь. Не знаю, сколько

мне на самом деле лет, но так, на глазок, больше десяти не дашь.

— Зверюшки спекутся на солнце, найдешь им тень и дашь воды. Потом унесешь обратно в каюту свои спальные причиндалы. Ну и поможешь догронам по хозяйству. Стоянка завтра.

— Можно перенести животных в столовую? — спрашиваю я, покорно потупив взор.

— Валяй.

Уношу клетки, возвращаюсь, скатываю матрас и спальный мешок и тащу в каюту, обливаясь потом. От горячего сухого воздуха пустыни у меня при каждом вдохе горит рот. Я выпиваю в ванной большой стакан воды, возвращаюсь на палубу и иду за инструкциями к Сафру. Он сует мне кисточку и початую банку со смазкой для обработки тех мест на судне, где не должны скапливаться песок и пыль. Несколько часов подряд я мажу различные движущиеся детали густой зловонной гадостью. Стоит высунуться на солнце, как по лбу и по спине начинают сбегать капли пота. Солнце добралось до зенита и палит что есть мочи. Тени стали совсем коротенькими, укрыться негде. Держать глаза открытыми и то трудно, такая начинается резь от жгучего света. Все отдала бы за солнечные очки!

Голос Маргуля заставляет оглянуться:

— Ты вся красная, сурусик!

Я вскидываю тяжелую от зноя голову. Солнце уже не в зените, но жара все еще нестерпимая. Я провожу ладонью по предплечью, не чувствуя никакой боли.

— Да нормально...

— Маленький акижикути совсем запекся, — шутиливо произносит Сафр.

— Акижикути? — мямлю я.

— Цыпленок, — переводит Маргуль. — Ты красная, как со сковородки. На твоём месте я бы чем-нибудь прикрыл голову и руки.

— И так сойдет, — бормочу я, ставя на палубу банку с кисточкой.

На самом деле я упираюсь только для вида. В следующую секунду сбегая с палубы, радуясь возможности глотнуть прохлады в трюме. В ванной гляжусь в зеркало. Догроны не шутили: у меня сгорело лицо, плечи, руки до самых кистей. Прямо креветка в кипятке! Вот только боли почему-то не чувствую.

Я мочу под краном платок и обвязываю им шею. Восхитительная влага! Одежды, спасающей от солнца, у меня нет, приходится шарить в ящиках. Нахожу шикарную бежевую рубашу. Я немного подворачиваю рукава. Прикосновение ткани к коже вызывает зуд. Хорошо, что на глаза попадает выпавшая из рюкзака на пол бейсболка. Натягиваю ее на горящие уши, кляня свое легкомыслие. Почему не спохватилась раньше?

Нетвердым шагом возвращаюсь на палубу. Налицо первый признак солнечного удара — озноб. Тело горит, тем не менее я вся в гусиной коже. Странное ощущение — перегреться и одновременно мерзнуть! При моем появлении Маргуль довольно кивает.

— Так-то лучше. Гляди в оба! Солнце пустыни опасно для таких белокожих.

— Ничего, не беспокойся за меня.

И я молча возвращаюсь к работе. Мне стыдно признаться Маргулю, что я плохо себя чувствую. Кружится

голова, тошнит, дрожь усиливается с каждой секундой. Тем не менее хватаю кисточку и принимаюсь усердно ею водить. Не хватало уступить первому недомоганию! Решать будет не обожженная кожа, а я сама. Я знаю об опасности солнечного удара, но знаю и другое: надо просто стиснуть зубы и дожидаться облегчения.

...

— Вот дубина! — раздается голос Эликса.

Лежу на спине, ничего не соображая.

Я упала?

Зрение мутится, голова безостановочно кружится. Тошнит так, что не передать. Я переворачиваюсь на бок, меня рвет.

Становится полегче — но ненадолго.

Дело плохо. Я чувствую себя как марионетка, которой обрезают нити. Руки свинцовые, кожа саднит на всем теле, лицо пылает. При этом меня колотит озноб.

— Немедленно тащите его ко мне в мастерскую!

Меня хватают две сильные руки. Минута — и я оказываюсь в полутемном прохладном месте, жаль, что под мерзким зеленым светильником. Но дело не в нем. Мне совсем худо, зубы клацают, перед глазами плывет.

Я погружаюсь во мрак и безмолвие.

Я прихожу в себя уже настороженной. Мне как будто лучше, тошнота прошла, судороги тоже, осталась только легкая дрожь.

Я опасливо разжимаю веки. Люстра из разноцветного стекла на потолке светит еле-еле. Я лежу на полу по пояс голая, с раскинутыми руками и ногами.

Раздается покашливание, я вздрагиваю и поворачиваю голову.

Эликс восседает в своем кожаном кресле, впившись в меня своими темными глазами. Подперев подбородок кулаком, он довольно ухмыляется.

— Хватит валяться!

Я подчиняюсь и сажусь, боясь, что сейчас заболит и закружится голова.

Но голова в порядке. Ломки больше нет, ожоги прошли, о случившемся напоминает только сильная усталость.

— Что произошло? — спрашиваю я, с трудом ворочая языком.

— Ты глупый тупоголовый мальчишка, вот что произошло, — звучит в ответ.

Я не знаю, как на это ответить, поэтому молчу.

— Тебя хватил солнечный удар. Ума не приложу, как с тобой быть: сам ты не можешь о себе позаботиться. Вокруг пустыня, здешнее солнце — убийца. Учти, я сильно огорчусь, если ты сдуру испустишь дух.

А я-то думала, что просто немного перегрелась...

Подношу к глазам правую руку — какого она цвета? Бледно-розового, креветочного оттенка, все в порядке.

Хотя...

Это еще что такое?!

Оцепенение мигом проходит. На моей коже красуется странный знак.

На тыльной стороне кисти появилась руническая надпись.

Я верчу кистью и вижу еще несколько значков.

Их десятки! Меня наградили целым предложением, бегущим от пальцев вдоль всей правой руки

и заползающим на плечо, дальше мне не видно. Я догадываюсь покоситься на левое плечо — письма продолжаются и там, сбегая по левой руке вниз.

— Что еще за?..

— Я не врач, — перебивает меня Эликс. — Я колдун. У меня свой способ устранять проблемы — с помощью рун. Теперь ты защищен от солнца — во всяком случае, пока не сотрется надпись.

— То есть как?

— А так. Я прибег к чернилам, вытяжке из корня гомбата. Они стойкие, продержатся несколько месяцев, прежде чем начать бледнеть.

— Несколько месяцев...

Я глубоко дышу, чтобы не лопнул раздувшийся в груди шар негодования. Такое чувство, что я больше не принадлежу себе. Воспользовался моей беспомощностью, чтобы испакостить татуировкой — ишь, ловкач! Мало ему ошейника!

— Можешь встать?

Вскакиваю. Дурноты нет и в помине. Я киваю, давая понять, что исцелилась.

— Тем лучше. Брысь из моей мастерской! За работу, атии!

Я хватаю протянутые им майку и рубаху и вылезаю в дверь. Глупо было воображать, что он за меня тревожится. Какое там, этому типу нужно одно: чтобы я поскорее скрылась с глаз.

Реакция догронов на мое появление в таком виде не заставляет себя ждать. Сафр недовольно пыхтит. Прочтя руны, он бормочет, что ему это не нравится.

Маргуль беспокоится о моем здоровье, щупает мне лоб, а потом с деланным безразличием отходит. Нагоняю его и требую, чтобы они с братом растолковали мне, в чем дело.

— Руны на теле — это нехорошо, — объясняет Маргуль, косясь на надпись.

Он старается, чтобы его не услышал Эликс, и я его понимаю. Схватив банку и кисть, я мажу не глядя, вполголоса продолжая наш разговор.

— Это как?

— Руны заколдовывают предметы, а не живых существ.

— Но ведь помогло, — возражаю я, показывая свои руки без ожогов. — Отличное средство!

Маргуль выпускает дым. Над нами медленно плывет к горизонту огромный солнечный шар. Благодаря магическим письменам я совсем не чувствую боли. Солнечные лучи ласкают кожу, как зимой. Настоящее волшебство!

— Люди не полешки и не камни, — возражает догрон. — Все разные. Ты не знаешь, как на тебя действуют эти руны.

— Ты про побочные эффекты? — осеняет меня.

— Вот-вот! Побочный эффект — правильные слова. Руны оберегают тебя от солнца, но разве это все? Неизвестно. Даже Эликс этого не знает.

— Хочешь сказать, что он нечасто прибегает к этому колдовству?

Маргуль качает головой. У меня сдавливают горло. Я перестаю елозить кистью по густо вымазанному смазкой болту и разглядываю свои руны — а как еще это назвать? По руке бегут буквы неведомого мне алфавита.

Я пытаюсь стереть часть фразы, послунявив палец, но где там! Чернила проникли глубоко в кожу.

— Хозяин — мастер рун, — бормочет Маргуль. — Но замечала ли ты руны на нем самом?

Вопрос догрона крутится в моей голове. Я видела руки Эликса до плеч — белые, как у меня. При всех своих познаниях он не рискует сам подвергаться воздействию этой магии. Меня вдруг посещает ужасная мысль:

— Вдруг для Эликса я — подопытная свинка?

Маргуль соглашается, закатывая глаза, — как же долго до меня все доходит!

— Я отнес тебя к нему в мастерскую. Хозяину не понравилось, что тебе плохо, но он обрадовался, что на тебе можно испытать что-нибудь новое. Вот увидишь, теперь он будет за тобой наблюдать, чтобы понять, как работают его руны.

Я молчу, так сильно сжимая себе кисть, что белеют пальцы. Как на это реагировать? Все вокруг меня имеет две стороны: светлую и темную. Эликс спас мне жизнь, расписав рунами, но не знает, к чему это приведет. Догроны — мои друзья, но при этом они — страшные убийцы. Благодаря колдовству кухонные шкафы ломаются от еды, но невольничьим ошейником я тоже обязана ему.

— Мне так жаль, — неожиданно произносит Маргуль. — Мимианак.

— Почему?

— Я не знал, что жителям твоего мира так вредно солнце Красной пустыни. Я должен был тебя предостеречь.

— Ты не виноват! — восклицаю я, удивляясь, что он может испытывать угрызения совести, и продолжаю

полушепотом: — Мне самой нужно было быть настороже. Но я подражала вам: вам обоим хоть бы что, вот и дала маху.

— У нас, догронов, толстая кожа, она защищает нас и от жары, и от мороза.

— Можно потрогать? — спрашиваю я. Меня уже разбирает любопытство.

Маргуль охотно закатывает рукав своей тельняшки и протягивает руку. Касаюсь его запястья. Удивительное ощущение! Я хочу получше рассмотреть его кожу. Назвать это кожей трудно. Догроны смахивают на змей: их тела тоже покрыты миллионами наползающих друг на друга крохотных чешуек. Это гладкий сухой покров, мелкая зеленовато-коричневая сетка. Маргуль наблюдает за мной с улыбкой, невольно обнажая хищные клыки. Странные они, эти огры-драконы!

— Ты когда-нибудь пробовал человечину? — внезапно для самой себя выпаливаю я. Ну и опрометчивый вопрос!

Оживление младшего догрона тотчас гаснет. Он отворачивается, отвлекаясь на безжизненный пейзаж, чтобы не отвечать. Мне стыдно, что я могла его обидеть.

— Прости! Не обращай внимания. Сама не знаю, что на меня нашло. У меня нет права так тебя...

— Пробовал, — признается он, повесив голову. — В свое время я питался человечиной. Но все это по воле Сосаны. Мы с Сафром были охотниками в его лабиринте.

— Сосана? Лабиринт?

— Завтра сама все увидишь.

Баржа сотрясается от носа до кормы. Меняется буксировщик: дальше нас будет тянуть огромный

буйвол. Погонщик зебро-антилоп прошагал несколько часов кряду под палящим солнцем, ни разу не присев, маковой росинки у него во рту не было. Настоящий герой! Стоя на берегу канала, он машет нам рукой, сначала дотронувшись ладонью до сердца и до лба. Это сигнал: Сафр бросает ему что-то, с виду простой камень. Погонщик ловит этот предмет на лету, повторяет тот же занятный жест, кланяется и садится в тени своей скотины.

Сафр уже вернулся в рулевую рубку.

— Ты бросил ему в оплату камень? Я не ошиблась?

Придерживая одной рукой штурвал, Сафр протягивает мне тяжелый, как гиря, мешочек. Я хватаю его, открываю, заглядываю внутрь. Мешочек полон бирюзовых камешков.

— Это ларимар, — хрипит Сафр. — Серратук ужа-рак, волшебный камень. Плата за работу.

Я вынимаю голубой камешек и поднимаю к солнцу, проверяя на прозрачность. Камешек не пропускает света. Нюхаю — никакого запаха. Камешек с белыми прожилками ярко сверкает, приятен на ощупь. От него исходит слабое тепло, что можно объяснить нагревом. Никаких признаков волшебства.

— Откуда ты знаешь, что эти камни волшебные?

Сафр пожимает плечами.

— Знаю, и все. Таама. Все это знают.

Я кладу голубой камешек обратно и отдаю мешочек догرونу. Я готова задать следующий вопрос, но он поворачивает ко мне голову. Вижу, как пылают его красные глаза, и догадываюсь, что пора оставить Сафра в покое.

Огромный солнечный шар исчезает, оставив после себя в небе восхитительное фиолетово-алое зарево. Быстро смеркается, темнота несет долгожданную прохладу. Пока что мне не холодно, на мне майка, рубаха подвязана на талии. Мне предстоит испытать на себе очередное волшебство рун. И верно, чем прохладнее вокруг, тем больше тепла выделяют письмена на моих руках. Можно подумать, что они накопили солнечный жар и делятся им с наступлением ночи. Сами буквы уже не черные, а красноватые, мне даже приходится опустить рубаху, чтобы скрыть их свечение. Не хочется походить на рождественскую елку!

Признание Маргуля не испортило мне приподнятое настроение. Моя татуировка оказалась благословением. Похоже, я — первая на свете девочка-руна!

Сажусь под рубкой и люблюсь небом. В нем одна за другой загораются звезды. Вот и горбатый месяц. Он медленно выплывает из-за далекой цепи гор, в его свете звезды разглядеть труднее.

Какая волнующая картина! Мир-то другой, а луна на месте. Но та ли? И так ли похож здешний звездный купол на привычный мне? Увы, моя покромсанная память не сохранила никаких астрономических познаний. Видно, не особенно я жаловала эту науку. Отличить Большую Медведицу от других созвездий и то не могу.

С наступлением ночи кожа иппобуйвола (так, по словам Маргуля, называется тянущая нас живая громадина) начала испускать странное мерцание, и его хватает, чтобы освещать путь: сам иппобуйвол и его погонщик не думают останавливаться. Я указываю

проходящему мимо меня Маргулю на странное животное и интересуюсь, естественное ли это свечение.

— Нет. В природе такому животному не выжить. Свет привлекает хищников. Владелец подмешивает ему в корм толченные волшебные камни.

— Это не отрава?

— Не отрава. Но не без побочных эффектов, как ты это называешь. Животное становится огромным, его мясо делается совсем несъедобным.

— Прощай, однозначность... — бормочу я себе под нос. — Я-то думала, что есть две разные магии: белая, хорошая, и черная, плохая. Оказывается, я ошибалась: все они серые.

— Можно было бы сказать и так, если бы у магии был цвет, — отзывается Маргуль, кивая.

Чувствую, ему хочется продолжить. Чтобы справиться с собой, он, поджав губы, уходит на корму. Я встаю и бреду за ним.

— Маргуль! Я сказала что-то не то?

Маргуль крутит головой, выравнивая и без того ровно стоящий бортовой ящик.

— Маргуль?

Он поворачивается ко мне. Видно, что он злится и одновременно грустит, стискивая челюсти, чтобы не повысить голос.

— Я видел, как ты смотрела на свои руны. Тебе нравится, колдовство тебя влечет. Понимаю, так и должно быть с человеком из твоего мира. Тебе бы даже Хозяин нравился, не будь таким злокой. Смотри не забывай про осторожность. Пожалуйста, не забывай, хорошо?

Я киваю, хотя не понимаю его предостережение. Догрону хватает согласия: он с улыбкой хлопает меня

по плечу и начинает складывать чехол, накрывающий мешки с костями. Отправляюсь в кубрик за клетками. Пора заняться зверинцем. Даже в трюме звери наверняка страдали от жары.

Я долго разглядываю четверку своих подопечных — собаку, кота, черепаху и птицу — при свете звезд. Мы с ними похожи.

Мы — пленники.

Я вдруг соображаю, что, с их точки зрения, исполняю обязанности мучительницы. Я им не хозяйка и не друг, я невольница, держащая взаперти других невольников. Понятия не имею об их прежней и будущей жизни, хотя могу предположить, что ничего хорошего о ней не скажешь. Эта мысль приводит меня в ужас. Я ничем не лучше Эликса. Я выполняю все его повеления, не задавая вопросов.

А все почему?

Из-за страха наказания.

Из-за своего эгоизма.

Никакого решения я не приняла, но все равно не могу бездействовать. Повинуясь порыву, открываю первую клетку и вынимаю оттуда белую птицу. Убедившись, что никто за мной не следит, подбрасываю пленницу в воздух. Чайка расправляет крылья и, шурша перьями, взлетает.

Чувствую огромное облегчение.

Мне становится легче дышать, как будто меня избавили от тяжелого груза.

Перехожу к клетке, где сидит лохматый кот. Бедняга впал в такое уныние, что не сопротивляется. Прижимая его к себе, я подхожу к левому борту.

— Удачи тебе, дружище, — бормочу я и бросаю кота как можно дальше.

Несколько секунд он проводит в воздухе, приземляется на все четыре лапы на песчаном берегу и без промедления шмыгает в черную пустоту. Наступает очередь болонки. Она маленькая и легонькая, и мне так же нетрудно помочь ей преодолеть расстояние между баржей и берегом. Она приземляется не так изящно, как кот, зарывшись мордой в песок, потом отряхивается, бросает на меня прощальный взгляд и бежит следом за котом.

Остается одна черепаха. Достаяю ее из тюремной камеры и поднимаю на уровень лица. Она медленно шевелит лапами и смотрит на меня крохотными глазками.

— Не знаю, умеешь ли ты плавать. Вообще ничего не знаю о черепахах. Будем считать, что умеешь.

Я свешиваюсь за перила и роняю ее в воду. Раздается тихий плеск, черепаха уходит под воду.

Я гляжу на пустые клетки, радуюсь своему поступку. Эликс будет рвать и метать. Тем лучше.

Косясь на берег, я под удары своего сердца принимаю главное решение.

Разбегаюсь — и прыгаю, как будто мне надо преодолеть пропасть. Отталкиваюсь одной ногой от ограждения и устремляюсь к свободе.

Метнувшаяся за мной тень отращивает руки, которые хватают меня за талию и валят на палубу. Не иначе, на барже завелся опытный регбист.

— Ты что вытворяешь?! — зло шипит Сафр, выпрямляясь. — Совсем голову потеряла? Ниаток татапук ужук!

Я смотрю на догрона совершенно спокойно — даже самой удивительно.

— Да.

— Что «да»?

— Голова. Я потеряла голову.

Появляется Эликс, за ним семенит Маргуль. Колдун заткнул себе за ворот белую салфетку, на догроне фартук. По всей видимости, первый ужинал, второй ему прислуживал.

— По какому поводу шум?

Сафр не отвечает. Маргуль при виде пустых клеток тарачит глаза. Эликс прослеживает его взгляд и поворачивается ко мне. Медленным жестом, не выдавая раздражения, он снимает салфетку. Это почти так же страшно, как его гнев. Я сижу на палубе, Сафр возвращается в рубку, откуда выбежал. Дальнейшее его не касается.

— Что ж, — холодно произносит колдун, — твое пребывание на борту оказалось короче, чем предполагалось. Жаль, ты был любопытным подопытным зверьком. Эй, ты, запри его в каюте!

— Маргуль! — произношу я, когда догрон наклоняется и берет меня за локоть, чтобы поставить на ноги.

— Что такое? — гневно вопрошает колдун, словно я лишилась права говорить.

— Его зовут Маргуль. У него есть имя, извольте обращаться к нему по имени.

Эликс подскакивает ко мне, хватая за ошейник и приподнимает. Только сейчас я понимаю, что он гораздо выше меня. Привстав на цыпочки, я кручу головой, чтобы не задохнуться.

— Ты так и не понял, — цедит он. — Ни у одного из вас троих нет имен. Если вам нечего делать, можете

играть в имена, но личными обозначениями они не будут, так как у рабов нет личности. Догроны и ты всего лишь орудия, находящиеся у меня в пользовании, ничего более.

Он толкает меня в лапы Маргуля и щелкает пальцами. Догрон понуро повинуетя. Ласковее, чем хотелось бы Эликсу, он несет меня вниз и заталкивает в каюту. При этом он молчит, но, судя по выразительному виду, здорово огорчен.

— Мы можем сбежать! — говорю я излишне запыливо. — Все вместе, твой брат, ты и я. Эликс не сможет нас задержать.

Но он пропускает мои слова мимо ушей, захлопывает дверь и запирает с другой стороны. Я остаюсь одна в крохотной камерке, обиженная беспомощностью догрона и удивленная собственной дерзостью.

Сажусь по-турецки на кровать, потом опрокидываюсь навзничь. Затылок прикасается к подушке, ошейник бьет меня по подбородку. Вот бы избавиться от этого ярма! Пытаюсь его сорвать и в который раз убеждаюсь, что это невозможно.

В голове мутно, слишком много мыслей одолевают меня одновременно. Ничуть не сожалею ни о чем из того, что сделала. Освобождение животных познатило меня с самой собой. Конечно, мне страшно думать о последствиях, я гадаю, что произойдет завтра посреди Красной пустыни. Холодная ярость Эликса стала для меня неожиданностью. По мне, лучше было бы, если бы он разорался, если бы тут же взялся меня покарать, чем такое грозное бездействие. Не знаю, какое решение он принял, и боюсь до дрожи. Что, если он захочет от меня избавиться? Продать людоеду? Не хочу

расставаться с догронами, единственными моими друзьями в целом свете. А вдруг дело в другом? Вдруг я обезумела из-за рун?

Поток вопросов, грозящий и впрямь свести меня с ума, прерывается: меня клонит в сон.

Мне кажется, что я заперта в каюте с незапамятных времен. Сплю урывками. Малейший шум на палубе — и я просыпаюсь. Когда Эликс распахивает наконец дверь, я вдруг понимаю, что прошло всего несколько часов.

— Собирай рюкзак, — приказывает колдун сухим тоном. — Нас ждет пустыня. Ничего не забудь, ты сюда не вернешься.

Я беспрекословно подчиняюсь. Сворачиваю спальный мешок, собираю одежду и пихаю в рюкзак. Стараюсь не задавать себе слишком много вопросов о том, что меня ждет. На палубе меня встречает ослепительный солнечный свет. Солнце вскарабкалось высоко в небо, тени скукожились. Не иначе, скоро полдень.

Наша баржа привязана под высоким фонарем в форме пагоды — единственным признаком человеческой деятельности в окрестностях. Отвязанный иппобуйвол безразлично бредет вдоль канала в обществе своего хозяина. Канал, сущая нелепость посреди всей этой суши, кажется нескончаемой стрелой, пронзающей океан дюн.

Стоит мне выйти на свет, как оживают письма на у меня руках: кожа чувствует чудесную прохладу.

Сафр трудится в поте лица: один за другим хватает мешки с костями и перебрасывает их стоящему на берегу Маргулю.

— Нечего бездельничать, — раздается у меня за спиной голос Эликса. — Живо на берег, поможешь догрону навьючивать квагт.

— Квагт?.. — переспрашиваю я, но не получаю никаких объяснений.

Пробегаю по мосткам и впервые ступаю на красный песок пустыни. Маргуль упорно на меня не смотрит. От грусти у меня сжимается сердце. Тянет поговорить, объяснить свой поступок, но при колдуне не поговоришь. Остается сбросить рюкзак и кинуться собирать разбросанный там и сям груз. Кроме мешков с костями, на берегу валяются оплетенные бутылки, десяток деревянных ящичков, в том числе три с надписью «не кантовать», кожаные саквояжи — явно вещи самого Эликса.

Вдали, в дрожащем воздухе пустыни, появляется вдруг какая-то тень. Сначала очертания неясны, потом становится понятно, что это движущийся в нашу сторону караван. Это квагты, те самые рогатые зебры, которых я уже видела у канала. Их ведет мужчина во всем черном, на голове у него синий, как у туарегов, тюрбан. На всех квагтах пустые вьючные седла. Маргуль работает как заведенный. Едва караван останавливается, он принимается навьючивать квагт. Сафр сходит на берег, чтобы ему помочь. Я присоединяюсь к ним, подтаскиваю грузы, но много такими хилыми ручонками не перетаскать. Чтобы меня занять (иначе Эликс прогневается), Сафр поручает держать навьючиваемую квагту за недоуздок, потому что близость догронов сильно нервирует животных.

Наш обожаемый хозяин распоряжается работой с баржи.

— Осторожнее с бутылками! Не ленись, мой мальчик! Вот ведь копуша мне на голову! Привяжите

прочнее ящики, не видите, что ли, надпись «хрупкий груз»? Ассерок!

Не навьюченной остается всего одна квагга — на ней поедет Эликс. Нельзя же, чтобы бесценный хозяин утруждал себя хождением по песку! Когда караван готов, Эликс покидает баржу и расплачивается несколькими синими камешками с человеком в тюрбане, который удовлетворенно садится под фонарь.

— Он с нами не поедет? — спрашиваю я, тут же спохватываюсь, что лишена права открывать рот, и почтительно добавляю:

— Хозяин.

— Я заимствую у него караван, он охраняет мою баржу. Атии!

Эликс забирается на головную кваггу и приказывает Сафру взять ее под уздцы. Я замыкаю караван. Медлю несколько секунд и напоследок гляжу на баржу. Не знаю, увижу ли я ее снова. На ее борту началась моя беспмятная жизнь. Странно покидать единственное знакомое место и устремляться в неведомое.

ДВИЖУЩИЙСЯ МИР

Идти по пустыне — все равно что идти по нескончаемому пляжу.

Красный песок осыпается у меня под ногами, набивается в ботинки, заставляет спотыкаться на каждом шагу. Проходит четверть часа — и я полностью лишаюсь сил. Мышцы лодыжек горят огнем, нетяжелый рюкзак превратился в неподъемную гирию. Но хуже всего полное отсутствие ориентиров: одни дюны, насколько хватает взгляда. Взбираться на них утомительно, спускаться и того хуже. Кваггам хоть бы что, их копыта шире лошадиных и позволяют не проваливаться в песок. Догроны тоже шагают без усталости, не испытывая никаких затруднений.

Я выдохлась и уже боюсь отстать. Как ни стараюсь, расстояние между крупом замыкающего животного и мной неуклонно увеличивается. Моя участь заботит, кажется, одного Маргуля. Он то и дело оглядывается,

проверяет, не потерялась ли я. После двух часов пути он пропускает караван вперед и дожидается меня. Вижу, он смущенно подыскивает слова.

— Не надо было так делать, — тихо выдавливает он.

Для меня такое облегчение, что он наконец со мной заговорил, что я готова повиснуть у него на шее, вот только не допрыгну.

— К чему было выпускать животных? — продолжает догрон. — В этом нет смысла.

Я пожимаю плечами, глядя на протоптанную выючными животными недолговечную колею в песке.

— Это было нужно мне самой. По крайней мере, теперь они на свободе. У меня тепло на сердце от этой мысли.

— Если бы... — бормочет Маргуль. — Что ты сочинишь? Их сожрали хищники. Ни один зверь из твоего мира не выживет в Красной пустыне. Здесь полно опасных существ. Они гораздо злее и стремительнее кошки и собаки.

— Вроде тебя?

— Самые опасные — мисукжук, песчаные черви. Они выслеживают добычу по дрожи от ее шагов. Есть еще пусинуилак, пустынные кошки размером с рысь. А змей здесь столько, что ты и вообразить не можешь. Или взять ящериц, плотоядные растения...

— Хотя бы птица выжила.

Он с сожалением качает головой.

— В небе тоже голодные хищники. Они сразу ее порвали.

— А черепаха? Я бросила ее в воду канала.

— Черепахи не подвержены колдовству. Возможно, она еще жива.

— Надеюсь.

Воцаряется почти осязаемая тишина. Маргуль дает мне кожаный бурдюк и показывает жестом: пей! Делая жадные глотки, я представляю себе песчаных червей. Мне видятся клубки красных дождевых червей со змеиными зубами. Ну и что страшного?

— Маргуль?

— Что?

— Эти песчаные черви действительно такие опасные?

— Ага.

— Откуда ты знаешь, что они на нас не нападут?

— Мисукжук не вылезает при свете дня. Они ждут, пока опустится ночь.

Возвращая ему бурдюк, догрон тоже долго пьет, потом вешает бурдюк себе на пояс. Я впервые увидела, как он что-то глотает. Мне вдруг приходит в голову, что я ничего про него не знаю. Я убеждаю себя, что мы друзья, а на самом деле мы совершенно чужие. Поэтому, наверное, у меня вдруг появляется потребность оправдаться.

— Знаешь, я просто взяла и выпустила их. За секунду до этого я ничего такого не собиралась делать. Это был инстинктивный поступок. Не хочу, чтобы ты думал, будто я нарочно обманула вашу с братом бдительность.

— Ты собиралась сбежать, — упрекает меня Маргуль.

— Было дело. Но опять-таки это был не план, а порыв.

— Если бы Сафр тебя не поймал, ты бы убежала в пустыню. Все равно бы ничего не вышло, Эликс тебя вернул бы.

— Как?

— При помощи бивара. Он произносит особое словечко, и ошейник причиняет острую боль. Чтобы она ослабела, приходится подойти ближе к Хозяину.

Я трогаю свой ошейник, представляя себе, как рисковала. Выходит, эта штуковина очень опасна. Теперь понятно, почему Эликс не запер меня в клетку, как зверя. Это лишнее, достаточно невидимой цепи, на которую я посажена.

— Что будет теперь?

— Хозяин хочет отдать тебя Сосане. Животные были предназначены для него. Ты их заменишь.

Несмотря на зной, меня охватывает ледящий ужас. Тот самый Сосана, которого Сафр и Маргуль боются сильнее, чем Эликса!

— Другого выхода нет? — лепечу я.

— Выход был раньше: оставить животных в клетках.

Осознание собственной глупости хлещет меня сильнее кнута. Я так гордилась собой, своим бунтом. Хороша освободительница животных! На самом деле я добила одного: вырыла себе могилу.

— Понимаю. — Я трогаю руку догрона. — Мне очень стыдно, Маргуль.

— Ты вся дрожишь, — говорит мне друг.

— Знаешь, мне совсем туда не хочется. Этот Сосана и вправду страшилище?

Маргуль не отрывает взгляд от дюн. Ответа от него не дождешься. Лучше он промолчит, чем соврет, чтобы меня успокоить.

— Воспользуйся этим походом, — говорит он после долгого молчания. — Пустыня — чудесное место.

Я удивленно озираюсь. Вокруг нет ничего, кроме песка и неведомых гор на горизонте.

— Чудесное? Километры пустоты! Мертвая сушь!

Маргуль протягивает руку, привлекая мое внимание к непонятной неподвижной тени слева. Там, на склоне дюны, криво стоит низенькое синеватое растение, похожее на морского ежа.

— Это мазакуита. Она цветет раз в год, в сезон дождей. Ее цветы пахнут так сильно, что бабочки летят на этот запах с другого конца пустыни. Если у тебя кончилась вода, можно откопать ее корень. Он полон красного и густого, как кровь, сока, отлично утоляющего жажду. Только нужна осторожность: в тени мазакуиты часто сидят в засаде скорпионы — здоровенные, с мой палец, желтые, с зеленым хвостом; их уколы не смертельны, но очень болезненны. Если разбираешься в пустыне, то знаешь, что ее никак нельзя назвать мертвой. Здесь кипит жизнь.

— А там что? — интересуюсь я, указывая на скалы справа.

— Это место, куда мы идем. Зубы бога-дракона.

Я внимательно на него смотрю. Мы знакомы уже достаточно, так что он понимает, без объяснений я не отстану. И Маргуль меня не разочаровывает: рассказывает о жившем в далеком прошлом, еще до появления людей, боге-драконе. Правда, тут же признается, что эту историю придумали они с Сафром, когда бродили по лабиринту Сосаны. Отжив свой срок, бог-дракон издох посреди цветущего луга. Его разлагающаяся туша погубила всю жизнь вокруг и за несколько лет превратила местность в пустыню цвета охры. Уцелел лишь череп, еще несколько столетий сопротивлявшийся

ветрам и песку. Нынче сохранилась только нижняя челюсть, дающая представление о колоссальных размерах бога-дракона.

— Ух ты! — восклицаю я, когда Маргуль смолкает. — Великолепная история!

Теперь, глядя на горизонт, я различаю в горном рельефе дугу драконьей челюсти. Выдержавшие испытание временем багровые зубы испещрены оранжевыми трещинами.

— Теперь я тоже вижу, Маргуль.

— Вот и ты поняла, что пустыня может быть красивой.

— Сколько времени ты провел в лабиринте?

Маргуль неопределенно машет рукой: мол, откуда ему знать? У него не было возможности считать дни. Однообразие нарушали разве что начало и конец сезона дождей.

— Вы с братом были стражниками?

Маргуль кивает.

— Кто вас сменил?

Догрон вздыхает, обдавая себя дымом.

— В последний раз в караул заступил безмозглый человек-кабан. Но с тех пор многое могло измениться.

Как ни странно, я не испытываю страха. Пока рядом Маргуль, мне ничего не грозит, я не боюсь никакого человека-кабана.

Теперь меня интересует длительность нашего пути.

— Вход в лабиринт — в двух днях пути. И еще день, чтобы добраться до логова самого Сосаны.

— Далеко...

— Когда ты больше не сможешь идти, я тебя понесу.

Я кошусь на Маргуля: он что, шутит? В его ответном взгляде сквозит нежность.

— Ты мне очень нравишься, — бормочет он. — Сердце ноет при мысли, что ты нас покинешь.

— Не бойся, юный догрон, — паясничаю я, изображая старческий голос. Сама не знаю, что на меня нашло. — Страх — это падение в бездну, страх рождает злобу, злоба — ненависть, а ненависть... ведет к страданию.

Догрон реагирует неожиданным образом. Он удивленно расширяет глаза, его колотят судороги, он издает странные звуки. Проходит несколько секунд, прежде чем до меня доходит, что гигант просто хохочет. Его смех так заразителен, что и я начинаю смеяться. Нам приходится остановиться: либо брести, либо хотать. Это чудесно, тем более так неожиданно.

Увы, Эликс призывает нас к порядку, заставляя умолкнуть и постараться нагнать караван. Мы с Маргулем еще долго обмениваемся заговорщическими взглядами и прыскаем.

Идем безостановочно до заката. На ночь мы укрываемся среди развалин — похоже, раньше это был храм. Окон давно не осталось, выстояли только несколько колонн и одна стена, под которой вырос целый песчаный холм. Кроме того, каким-то чудом сохранился пол — великолепная синяя мозаика. Невозможно поверить, что в самом сердце пустыни остался незамеченным настолько четкий след бывшего человеческого присутствия.

Мы устраиваемся на полу в центре убежища, как можно дальше от песка и от всех опасностей ночи. Квагги, привязанные к колонне, жмутся друг к дружке.

Огонь не разводим, потому что не из чего. Честно говоря, я предпочла бы скоротать ночь у костра, отпугивающего чудовищ.

Кто знает, что за существа бродят и ползают по близости?

После изнурительного перехода у меня сводит живот. С огромным наслаждением я вгрызлась бы сейчас в сочный арбуз, выдула бы залпом пару стаканов колы со льдом.

Но приходится мириться с неприглядной реальностью.

Я жду. Моя участь — довольствоваться остатками трапезы Эликса. Минуты тянутся бесконечно, я наблюдаю, как хозяин утоляет аппетит паштетом, мюсли, сухарями.

Видя, что ни Сафр, ни его брат ничего не едят, я спрашиваю их, в чем причина. Так быстрее пролетит время и беседа заглушит довольное чавканье Эликса. Маргуль объясняет, что догронам достаточно охотиться раз в две недели. Им, в отличие от людей, не требуется ежедневное питание.

Эликсу явно доставляет удовольствие морить меня голодом. Я понимаю это по безжалостным взглядам, которые он на меня то и дело бросает. Когда, наконец, он, отдуваясь, отползает от скудных обедов — ему грех жаловаться на аппетит, я набрасываюсь на них, забыв всякое достоинство. Подчищаю все до последней крошки, не брезгую даже упавшими и вывалянными в песке кусочками паштета. Тарелки и те вылизываю — так опустилась.

Эликс не сводит с меня глаз. Зрелище моего унижительного насыщения доставляет ему нескрываемое удовольствие.

Меня душит ненависть, аж в глазах темно. Величайшим счастьем было бы запульнуть тарелкой прямо в его физиономию!

Я стараюсь совладать с собой, представляя эту сцену: летящий фарфор, удар в висок, обморок, закатившиеся глаза, алая кровь на белой посуде...

Мне так понравился этот ролик, что я прокручиваю его в голове снова и снова, а сама тем временем чищу тарелку песочком.

Потом подхожу к Маргулю. Он сидит на поваленной колонне и смотрит в темноту.

— Тебе бы поспать, — советует он шепотом, так тихо, что мне приходится угадывать смысл. — Завтра долгий переход.

Я так устала, что готова растянуться на прохладной плитке, но не хочу отходить от единственного друга. Сафр поставил для Эликса палатку, в ней матрас и все положенные Хозяину удобства, в моем же распоряжении только рюкзак и спальный мешок.

— Лучше я побуду с тобой. Ты не против?

— Нет. Я жду пробуждения мисукжук. Садись.

Я тоже устраиваюсь на поваленной колонне, опершись спиной о догрона. Он молчит, не напряжен, дышит глубоко и мирно. Я кладу руку ему на локоть, прижимаюсь головой к его плечу. Маргуль не возражает.

— Веснушка, — произносит он ни с того ни с сего.

— Что?

— Веснушка, — внятно повторяет догрон. — Хочешь, это будет твое имя? В столовой есть толстая книга, нам с Сафром можно ее читать. Называется Словарь.

Там тысячи слов на вашем языке. Так мы с братом подобрали себе имена: читали Словарь и нашли. Я листал его позавчера. Думаю, тебе подходит имя Веснушка.

— Почему?

— Этим словом называют пятнышки на щеках.

— Как у меня?

Маргуль кивает. Я немного смущена. Он трудился, подыскивая мне имя, а мне оно, видите ли, не по вкусу. Я пытаюсь подсластить пилюлю.

— Очень симпатично, благодарю. Разве что сложновато...

— Это верно, — соглашается Маргуль. — Не волнуйся, это просто предложение. Поищем еще, если хочешь, когда вернемся и... — Он не договаривает, потому что вспоминает, что я с ними не вернусь. — Я подумаю о другом имени, возможно, на своем языке.

Пока я мысленно кручу так и сяк имя Веснушка, в зубах у пустынного дракона появляется луна, и ночь светлеет.

— Сейчас начнется представление, — предупреждает догрон.

Я смотрю на бескрайний океан песка, и в нем нет ничего интересного.

Внезапно песок вспахивает борозда, ее гребень взмывает выше дюн. По поверхности пустыни скользит что-то гигантское. В фонтане песка наружу вырывается исполинская заостренная голова, разевающая огромную, как пещера, пасть. По спине пробегает дрожь, когда червь предстает во всей красе. Он страшен и одновременно великолепен.

Изогнувшись безупречной дугой, существо ныряет обратно. Вся пустыня сотрясается. Червь зарывается в песок с такой легкостью, словно в воду. Я не шевелюсь,

сiju с широко разинутым ртом. В жизни не видывала созданий таких размеров! Длинной оно со слоновий караван и больше всего похоже на угря-гиганта, переливающегося оттенками желтого и красного.

Я не успеваю издать удивленный крик, как вдруг появляется второй червь, на сей раз сине-зеленый. Его прыжок впечатляет еще сильнее, его падение сравнимо с землетрясением.

— Первой была самка, — говорит Маргуль. — Она показала себя, исполнив любовную песню.

— Что-то я не разобрала никакой мелодии.

— Для этого человеческий слух слишком слаб. А жаль. Представь дрожь, колеблющую все твое тело!

Пока Маргуль объясняет, в небо взлетает третий червь, фиолетовый.

— Остальные черви — самцы. Они прыгают один выше другого, хвастаясь силой и разноцветной чешуей. Самка выберет самого достойного.

— Мы в безопасности?

Не хотелось бы, чтобы очередное чудовище случайно плюхнулось на наш лагерь!

Догрон успокаивает меня:

— Песчаные черви не могут пробуровать камень. У храма толстый фундамент, он надежно нас защищает. Но осторожность не помешает. Их может привлечь малейший шум. Тогда с них станется прыгнуть на храм, раздавить нас и потом сожрать.

— Мы для этих чудовищ все равно что муравьи. Разве они способны нас услышать?

— Они улавливают вибрацию от наших движений. Песок для них что озерная вода. Каждая песчинка как капля, звук движется от одной к другой, словно волна.

Балет влюбленных червей продолжается добрый час, прежде чем образуется пара — желто-красная самка и красавец-претендент с чешуей цвета вулканического стекла. Неудачники расползаются по пустыне, прокапывая глубокие рвы своими колоссальными спинными гребнями. Среди дюн снова воцаряется тишина, почти сверхъестественная после стоявшего только что адского шума. Мы с Маргулем, ступая как можно аккуратнее, отправляемся на боковую. Очарованная гипнотическим балетом гигантских червей, я засыпаю рядом с догроном, расстелив на плитке спальный мешок и подложив под голову рюкзак.

Меня бьют ногой в бок. Я открываю глаза и вижу пару ног в сандалиях. Стоящий надо мной Эликс смотрит с крайним презрением.

— Атии, макипук! — гавкает он.

Я вскакиваю, отлично поняв приказ. Все тело ломит, ему не хватило сна.

Лагерь уже собран. Караван готов двинуться дальше под недавно вставшим, но уже вовсю палящим солнцем. Впрочем, последнее меня ничуть не пугает: покрывающие меня руны источают колдовскую силу так же исправно, как в первый день.

Сворачивая спальный мешок, слышу урчание в животе. Успела проголодаться. На свою беду, я заспалась и пропустила завтрак. Приходится глотать слюну в надежде обмануть голод. Я взваливаю на спину рюкзак и тороплюсь следом за караваном.

Приходится бежать, чтобы догнать замыкающего Маргуля. Он осторожно вынимает из кармана

комбинезона большой ломоть хлеба и сует мне. Приняв подарок догрона, я крепко обнимаю его в знак признательности. Жуя, думаю, что младший догрон в очередной раз проявил широту души.

День плетется, как утомленные квагги. Как я ни упряма, обмануть голод и усталость не удастся. В полдень Эликс объявляет, что мы опаздываем и придется обойтись без привала. Сам он утоляет голод в седле, я же еле волочу ноги, ощущая в животе разрастающуюся с каждым шагом пустоту.

Еще час-полтора — и мой организм капитулирует.

Я без сил валюсь в песок. Пустыня одержала надо мной верх. Дальше перебирать ногами бессмысленно, колени отказываются держать вес тела. Караван уходит вдаль. Я силюсь окликнуть Эликса, как вдруг меня накрывает тень.

Это, конечно, Маргуль. Он продевает руки мне под мышки, поднимает и сажает себе на плечи. Я возражаю, но совсем неубедительно. На самом деле я рада, что меня несут.

Ехать на плечах у догрона одно удовольствие. Чтобы унять качку, кладу ладонь на его чешуйчатую макушку. С этой высоты пустыня выглядит не враждебной, она великолепна.

К концу дня мы добираемся до входа в лабиринт. Зубы бога-дракона совсем близко. Они величественно высятся перед нами, высовываясь из-за скал. Впереди зияет жерло лабиринта. Это ущелье, зажатое скалами цвета

охры, источенными ветрами, испепеляющим зноем и редкими ливнями. В лучах заходящего солнца стены ущелья вспыхивают волшебным пламенем. Этот первобытный пейзаж, застывший ломаными багровыми волнами, поражает воображение.

Маргуль ставит меня на землю и помогает Сафру готовиться к ночевке неподалеку от входа в каньон.

— Мы здесь как на ладони, — делюсь с ним опасениями. — Разве нам не угрожают гигантские черви?

— Под слоем песка здесь камень. Его не пробить даже взрослому мисукжук.

— Взрослому? А какого размера их детеныши?

— Успокойся! Сейчас только сезон любви, детеныши родятся через несколько месяцев. Они будут робкими, нападать на двуногих не в их привычках. Их пища — нерсут.

Я облегченно перевожу дух. Сафр в считанные минуты разбивает лагерь, Маргуль тем временем готовит ужин для Хозяина. Дальше происходит все то же, что накануне: Эликс не спеша насыщается, смакуя каждый кусок, я стоически терплю, сидя в углублении камня. Как же хочется есть! Но я невозмутима, молча сжимаю зубы. Ждать становится невтерпеж. В желудке жжение и недовольное урчание, рот полон слюны.

Когда колдун соизволит наконец встать и отойти, мне стоит огромного труда не накинуться на остатки его трапезы. Со слезами на глазах я убеждаюсь, что не осталось почти ничего. Знаю, он это нарочно. Он ведет со мной игру, хочет, чтобы я дала слабину, опозорилась, взмолилась о пощаде. Не дождется! Никогда я не доставлю ему этого удовольствия.

Безмолвная, потухшая, я медленно жую скудные обеды, потом вылизываю посуду, облизываю пальцы.

Как и вчера, я присоединяюсь к Маргулю, приготовившемуся наблюдать от входа в лабиринт за танцем червей. В этот раз обходится без любовных игр, все сводится к возне длинных чешуйчатых туловищ: поприветствовав друг друга, черви расползаются — впереди охота. Я опять засыпаю рядом с догроном, слишком уставшая, чтобы приготовить себе ложе. Большую часть ночи мне снится еда. В последние дни это самые прекрасные сны. Понятия не имею, что ем во сне, знаю только, что ни в чем себе не отказываю. Грызу, жую, глотаю, с наслаждением набиваю изголодавшийся желудок.

Потом сновидения принимают другой оборот. Ломящийся от еды стол исчезает. Издаю крик отчаяния, видя, что испаряется и все остальное. Я ненавижу свой новый сон еще до того, как он начинается.

— Убирайся! — кричу я сгустку тумана. — Оставь меня в покое!

За моей спиной шуршат перья, хлопают крылья. Я вскакиваю, готовая дать деру. Но передо мной не птица, а молодой человек. Он высок, худ, весь в белом. Так же белы и отдают синевой его волосы, кожа, даже радужка глаз.

— У меня мало времени, — предупреждает он.

— Пф-ф-ф! Никто тебя не держит. Я тебя не звала.

Облик у него человеческий, но движения птичьи: быстрые, четкие. Нос орлиный, профиль вороний. А так он красавчик, волосы, не достающие до плеч, похожи на корону из белых перьев. Он подходит ко мне и гладит по голове. Никогда еще меня не трогала птица.

Ощущение реальное, а не как во сне. Он ласково треплет мне волосы. Я взволнована, но не сопротивляюсь. Он, морщась, трогает мой ошейник, потом хватается за плечо и притягивает к себе, бормоча что-то непонятное.

— Что такое? — удивляюсь я, отстраняясь.

Он повторяет фразу громко и отчетливо, но я все равно ничего не слышу.

— Не понимаю...

Он громко вздыхает и складывает руки на груди.

— Так тебя зовут. Ты не слышишь свое имя, потому что отказалась от него. Сколько бы я его ни твердил, ты бы все равно не расслышала.

— Что же мне делать?

— Ты должна вернуть свое имя. У тебя твердый характер, ты найдешь решение. Я в пути, я помогу тебе, как только смогу.

Наш разговор прерывает ужасный лязг. Из тумана выступает серая фигура. Кажется, она еще выше, чем в прошлый раз. От нее так разит гнилью, что меня чуть не выворачивает наизнанку. Что за дрянь раз за разом вторгается в мои сны?

— Мне пора! — сердито бросает человек-ворон. — Надо торопиться, иначе Гразиэль меня заметит.

— Гразиэль?

Сон понемногу тает, волшебное существо расправляет два широких белых крыла, выросшие у него за спиной, и взлетает, не успев ответить.

Я резко просыпаюсь. Рядом что-то бормочет во сне Маргуль. Неподалеку стоит палатка, из которой доносится храп Эликса. Сафр, как полагается верному рабу, спит, поджав ноги, у ее входа.

Я даю себе слово запомнить это имя — Гразиэль. Кто этот скрипучий вонючий великан? Мне хочется надеяться, что у Маргуля найдется ответ, а если нет, то мне придется ждать нового визита странного чародея с крыльями белого ворона.

Лабиринт не зря носит такое название. Мы потерянно блуждаем по его ответвлениям. Некоторые настолько узки, что приходится брести гуськом, держась за плечи друг друга. Поворотов столько, что голова кружится. Сперва я дала себе слово, что буду запоминать путь, но это оказалось нереально. Зато догроны ориентируются так свободно, что благодаря им мы без колебаний движемся вперед.

То и дело натыкаемся на черепа, насаженные на торчащие копыя, на истлевшие тела путников, превращенные ветром и солнцем в мумии. Одни лежат нетронутые, другие обглоданы, некоторым недостает конечности-другой. Ужасное зрелище! Я стараюсь не смотреть на мертвецов и обходить их, но это очень трудно. Судя по оставшемуся на высохших лицах выражению, некоторые умирали в страшных муках, их пустые глазницы безмолвно осуждают меня за то, что я жива. К счастью, от них не пахнет, потому что они совершенно высохли, личинкам и червякам здесь делать нечего.

Впечатленная количеством мертвецов, я прошу у Маргуля объяснения.

— Ходят слухи, что в глубинах лабиринта таится святилище, в нем спрятано огромное сокровище.

— Огромное по размеру или по стоимости?

— Этого никто не знает. Мы с Сафром никогда его не видели и, признаться, сомневаемся, что оно существует. Мы думаем, что это выдумка Сосаны, завлекающего кладоискателей. Ему для опытов нужна свежая плоть.

— Эти не больно свежие, — замечаю я, натываясь на новую троицу скелетов.

— Стражам лабиринта тоже нужно питание, — объясняет он как ни в чем не бывало.

У меня вылетело из головы, что братья-догроны были теми самыми убийцами путников. Трудно представить их охотниками за человечинной. Лучше не позволять себе таких мыслей. Хватит с меня ночных кошмаров. Да и обычные сны у меня не слишком веселые.

Внезапно в моей памяти всплывают речи человека-ворона.

— Маргуль, тебе что-нибудь говорит имя Гразиэль?

— А как же, этим именем называет себя Сосана.

Хотя бы один элемент мучающей меня головолонки встал на положенное место. Гразиэль, которого так страшится человек-ворон, не кто иной, как Сосана, вселяющий страх в Сафра и Маргуля.

— Сосана не имя?

Маргуль мотает головой.

— «Сосана» на рабском языке значит «создатель».

— Этот Гразиэль — колдун или чародей?

Маргуль смотрит на меня, хмуря брови. Я догадываюсь, что у него на уме. Откуда я, неуч по части магии, столько знаю? Тем не менее он ничего не спрашивает, а просто сообщает:

— Сосана — колдун-некромант.

— Что такое некромант?

Маргуль вздыхает, останавливается и смотрит на меня очень серьезно.

— Это худший колдун на свете. Человек, играющий со смертью. Опасный сумасшедший. На рабском языке — санаинувиник, тот, кто лепит жизнь из смерти.

И он молча шагает дальше. Я больше не смею засыпать его вопросами — боюсь ответов. Гразиэль — колдун-некромант, величаемый догронами Сосаной, Создателем. Следует ли из этого вывод, что сам Маргуль — его изделие? Мой лучший друг сотворен из мертвеца? Ловлю себя на том, что присматриваюсь к конечностям огра-дракона: вдруг на них видны шрамы и грубые швы? Маргуль ловит меня за этим занятием.

— Хватит так на меня смотреть! Что ты там надумала?

— У меня к тебе личный вопрос... — Догрон кивает. — Тебя сделал Сосана?

Маргуль издает глухое рычание, после чего признается, что ждал этого вопроса. Немного помолчав, продолжает:

— Мы с Сафром — плоды эксперимента. Сосана, создавший нас, завладел двумя окаменелыми яйцами скального дракона с Фалукских островов. Этот вид вымер сотни лет назад, поэтому яйца были для некроманта бесценным сокровищем. Благодаря колдовству и своим познаниям он оживил содержимое драконовых яиц, поместив их в утробу огра-самки.

— Выходит, у тебя есть мать.

Он отрицательно мотает головой.

— Она не выжила. Она была пленницей Сосаны, несчастной жертвой его экспериментов. Я даже не знаю, какой она была.

— Как жаль!

— Тут не о чем жалеть. Ее убили мы с Сафром.

— Что?!

У меня встают дыбом волосы. Угоразило же меня к нему пристать! Он тем временем продолжает, и я слушаю с растущим ужасом:

— Дракончики рождаются страшно голодными. Как я понимаю, ты теперь догадываешься, что это значит...

— Какой ужас!

Я потрясена, глаза у меня на мокром месте. Маргуль пожимает плечами и отводит взгляд, как будто ему стыдно.

— Я турнгак, нечисть, созданная некромантом. Я — гнусность.

— Перестань! — спешу я его разубедить, грустно на него глядя и обеими руками сжимая его лапищу. — Ничего подобного, никакая ты не нечисть. Ты нежный, умный, щедрый. Ты мой друг. Настоящая нечисть — тот, кто тебя создал.

— Я даже не могу на него сердиться, ведь если бы не он, меня бы не было.

Я начинаю паниковать. Вот к какому чудовищу мы приближаемся! Эликс намерен отдать меня ему, Гразизлю. Нет, этого я не допущу. К такому кошмару я не готова.

Не хочу туда, и точка!

Выпускаю руку догрона и падаю на колени в песок, не в силах сделать ни шага.

— Больше не могу...

— Вставай, — тихо уговаривает меня Маргуль. — Мы и так отстали от каравана.

Он нагибается, чтобы взять меня на руки, как вчера, но я отбиваюсь. Отказываюсь идти дальше, довольно с меня.

— Не стану я подопытным зверьком для некроманта!

— Ну пожалуйста...

— Не пойду! — перехожу на визг. — Слышишь, Эликс? Не пойду!

В сотне метров на мой крик оборачивается колдун, сидящий верхом на квагге. Он понимает, что происходит, и кривит лицо в жестокой улыбке. Маргуль опять нагибается, хочет взять меня за руку, но звучит приказ Эликса не делать этого. Маргуль повинуется приказу и делает шаг назад.

— Вставай, сурусик, это твой последний шанс, — доносится до меня голос колдуна.

— Подчинись, прошу! — бормочет Маргуль сквозь стиснутые зубы. — Иначе будет плохо.

— Я не могу безвольно, как овца, идти на бойню. Не могу и не пойду.

Я уже готова принять от Эликса кару, но Маргуль с рычанием хватает меня под мышки, как мешок картошки, и большими прыжками нагоняет караван. Оказавшись перед колдуном, он опускается на одно колено и ставит меня на землю.

— Простите мальчика, Сулитси. От голода у него мутится в голове. Он бредит.

— Ты ослушался прямого приказа, догрон, — грозно произносит взбешенный колдун. — Ниннгаума! Я очень недоволен.

— Мамианак, Сулитси.

— Одних извинений мало. Бивара, тодонцу! — ревет Эликс, тыча в Маргуля пальцем.

Я узнаю страшное слово. Маргуль с криком падает на землю и хватается за свой ошейник, служащий сейчас орудием мучительного наказания. Напрасно я плачу и умоляю колдуна пощадить ослушника — ничего не помогает. Догрон извивается в страшных муках, глаза вылезают у него из орбит. Наконец, насладившись его страданиями, Эликс прекращает экзекуцию. Маргуль уже не дрожит, я слышу, как у него постепенно восстанавливается мерное дыхание. Стоя перед ним на коленях, я могу только бормотать слова утешения. Чувствую себя ужасно. Снова во всем виновата я!

— Мне так стыдно, Маргуль! Я этого не хотела. Прости!

— Вот что бывает с непокорными, — провозглашает Эликс из седла. — Догрон подвергся каре из-за тебя, надеюсь, это послужит тебе уроком, сурусик. Пора от тебя избавиться. Ты слишком слаб. Нукик акитук! Не терплю слабаков! Так и знал, что ты дрогнешь. Ты не достоин жизни. Ты — пустое место, обуза, заноза, которую надо вырвать. Пусть Гразиэль поступит с тобой по своему усмотрению. — Он поворачивается к Сафру, как будто все случившееся уже в прошлом. — Вперед! Мы и так задержались. Атии!

Караван движется дальше, Маргуль с трудом встает и бредет, чтобы не отстать. Я делаю то же самое, чувствуя тяжелую вину. Помочь ему идти я не могу, слишком слаба. Отчаяние, добавившись к усталости и голоду, лишает меня последних сил. Дальше меня гонит только ненависть. Она подобна холодному пламени у меня в груди. Если бы это чувство могло убивать,

Эликс давно уже был бы испепелен. Я ненавижу его всеми фибрами души. Будь у меня сила и зубы дракона, я набросилась бы на него и растерзала живьем. Не могу понять, откуда у Сафра и Маргуля столько покорности.

В этот момент даю себе молчаливую клятву. Я освобожу догронов от рабства. И да послужат свидетелями моей решимости слезы, льющиеся из моих глаз, сжигающая меня ненависть, узы дружбы, связавшие меня с Маргулем!

Клянусь жизнью: да будет так!

Мы добираемся до места назначения слишком быстро. Не знаю уж, какой по счету коридор выводит нас на площадку, окруженную каменной стеной. Здесь, прямо внутри охровой скалы, обитает Гразиэль. Снаружи его берлога смахивает на первобытный жертвенник, обнесенный позднее колоннами и кариатидами. Вход в него так широк, что в него пролез бы даже песчаный червь.

На ступенях сидит человек. При нашем появлении он встает. Ну и урод! Клочки коротких густых волос на черепе; глубоко запавшие, круглые, невыразительные глазки; вместо носа — свиной пятак, что даже не удивительно. Из углов рта торчат два клыка. Да это же человек-кабан из рассказа Маргуля, новый страж лабиринта!

— Догорон! — вопит он и бросается внутрь капища. — Догорооон!

Эликс спешивается, Сафр привязывает квагт. Маргуль безмолвствует, понутив голову, и, как автомат, снимает с квагт вьюк за вьюком. Я бросаюсь к нему на подмогу, но в следующее мгновение вспоминаю, что

мне самой уже ничего не поможет, и у меня опускаются руки. Колдун исчезает внутри берлоги некроманта, не дожидаясь приглашения.

Пользуюсь его отсутствием, чтобы оглядеться. Передо мной огромный вырубленный в скале храм. Я вглядываюсь в скульптуры в поисках какого-то указания на присутствие некроманта: скелета, рогатого демона, останков, божества смерти. Но ничего такого здесь не изображено. Сплошь кариатиды — музы с безмятежными ликами и атланты — воины с мечами. Все изваяния источены ветрами пустыни, каждому чего-то недостает: кому руки, кому ноги, кому носа. Фасад с лепниной. Среди завитков мне видятся изгибающиеся песчаные черви. У меня куча вопросов к Маргулю, но он не смотрит в мою сторону. Им с Сафром некогда: надо выполнять повеления Хозяина. Чувствую их нервозность. Догронов совершенно не вдохновляет близость Сосаны, их создателя.

Проходит несколько минут — и во всем черном появляется Эликс. С ним — высокий красавец, тоже в черном. За ними на почтительном расстоянии следует человек-кабан.

Я таращусь на них, разинув рот. Чудовище, создавшее догронов, прямо картинка из модного журнала. Я ждала увидеть монстра, мясника с окровавленными лапищами. Но нет. Тщательно уложенные светлые волнистые волосы, слегка колеблемые ветерком пустыни, тонкие черты лица, безупречная линия рта, орлиный нос. Взгляд синих глаз некроманта устремлен на меня: Эликс, беседуя с ним, указывает в мою сторону.

Готово, у меня сменился собственник.

Гразиэль — а это он, кто же еще? — смотрит заинтересованно. Он легким шагом подходит ко мне и берет железной рукой за подбородок.

— Открой рот! — звучит приказ.

Я повинуюсь. Он нагибается, чтобы разглядеть мои зубы, щупает голову, плечи, проводит двумя пальцами по позвоночнику, потом мнет мне бока, бедра и икры, как лошади, осматривающий нового жеребенка.

— Это девочка, — заключает он.

— То есть?! — Эликс поражен до глубины души. — Быть того не может!

Вид у него глупейший, я давлуюсь, чтобы не засмеяться. А ведь мне должно быть не до смеха: моя тайна раскрыта. Этот некромант весьма проникателен.

— Я вскрыл столько тел, что меня не проведешь. Ты подсовываешь мне девчонку под видом мальчишки. Не люблю, когда меня надувают, Эликс.

Мой бывший владелец краснеет и что-то мямлит, подбирая слова. Еще не видела его в таком замешательстве. Не улыбнуться невозможно. Эликс замечает мое злорадство, подсказывает и отвешивает мне пощечину, до того сильную, что я с пылающей щекой оказываюсь на земле.

— Аниакувик! Кретинка! Вздумала в игры со мной играть?

Получаю ногой в живот и перестаю дышать. Эликс вне себя. Он осыпает меня бранью и заносит ногу для второго удара, но Гразиэль его останавливает.

— Не порть товар. Мне не нужно, чтобы ты переломал ей ребра. Слушай, мне и это стодится. Беру.

— Мамианак... — не унимается Эликс.

— Хватит изъясняться на языке рабов, — грубо одергивает его Гразиэль. — Не позорь меня.

— Прими мои извинения, — тут же начинает лебезить Эликс. — Просто он... то есть она плюнула мне в лицо. Никогда не подумал бы, что у девчонки хватит наглости меня дразнить.

Гразиэль пожимает плечами. У него уже другое на уме. Он с гордостью смотрит на догронов.

— Как славно они стараются, — делится он своей радостью с коллегой-колдуном. — Ты ими доволен?

— Более чем. Правда, тот, что мельче, в последнее время выказывает неповиновение, но это, наверное, козни девчонки.

Говоря, Эликс хватается за ошейник и заставляет встать. Не пойму, какое место болит у меня больше: пылающая щека или сердце. К щеке, по крайней мере, можно прижать руку, чтобы остыла... Потом я гляжу на ладонь и вижу кровь. Для Эликса это зрелище — отрада.

— Гляди-ка, — обращается он к Гразиэлю. — Ерунда, поцарапалась о свой обруч.

— Пускай, я все равно не собирался запирать ее с вурдалакшами.

— Хочешь, я оставлю его у нее на шее? — спрашивает колдун у некроманта, изучающего разложенные перед ступеньками предметы.

— Нет, забирай.

— Ты уверен? Я могу отдать тебе варимокон. Он, знаешь ли, непослушный. То есть она. — Колдун хихикает. — Надо же было так меня провести!

Лишь бы некромант не поддался! Ничего мне так не хочется, как избавиться от этого ошейника. Кажется, это — худшее, что со мной случилось.

— Нет, забирай. Я поставлю на девчонке свое клеймо, чтобы закрепить право собственности.

Последние слова становятся для меня холодным душем.

Клеймо? Что за кошмарное место! Кто позволил людям поступать так с другими людьми?..

— Бивара, сакеру, — произносит Эликс.

По его приказу обруч раскрывается. Эликс хватается его и срывает с моей шеи. Мне бы попрощаться с этим орудием пытки облегченным вздохом, но, кажется, я уже лишилась способности что-либо чувствовать. Эти люди обращаются со мной так, словно мое тело мне не принадлежит.

— Теперь она свободна, — напоминает некроманту Эликс. — Запри ее скорее, иначе сбежит.

— Скрофа!

— Ли? Сосана? — хрипит человек-кабан.

Он приближается к хозяину, угодливо горбясь. Чудовищная карикатура на покорного слугу!

— Отведи девчонку в пустую камеру. В пустую, понял? Кажется, одна еще осталась рядом с камерой того вора.

— Илаали, Сосана.

Скрофа подходит и хватается меня за руку. В отчаянии озираюсь на Маргуля, но догрон утрюмо смотрит себе под ноги. Мы поднимаемся по ступенькам и входим в святилище.

Попав после яркого света в полутьму, я сначала слепну. Когда, наконец, ко мне возвращается зрение, я теряю дар речи.

Я представляла себе кошмарное логовище, безумный хаос: тела повешенных на мясницких крюках,

страшные трупы в формалине, окровавленный операционный стол, пилы, молотки, скальпели... Вместо всего этого взору предстает исполненная благородного покоя пещера Гразиэля с несчетными нишами и колоннами — готический собор, да и только. Посередине центрального нефа¹ зияет круглое отверстие, в него льется яркий свет. Под отверстием — такой же круглый бассейн с водой. Стоящее в зените солнце отражается от неподвижной воды, рассыпая вокруг мерцающие лучи. Пол вокруг бассейна выложен разноцветной мозаикой, напоминающей ту, что я видела в разрушенном храме посреди пустыни.

Мне хочется задержаться, погрузить обветренные руки в согретую солнцем воду. После этого было бы славно устроиться в одном из кожаных кресел, стоящих в проходе слева, и уйти с головой в мир книг из огромного шкафа, занимающего целую стену. Но Скрофа не намерен устраивать для меня экскурсию. Чувствуя, что я упираюсь, он с недовольным ворчанием усиливает хватку.

Но мне хоть бы что. Задирая голову, пытаюсь понять, кто и как зажигает свет в огромных свисающих с потолка люстрах. Человек-кабан по-свинячьи хрюкает и сильно меня трясет. Он что, плечо мне собирается вывихнуть? После этого он меняет тактику: то подталкивает меня вперед, то тянет за собой в проход справа.

Мы минуем строй колонн и попадаем в темный коридор. Потолок здесь низкий, после простора главного зала создается давящее ощущение.

¹ Вытянутое помещение, часть интерьера (обычно базилики), ограниченная с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов. (Прим. ред.)

Вижу ряд тюремных камер. В них кто-то заперт. Это все, что мне удастся разглядеть, потому что чем дальше мы идем, тем темнее становится. При приближении к камерам раздается рычание и дьявольский смех. В глубине виднеется открытая дверь, туда Скрофа меня и толкает. Сняв с пояса связку ключей, человек-кабан захлопывает за мной дверь, запирает замок и бредет прочь, не оглядываясь.

Я не знаю, как поступить. Взбунтоваться или покориться? Все происходящее — верх несправедливости. Хочется упасть и разреваться, но, кажется, слез у меня не осталось — все выплакала. Человеческое во мне растрачено, я рухнула на низшую ступень, хоть на четвереньки становись. Приходится довериться инстинкту. В приступе ярости я с воплем кидаюсь на решетку и трясусь, пинаю ногами. Отказываюсь сидеть взаперти! Никогда больше не буду невольницей!

Увы, вмурованная в камень решетка не собирается поддаваться.

— Тсс...

Я вздрагиваю.

Слева от меня раздается какое-то шевеление. Что там? Не могу разглядеть.

— Простите, что прерываю демонстрацию вашего мятежного духа, но не могу не заметить, что вы новенькая в этом... узилище.

Мне трудно разглядеть говорящего. Лучше быть настороже, мало ли, кто это... Вдруг один из вурдалаков, о которых обмолвился Гразиэль? Не зная, кто мой собеседник, воздерживаюсь от ответа.

— Прошу прощения, я не представился, — продолжает узник благородным голосом. — Меня зовут Элифас.

Его изящный аристократический выговор настолько не соответствует этому мрачному месту и всем обстоятельствам, что я даже не сразу понимаю, на каком языке он говорит. Он ведет себя свободно, как при непринужденной светской беседе, а я...

Зрение привыкает к полутьме, теперь могу лучше его рассмотреть. Взъерошенные рыжие волосы, одежда цвета пустыни — человек как человек. Взгляд хитроватый, оценивающий.

Вспоминаю, что Гразиэль обмолвился о «воре».

— Вы говорите на моем языке? Понимаете меня? Как у вас с головой?

Рано ему еще доверять, поэтому задаю встречный вопрос:

— Это вы — вор?

— Какое облегчение! — театрально восклицает он. — Я уже боялся, что вы глухонемая или дурочка, потому и молчите.

— Итак? — не отступаю я. — Кто вы такой?

— Элифас Финеас, — снова представляется он с подобием реверанса. — Первопроходец, исследователь диких земель и первый историк Красной пустыни. А вы кто?

— Всего лишь рабыня, переданная из рук в руки.

— Можно осведомиться о вашей фамилии? — вежливо спрашивает он.

— Фамилия? У меня и имени-то нет. Лучше не спрашивайте.

Его убеждает мой безапелляционный тон. Он разглядывает меня, почесывая бровь.

— Ничего не поделаешь... Удобства ради я стану называть вас Сагой. Так звали мою бабушку. Симпатичная

была особа, но со строгим характером. Надеюсь, вы окажетесь на высоте.

Меня переполняют подозрения, но все-таки я делаю шагок в его сторону. Куда он клонит? Что он задумал, этот «вор»?

— Это в каком же смысле? На высоте чего?

— Ну и вопрос! Я жду, что вы сообразите, как нам совершить побег, разумеется!

Я смотрю на своего соседа с широко разинутым ртом.

Да он помешанный! От таких надо держаться подале. Отхожу от решетки и молча сажусь у каменной стены. Лучше не поощрять его безумие.

От камня тянет холодом, и мои руны начинают разогреваться, источая слабое красноватое свечение.

— Черт возьми! — доносится от решетки, на которой по-прежнему висит Элифас. — Эти ваши письма... — Он достает из кармана бежевой куртки блокнотик и начинает в нем чиркать. — Надо же, как интересно!

Безразлично пожимаю плечами. Этот излюбленный жест догронов наводит меня на мысль о Маргуле. Здесь, в неволе, мне трудно будет сдержать свое обещание. Сейчас бы лучше всего уснуть, отдохнуть от неприглядной реальности и восстановить силы. Но тело, похоже, к этому не готово.

Элифас несколько минут занимается писаниной, потом прячет блокнот и карандаш в один из многочисленных карманов куртки и с задумчивым видом, сложив руки на груди, принимается расхаживать по своей камере.

Мой сосед тот еще модник. Одежда у него пыльная, но видно, хорошего качества, стильная. Рубашка в тон куртки, матерчатые брючки заправлены в кожаные сапоги. Все его облачение, как и волосы, повторяет цветом окраску песка. Несомненно, этот человек подготавливался к путешествию по пустыне. Я ломаю голову, как он угодил в тюремную камеру.

— Почему я?

Он прерывает кружение по камере и опять подходит к разделяющей нас решетке. Я добилаь его вни-мания.

— Все камеры заняты. Почему вы предлагаете побег именно мне? Это проверка?

— Ничуть не бывало.

Он оглядывается и указывает широким жестом на остальные камеры в ряду.

— Не уверен, что вы успели разглядеть других узников. Они не так разговорчивы, как мы с вами.

— То есть?

— Это вурдалаки и какие-то еще помеси.

— Я не знаю, кто такие вурдалаки.

Он с видом знатока поднимает палец.

— Это большая прореха в вашей культуре, милочка. Видите ли, вурдалаки — это существа человекоподобные, выбирающиеся из нор только по ночам и питающиеся кровью и свежей плотью. Перемещаются стаями и нападают на одиночек.

— Подождите... Вампиры, что ли?

— А вот и нет! У вампиров есть мозги, которых вурдалаки напрочь лишены. Кроме того, вурдалаки нападают на все, что движется. Им все равно, кто перед ними — человек, животное, лишь бы кровь была

теплой. В этом смысле они — противоположность вампирам, тем подавай людей.

Так в этом мире водятся кровососы... Мало мне людоедов, драконов и песчаных червей! Пантеон монстров богат, ничего не скажешь. Так себе местечко.

— Вы хотите сказать, что в камере рядом с вашей сидит вурдалак?

— Совершенно верно, — спокойно отвечает Элифас. — Только это дамы, вурдалакши. Целых четыре штуки. Пока они сидят смирно, потому что снаружи еще светло. Но после захода солнца они пробудятся от летаргии и снова попытаются пролезть через прутья решетки и укусить меня. Говорю же, с мозгами у них беда.

— Как вы умудряетесь сохранять такое спокойствие?

— Я философ. В этой ситуации страх совершенно не помог бы. Лучше сосредоточиться на поставленной задаче.

— На побеге?

— Похвальная цепкость! Ну, так что же? Каково ваше решение? Вы согласны?

Согласна на все что угодно, лишь бы не гнить в этой камере! Я не вполне поняла, что собой представляет Гразизель, мой новый хозяин, но и того, что я уже знаю, хватает с лихвой. Достаточно почтительности, которую к нему проявляет Эликс. Гадкий колдун разрывается между страхом и алчностью. Некромант — крупный клиент, иначе Эликс не пустился бы в путешествие к его обителищу.

— Да!

Элифас довольно кивает. Потом опять достает блокнот и садится в угол писать.

— Еще один вопрос, мадемуазель Сага. Каким талантом или умением, полезным мне на данном этапе моего плана, вы обладаете?

Вот зараза. Ладно, думай, в чем твоя ценность?

Неужели ни в чем?

Приходится смотреть правде в глаза: я ничего не умею.

За одним исключением...

— У меня получается выживать! — выпаливаю я.

Элифас указывает на меня карандашом.

— Это то, что нужно. Я предпочитаю спутника, цепляющегося за жизнь. Это обязательное условие успешного бегства. Как насчет вашей татуировки? Эти руны наверняка имеют силу.

Я кратко объясняю Элифасу назначение рун. Он впечатлен. А побочные эффекты? Вместо ответа пожимаю плечами. Пример догронов очень заразителен.

Мы долго молчим. Я погружаюсь в дремоту. Ничего не вижу, голова варит еле-еле.

Ощущение, что я не одна, заставляет меня очнуться. Поворачиваю голову — и вздрагиваю.

Над мной стоит Гразизель.

Явился ко мне в камеру и пялится, заложив руки за спину. Его лицо тонет в темноте, что у него на уме, не разобрать. Полагаю, он размышляет над моей участью. Представляю ли я интерес для его опытов или лучше скормить меня вурдалакшам?

Так ничего и не сказав, некромант отворачивается и уходит. Вытягиваю шею, чтобы проследить, что он точно ушел.

В центре храма горит свет, там накрыт стол на две персоны. Я вижу сквозь разделяющую нас шеренгу колонн Эликса, сидящего перед тарелкой и тянущего из бокала что-то зеленое. Гразиэль садится напротив него и возвращается к беседе, которую, видимо, прервал, чтобы сходить взглянуть на меня. Отчетливо слышу их голоса, разносящиеся ненавязчивым эхом.

— Говоришь, у нее чистая кровь? — осведомляется некромант.

— На сто процентов. Без малейшей примеси магии. Настоящая находка!

— Поразительно! Я проверю ее и сообщу тебе, хочу ли еще таких, как она. Может, закажу еще парутройку на следующий раз, если она подойдет.

Я брежу или они замышляют торговлю детьми? А все по моей вине! Если бы мне удалось вспомнить, как я угодила в лапы к Эликсу, то их планы, возможно, удалось бы сорвать. Копаюсь в своей скудной памяти, изо всех сил стараясь выудить оттуда хоть какое-то прошлое — но нет, там один густой туман. Я забыла все на свете.

Внезапно замечаю догрона. Прижавшись к решетке, пытаюсь понять, кто это. Судя по телосложению, Маргуль. Он нацепил фартук и несет супницу. Поставил ее на стол, наполняет тарелки колдунов. Те приступают к еде.

— Объединение! — восклицает Гразиэль. — Ты непревзойденный кулинар, дружище догрон! Без тебя мне не обойтись.

— Нарукмик, Сосана, — почтительно отвечает Маргуль.

— А все же невероятно, как чудовищу, питающемуся сырым мясом, удастся так сносно стряпать! — вторит некроманту Эликс.

— Чудовища — мои фирменные изделия, — хвастается Гразизель.

— Хочу поднять тост за ваше мастерство!

Я до боли в пальцах впиваюсь в решетку. Доносится запах пищи. Я вспоминаю, что голодна, желудок возмущенно урчит.

— Терпение, терпение, — бормочет у меня за спиной Элифас. — Пусть обжираются, пусть чокаются. Наше время еще придет.

Я оборачиваюсь и прижимаюсь к решетке спиной. Сосед по-прежнему сидит в своем углу, вид у него отрешенный. Я беру с него пример и стараюсь отвлечься от плывущих ароматов.

Но обонянию не прикажешь. Я то и дело оглядываюсь и делаю попытки привлечь внимание Маргуля. Увы, он слишком далеко, к тому же поглощен ролью повара и по совместительству официанта. На полпути между камерами и столом колдунов сидит, прижавшись брюхом к колонне, Скрофа. Он довольствуется тем, что ему кидают колдуны: костями, сырными корками, очистками. Человек-кабан все это мигом сжирает, омерзительно чавкая.

Когда колдуны переходят к десерту, неподалеку раздается рычание, и я забываю о голоде.

— Просыпаются наши подружки, — объясняет Элифас.

Из камеры слева от него доносится шум. Там, похоже, заперты дикие звери. Внезапно на решетку бросается тощая фигура, к ней присоединяются еще три. Это существа среднего роста с серой кожей, изможденными

лицами, безволосыми черепами. У них плавные движения, они легко переходят с четверенек в прямую стойку и обратно.

Одна просовывает руку между решетками и царапает пустоту, отделяющую ее от Элифаса. Кисть у вурдалакши четырехпалая, ногти длинные и черные, скорее даже когти. Большие черные глаза, тонкий нос, рот усеян страшными клыками. Все по очереди пытаются зацепить Элифаса и меня.

— Они как мы, — догадываюсь я, опускаясь на колени, чтобы лучше их разглядеть. — Изголодались!

— Но есть разница: они видят в нас не товарищей по неволе, а лакомую добычу.

— Они умеют разговаривать? Вы пытались с ними заговорить?

Пережив первоначальный шок, я готова сострадать вурдалакшам. Я так проголодалась, что понимаю их состояние. Если бы в соседнюю камеру принесли гамбургер с жареной картошкой, я бы сделала все, чтобы дотянуться до еды, — да я пол рыла бы, лишь бы насытиться! Как ни отвратителен нам враг, не мешает вникнуть в его положение.

— Пытаться с ними говорить? — недоумевает Элифас. — Вот еще! Они — дикие звери.

— То же говорят о догронах. А на самом деле они — друзья.

— Те два мастодонта — ваши друзья? Вы меня поражаете, юная девица. Вы не так просты, как мне казалось.

Утвердительно киваю, сознательно пропуская мимо ушей конец фразы. Compliment или осуждение? Я подхожу к решетке между нашими с Элифасом камерами.

— Послушайте! — тихо зову я. — Мадам вурдалакши!

Одна, наиболее крупная из четырех, тут же на меня оборачивается. Она в клетке самая спокойная; можно подумать, что на остальных лежит повинность охотиться и кормить ее. Она прижимается лицом к решетке со своей стороны, просовывает голову между двумя прутьями. Несмотря на расстояние, меня пугает взгляд ее черных глаз. Я чувствую себя мышью перед большой кошкой. Не слишком ли я рискую? Мысль, казавшаяся разумной всего несколько минут назад, теперь выглядит сомнительной.

Но я проявляю упорство.

— Добрый вечер. Мы еще не знакомы. Я пришла совсем недавно с колдуном Эликсом и двумя догронами.

Я указываю на обеденный стол. Вурдалакша смотрит туда же, а не на мой палец — признак ума.

Теперь я указываю на своего соседа.

— Этого человека зовут Элифас. — Я говорю тихо, чтобы нас не подслушали. — У нас созрел план бегства. Может быть, вам понятны мои слова?

Вурдалакша долго на меня смотрит, словно хочет загипнотизировать. Она стоит так прямо и так неподвижно, будто высечена из мрамора. Ответа не будет, уныло говорю я себе с печальным вздохом. Я уже готова отойти от решетки и сесть, но тут происходит чудо.

— Лисс, — шепчет вурдалакша на невольничьем языке.

— С ума сойти! — ахает Элифас, ероша пятерней свои рыжие волосы.

— Можете повторить? — спрашиваю я.

Мне нужна уверенность, что это не галлюцинация. Путешественник уже приготовил свой блокнот и занес над страницей карандаш.

— Лисс, — повторяет вурдалакша.

— Если нам удастся выбраться из камер, хотите, чтобы мы и вас выпустили? — спрашиваю я, бросив сначала вопросительный взгляд на Элифаса и решив не обращать внимания на его испуганную гримасу.

Выпустить вурдалакш — значит рисковать, что они на нас набросятся. Но они пленницы, как и мы. У нас одинаковая судьба, и я не могу позволить себе сбежать, не предоставив им того же шанса.

— Лисс.

— Если мы вас выпустим, вы обещаете на нас не нападать?

Наконец-то мраморная статуя оживает. Она долго смотрит на двух колдунов за столом, потом, шурясь, снова поворачивается ко мне. Не злоба ли то, что я вижу на ее лице?

— Лисс! — рычит она.

— Вы главная в этой стае? Вы ручаетесь за остальных?

Желая, наверное, доказать мне, что тревожиться не о чем, она поворачивается к своим подружкам и отдает приказ на своем языке. Ее шипение сразу приструнивает остальных. Они становятся на четвереньки и ретируются вглубь клетки.

— Лисс! — победно произносит вурдалакша, обращаясь ко мне.

— У вас есть имя?

— Сскритшин, — произносит она своим шелестящим голосом.

Отрадно слышать от нее что-то, кроме «да». Она повторяет свое имя, трогая лицо, потом, указывая на вора, произносит с изрядным шипением его имя — Элифас. Наступает мой черед назвать себя, но я вынуждена мотать головой: я ведь не знаю своего имени.

— Сага, — подсказывает Элифас. — Ее зовут Сага.

— Сссага, — повторяет вурдалакша.

После этих волнующих переговоров остается одно — ждать.

Трапеза колдунов завершена, тем не менее они никак не встанут из-за стола: тянут и тянут свой зеленый напиток. Судя по изменившимся голосам, оба захмелели. Чем дальше, тем сильнее их клонит в сон. Но ни тот, ни другой не изъявляют готовности идти спать. Это как игра — кто дольше продержится. Жалкое зрелище! Не думала, что колдунам свойственно такое мелкое тщеславие.

Так продолжается до тех пор, пока не раздается звук падения. Эликс свалился со стула первым. Теперь он громко храпит, уткнувшись носом в мозаичный пол. Гразиэль хохочет и неуклюже поднимается. Его качает, как на борту лодочки, застигнутой штормом. Один из догронов подбегает к нему, чтобы помочь, и некромант валится ему на руки. Глаза бы мои не глядели на обоих пьянчуг!

— Вот момент, которого я дожидался, — говорит Элифас, вскакивая.

Он достает из кармана две плоские железки и вставляет их в личинку замка. Несколько секунд — и дверь распахивается. Вор неслышными шагами

выходит на свободу. Можно подумать, что он всю жизнь только и делает, что вскрывает замки.

Скрофа дрыхнет в конце тюремного коридора. Он кажется опасным — того и гляди проснется.

Присев у двери моей камеры, Элифас открывает и ее. Я восхищена его ловкостью.

— Что теперь? — шепчу я ему.

Перед нами — дверь камеры, в которой заперты вурдалаки. Сдержат ли они свое обещание? А мы свое сдержим? Мы молча подходим. Скритшин держится за решетку, внимательно глядя на нас. Я протягиваю к ней руку. Расстояние так мало, что ей ничего не стоит меня укусить. В ее больших круглых глазах читается вопрос.

— Пожми мне руку и пообещай, что ты и твои соплеменницы не причините нам вреда.

Ее длинная рука тянется к моей, жесткие пальцы сжимают мои.

— Обещещаю, — шипит она.

Убежденный демонстрацией доброй воли, Элифас занимается их замком.

— Наверное, я рехнулся... — слышу его тихое бормотание.

Щелчок свидетельствует об успехе взломщика. Он прячет свои инструменты и пятится, увлекая за собой меня. Лучше не испытывать судьбу.

Скритшин медленно толкает дверь и выходит. Соплеменницы следуют за ней, нетерпеливо переминаясь на четырехпалых ногах. На пороге все медлят, не зная, как быть дальше.

Скритшин отворачивается от нас и неслышно подходит к спящему бедняге Скрофе. За ней, как две тени, скользят вурдалаки.

Но четвертая с любопытством нюхает воздух. Судя по ее виду, она учуяла какой-то вкусный запах.

Не иначе наш.

Она медленно направляется к нам. Скритшин, кажется, не обращает на нее внимания, потому что поглощена человеком-кабаном.

— Не нравится мне это... — шепчет Элифас, продолжая пятиться и тянуть за собой меня.

Вурдалакша пристально за нами следит, широко открывает пасть с двумя рядами пугающе острых зубов. Ее глаза — как два черных зеркала, глубоких и заораживающих.

Вурдалакша приседает, словно для прыжка.

— Сейчас нападет! — предупреждает Элифас и гораживает меня собой.

В момент, когда вурдалакша готовится одним прыжком преодолеть отделяющие нас от нее несколько метров, раздается пронзительный, как ультразвук, свист. Хищница содрогается, словно получила удар невидимым кулаком. Скритшин вернулась, чтобы призвать к порядку. Под ее суровым взглядом хищная вурдалакша, только что собиравшаяся утолить голод человечиною, сникает. Уверена, мы пришли бы ей по вкусу.

Скрофе везет меньше, чем нам. Все четыре вурдалакши беззвучно нависают над спящим. Мгновение — и они дружно на него набрасываются. Он даже вскрикнуть не успевает. Только когда Скритшин впивается зубами в горло незадачливого слуги, тот непонимающе расширяет глаза — и они сразу закатываются.

Несмотря на охватившее меня отвращение, не могу оторвать глаз от бездыханной добычи прожорливых тварей. Элифасу приходится снова меня загородить, чтобы отвлечь. Но заглушить чавканье и треск костей ему не под силу.

Мы достигаем центрального прохода. На диванчиках спят колдуны — их уложили догроны.

— Ты им доверяешь? — спрашивает меня Элифас.

— Им я бы доверила свою жизнь, — отвечаю я без колебания.

— Мне нужно забрать свои вещи, — продолжает «вор», шаря вокруг. — Без них мне в пустыне не выжить.

— Справа от входа стоит большой деревянный сундук, — сообщает подошедший к нам Маргуль. — В нем Создатель держит все отобранные у путников предметы.

Догроны ничуть не удивлены, что мы на свободе. На меня они смотрят печально и ласково. От свободы кружится голова. Я забыла, как себя вести, не получая приказов. Машинально подношу руку к шее, которая еще недавно была стиснута ошейником, и вдруг меня посещает мысль. Обещание!

— Маргуль, Сафр, вы пойдете с нами.

— Как это?! — пугается Элифас.

— Что?! — удивляется Сафр.

— Бивара не даст, — качает головой Маргуль.

— Если я хорошо расслышала то, о чем толковал Гразизлю Эликс, имея кольцо, можно командовать ошейниками.

Я подхожу к диванчику и наклоняюсь к своему бывшему хозяину. Он беспечно храпит. Аккуратно, одно за другим, я снимаю с его пальцев кольца, в общей сложности пять штук, и нанизываю их на пальцы своей левой руки. Возвращаясь к догронам, стараюсь вспомнить магическую формулу размыкания бивара.

— Бивара, сакеру, — произношу я, протягивая руку в сторону Маргуля.

В ответ на заклинание кольцо на моем среднем пальце начинает нагреваться. Работает! Маргуль хватается свой ошейник за два конца и в восторге сдергивает его. Повторяю процедуру с Сафром. В этот раз срабатывает колечко на мизинце. Сафр торопливо избавляется от своего бивара, забирает снятую братом, отбирает у меня все кольца и швыряет все это в очаг в глубине храма. Волшебную древесину охватывает пламя, густо валит зеленый дым.

— Все мы сошли с ума! — Маргуль, спохватившись, проводит рукой по своей голой шее. — Что с нами будет, когда Хозяин и Сосана проснутся?

— Не уверена, что им суждено проснуться, — говорю я, косясь на стаю вурдалакш, приближающуюся к двум спящим колдунам.

Маргуль с криком бросается наперерез хищницам и плюет в них пламенем. Вурдалакши с отчаянным визгом шарахаются от огня. Они сбиваются в плотную группу, готовые сопротивляться. Маргуль стоит насмерть: заслоняя колдунов собой, он угрожающе рычит. Вурдалакши мнутя, потом, подчинившись приказу Скрытшин, бросаются к выходу и исчезают в ночи.

Я смотрю на Маргуля, ничего не понимая. Зачем он спас своих господ? Я не убийца, но эти колдуны

виновны выше макушки. Подлые работоторговцы и кровавые палачи, вот кто они такие!

Возвращение Элифаса отвлекает меня от недомумения. Битком набив рюкзак, «вор» довольно ухмыляется. Он собирается что-то сказать, но прерывается, нюхая воздух, как кот, почуявший лакомство. Неподалеку чернеет жаровня с тлеющими углями, к ней он и бросается. Я понимаю, какая муха его укусила, когда срабатывает и мое обоняние. Запахи, распространяемые импровизированной кухней, заставляют забыть обо всем остальном.

Я кидаюсь следом за Элифасом к собранной на столе еде. Видимо, Маргуль оставил ее здесь, когда был вынужден укладывать колдунов. Мы с землепроходцем набрасываемся на яства с урчанием изголодавшихся зверей. Тяну в рот все, до чего дотягиваюсь. Даже очистки кажутся мне деликатесом. Голос за спиной и рука на плече возвращают меня к действительности.

— Паара! — предупреждает Сафр. — Не налегай, желудок накажет за обжорство.

У него в руках мой рюкзак и еще один пустой, который он наполняет провизией. С признательным кивком забираю у него свои вещи, но напоследок хватаю со стола еще кусочек.

— Пора уходить, — торопит Элифас, держа в руке ломоть хлеба. — Пока колдуны спят, мы должны успеть уйти как можно дальше.

— Ли, атии, — подтверждает Сафр, закидывая за спину рюкзак с едой и увлекая своего брата к выходу.

Там несет караул статуя воина в полном боевом облачении. Не заметить ее невозможно, но в первый раз я была напугана обликом Скрофы и мне было

не до нее. Латы воина создают у меня сильное ощущение дежавю.

— Элифас!

Вор-модник оглядывается и укоряет меня взглядом.

— Не плетись сзади, Сага! Поторапливайся!

— Что это такое? — упрямо спрашиваю я.

От лат каменного воина исходит сильная вонь. Я принохиваюсь. Гнилье — вот чем здесь пахнет.

В памяти всплывают мои сны с участием ворона. Серая тень в этих снах — вот что воняло так же, как эта статуя!

Элифас не в силах справиться с собой и, невзирая на спешку, принимается пояснять тоном наставника:

— Как подсказывают мои скромные познания, это Страж сновидений. Большая ценность для любого колдуна!

— Зачем он нужен? — спрашиваю я, испытывая необъяснимый приступ тошноты.

— Он защищает некроманта от влияния чародеев. Они будто бы способны путешествовать во сне, хотя я никогда не видел доказательств этого. Страж сновидений проникает в сон чародея, чтобы его умертвить.

— Почему эта статуя так мерзко воняет?

Элифас бросает на меня высокомерный взгляд, как будто ответ слишком очевиден.

— Потому, милая девица, что это никакая не статуя. Стража сновидений может изготовить только некромант. Он ловит чародея и запирает его в доспехах, заколдованных при помощи рун. Умерев там, внутри, чародей превращается в призрак, сторожащий сны.

Я отшатываюсь, как будто боюсь, что из доспехов высунется зомби.

— Внутри труп? Фу-у-у гадость!

— Гадость, кто бы спорил! Как и сами некроманты. Они используют для своего колдовства смерть. Если бы не ваши друзья-догроны, я бы без колебания перерезал горло Гразиэлю и его дружку. Но это не понравилось бы вашему огнедышащему приятелю, и он бы меня испепелил.

Я вспоминаю свои встречи с чародеем, которые каждый раз прерывались из-за появления этого скрипучего персонажа.

— Стража снов можно одолеть?

— Может быть... Честно говоря, понятия не имею, — признается Элифас, натягивая кожаные рукавицы. — Признаться, сейчас у меня другие заботы. Может, поторопимся?

Но я уже знаю ответ. Огонь! Огонь уничтожил ошейники и их магию, значит, эта дрянь тоже перед ним не устоит. Кидаюсь к жаровне и поднимаю ее, защитив руки тряпкой. Угли еще не потухли. Осторожно ступая, я несу жаровню к доспехам и прошу Элифаса приподнять забрало. Появляется пергаментное лицо. Стараясь на него не смотреть, привстаю на цыпочки и забрасываю угли в образовавшуюся дыру. Они с железным постукиванием падают в брюхо доспехов. Я ставлю пустую жаровню на песок и отхожу, не спуская взгляд со статуи. Хочется убедиться, что огонь разгорелся и что дряни внутри лат приходит конец.

Через несколько секунд из сочленений начинает валить серый дым. Он густеет и чернеет на глазах. Труп чародея, наверное, так иссох, что вспыхнул, как газетная бумага.

— Добилась желаемого? Теперь делаем ноги! — торопит меня Элифас.

Содержимое доспехов горит и чадит. Я нагоняю Элифаса с чувством, что совершила хороший поступок. Никто не заслуживает быть заживо замурованным. Это варварство.

Надеюсь, белый ворон останется доволен.

Вообще-то, Сафр и Элифас торопили нас не зря. Вурдалаки не теряют времени даром. Мы успеваем отбить у них двух квагт. Остальным копытным не повезло: они остались лежать на песке обглоданные, с высосанной кровью. Скрытшин и ее подружки убегают по лабиринту, напуганные рассвирепевшим Сафром, а мы с Элифасом хватаем под уздцы двух уцелевших квагт. Они дрожат от страха, но как будто легко отделались, если не считать нескольких царапин. Я шепчу своей на ухо ободряющие слова, хвалю ее за храбрость. Ведь она отбила копытами и рожками нападение страшных кровососов!

Маргуль снимает с квагги вьюк и сажает меня верхом. Элифас легко вскакивает на вторую квагту. Мы поспешно удаляемся от святилища, стараясь не отставать от догронов, знающих дорогу. В узких каменных коридорах царит беспросветная ночь, лишь в редких местах в лабиринт проникает свет луны, заливающий его странной синевой.

— Теперь, после смерти Скрофы, мы сможем выбраться отсюда невредимыми, — бодрюсь я.

Догроны дружно мотают головами.

— Нага, — бросает Сафр.

— Скрофа уже не служит стражником лабиринта, — уточняет Маргуль. — Был бы жив, ни за что

не остался бы дрыхнуть в храме. Стражникам нельзя прохладиться рядом с Создателем.

— Ты хочешь сказать, что здесь есть другой сторож?

— Ли, — подтверждает Сафр. — Паара! Гляди в оба.

Я испуганно сглатываю, борясь с дрожью. По пути сюда мы ни с кем не столкнулись, значит, и на обратном пути риск невелик. Но я уже не рада, что объелась. Меня подташнивает не столько от обжорства, сколько от страха.

После часа безостановочного движения по извилистым коридорам в полном молчании я облегченно перевожу дух. Похоже, все будет хорошо, худшее позади. Да и то сказать, кому придет безумная мысль напасть на догронов?

Но моя квагга шевелит ушами, и меня снова пробирает испуг. Впрочем, животное, пережившее нападение кровососов, шарахается от собственной тени. Ведь две его соплеменницы не выжили, и моя квагга тоже едва не стала их жертвой. Будешь тут пугливой! Перед очередным поворотом она прислушивается и раздувает ноздри, будто что-то почуяла. Раздается предостерегающее ржание, подхватываемое второй кваггой, тоже сильно напуганной. Я окликаю Элифаса, чтобы узнать его мнение, но он жестом приказывает мне помалкивать. Он тоже заметил изменение в поведении своего животного и весь напрягся.

Внезапно сверху раздается яростный свист. Я поднимаю голову.

Крылатые существа на скалах справа и слева — их целый рой! — цепляются за трещины в камнях. Я насчитываю пятнадцать тварей. Одна издает истошный крик, остальные, вторя ей, обрушиваются на нас. Моя

квагга инстинктивно шарахается от существа, целящегося в ее круп. Проблеск лунного света, позволивший мне разглядеть врага, подтверждает худшие опасения. Это гибриды, невероятная помесь вампиров и страусов. Мощные, как у птицы-бегуна, лапы, туловище, смахивающее на человеческое, голова и лапы кровососа, да еще крылья за спиной. Такова новая охрана Гразиэля. Ни дать ни взять гарпии из греческого мифа!

Столкнувшись с численным превосходством неприятеля, догроны, изрыгая пламя, свирепо дерутся. Элифас тоже держится молодцом: он спешился и выхватил короткий меч, похожий на мачете. Я остаюсь в седле, скованная ужасом. Коридор узкий, мне совершенно нечем обороняться.

Наконец, моя квагга принимает решение за нас обеих. Боднув одну гарпию и направив рога на другую, она отталкивается мощными задними ногами и переходит в галоп. Мгновение — и поле боя, шум схватки остаются позади. Я изо всех сил обнимаю кваггу за шею, цепляюсь за ее короткую гриву. Как ни велика скорость, падение мне не грозит.

Словно обезумевшие несемся по каменному коридору. Квагга сворачивает на каждом перекрестке, чтобы оторваться от преследователей. Я смотрю только вперед, не смея оглядываться.

После долгой скачки квагга переходит с галопа на нервную рысь. Она шумно дышит и дрожит всем телом. Кажется, мы спаслись. Я заставляю себя оглянуться. Никого. Не зря моя спасительница летела, как ветер. У меня сжимается сердце при мысли об оставшихся сзади догронах и Элифасе. Вырвутся ли они? Хватит ли им сил отбиться от гарпий?

Квагга останавливается, как вкопанная, я отвлекаюсь от своих безрадостных мыслей, но, поняв причину остановки, я еще больше пугаюсь.

Мы угодили в тупик.

Я сползаю на землю, чтобы дать взмыленной квагге отдых. Лучше оставаться здесь. Разделавшись с летучими вурдалаками, Маргуль поспешит по нашему следу. Я глажу морду своего скакуна и тихонько его подбадриваю. Квагга слушает, полузакрыв глаза.

— Все хорошо. Догроны нас отыщут. Песчаные черви нам здесь не страшны. Вот увидишь, все тревоги позади.

Я твержу одно и то же, успокаивая животное и убеждая саму себя, что ночь не кишит опасностями. Убаюканная собственным бормотанием, я чувствую, как меня охватывает усталость. Выдохшаяся квагга уронила уши. Мое тело страшно отяжелело, лямки рюкзака режут плечи. Мне хочется упасть в песок и хотя бы немного отдохнуть. Вот найду в этом тупике удобный уголок и...

Мы обе вздрагиваем от рычания. Все результаты моих недавних уговоров вмиг улетучиваются. Мы с кваггой оборачиваемся на грозный звук.

Тигр.

В нескольких метрах от нас, на каменном уступе, готовится к прыжку огромная саблезубая кошка. Ее светлая шкура голубеет под луной. Я моргаю, не веря собственным глазам. Такое может только присниться! На самом деле я сладко сплю, привалившись к камню.

Но тигр, к несчастью, не исчезает. Он — самая что ни на есть реальность. Причем огромная, едва ли не с кваггу размером.

На этом моя история обрывается, спасибо за внимание. Прощай, я.

Квагга с невесть откуда взявшейся энергией срывается с места и скачет прочь. Я не могу пошевелиться. Вся надежда — что тигр бросится в погоню за ней.

Не бросается. Зачем догонять беглянку, когда прямо у тебя под носом цепенеет покорная добыча?

Я медленно пячусь. Пять шажков — и упираюсь спиной в каменную стену.

Дикая кошка, гостья из древности, гибко спрыгивает на дно лабиринта. Она знает, что спешить некуда, я от нее никуда не денусь. Еложу спиной по стенке, смещаясь на шаг в сторону при каждом шаге тигра в моем направлении. Я безоружна. Думай! Нагибаюсь и шарю в песке.

Как назло, под ногами ни камешка.

Зато в глаза мне бросается странная тень на стене. Совсем рядом дыра, впадина — достаточно широкая, чтобы я могла в нее проскользнуть. Не знаю, какой глубины дыра, но это мое единственное спасение. Я отсиделась бы там, дождалась догронов, они-то обязательно прогонят этого страшного зверя, который должен был вымереть невесть сколько тысячелетий назад. Сначала забрасываю во впадину рюкзак, потом сама ныряю головой вперед.

Тигр издает злобный рев, понимая, что добыча ускользает. Сопровождаемая этим звуком, я ползу вперед, толкая перед собой рюкзак. Меня пронзает страшная боль, и мой рев не уступает тигриному: когти зацепили мою левую икру. Разрезав, как бритвой, кожу, они волокут меня назад за крепко стянутую ботинком ногу.

Я рыдаю и с отчаянной энергией трясу ногой. Но дикая кошка не отступает, наоборот, просовывает

для верности в дыру вторую лапу. Я уже готова смириться с тем, что сейчас буду вытянута наружу и растерзана, как вдруг раздается щелчок: это лопается зацепленный когтем шнурок. Ботинок съезжает с ноги, я помогаю ему каблуком другого ботинка. Теперь моя левая нога свободна. Зверюга надрывается от охватившей ее ярости. Я поджимаю ноги и так, на коленках, ползу дальше.

От адской боли я близка к обмороку. Наверное, обливаюсь кровью. Но мне невдомек, какого размера рана от когтей у меня на икре. Немеет вся нога до колена, но узость прохода не позволяет озираться, да и что разглядишь в полной темноте? Лучше сберечь силы и увеличить расстояние между саблезубым тигром и мной, куда бы ни вела эта нора.

Тоннель никак не кончается. Я все ползу, хотя не знаю, существует ли выход.

Страх и боль становятся неразличимыми, дышать все труднее. Меня толкает вперед гнев, но он грозит потухнуть. Для поддержания сил я мысленно перечисляю все обрушившиеся на меня напасти. Списку, как и тоннелю, не видно конца.

Ощущаю лютую ненависть к сотням тонн камней над головой.

К дурацкой ноге, потерявшей чувствительность.

К слезам, неостановимо льющимся у меня из глаз.

К Гразиэлю.

Того пуще — к Эликсу.

Ненавижу кровососущих страусов, исчадия обезумевшего некроманта!

Доисторических тигров тоже ненавижу. Им положено давно вымереть!

Как и безмозглую кваггу, предательски бросившуюся наутек.

А как я ненавижу то, что осталась предоставлена самой себе!

И то, что никак не вспомню свои имя и фамилию.

Ненавижу рюкзак, который приходится толкать перед собой.

Песок ненавижу — набивается в рот, скрипит на зубах.

Ненавижу человека-ворона с белым оперением — единственного, кто со мной знаком, и кто всегда упархивает, как только становится интересно.

А уж как я ненавижу саму себя! О, что это за жгучая ненависть! Я всего лишь девчонка без имени, бесполезная невольница. Ничего-то у меня нет, даже смелости... И сама я — пустое место.

Ну вот, выговорила. Замечаю, что становится светлее. Сердце отчаянно колотится, когда, высунув голову из-за рюкзака, я вижу впереди выход из тоннеля.

Последние усилия — и я на карачках выбираюсь на свет.

Я вся дрожу. Сажусь, вернее, падаю, ударяясь спиной о каменную стену, левая нога неестественно выгнута. Приходится укладывать ее на землю руками. Вид у раненной тигриными когтями икры плачевный. Штанга пропиталась кровью и прилипла к коже. До лодыжки тянутся три глубоких разреза, кончающиеся

у резинки носка. Стопу защитил ботинок. Лучше не думать, что было бы, окажись шнурок прочнее...

Стягиваю носок и осторожно закатываю лохмотья от штанины, чтобы посмотреть, что под ними. Вспоротое мясо, вот что! Раны залеплены грязью и песком. Кровь кажется при свете луны черной, продолжает сочиться.

Я дотрагиваюсь до раны, и меня едва не выворачивает от боли. Вытираю углом рубашки пот на лбу. Раны ужасно меня пугают. Но я одна, и мне плохо. Ждать нельзя. Как бы я поступила, если бы ранен был кто-то другой? Отстранившись от себя, я, может быть, чего-то добьюсь. Осторожно касаюсь краев раны, но от боли перед глазами появляются черные кляксы. К горлу то и дело подступает тошнота. Руки трясутся, челюсти ноют оттого, что я все время стискиваю зубы. Хочется орать, но где там! Если устроить шум, то тигр обязательно меня отыщет. Да и вообще, дать себе волю и заорать — значит совсем сойти с ума.

Никто за мной не придет: ни спасатели, ни врачи, ни догроны.

Я одна-одинешенька.

Остается собраться с духом и попытаться рассуждать логически.

Во-первых, будь рана чужой, я бы ее промыла. Смотрю на свои грязные исцарапанные руки. Где взять воду в пустыне?

Только теперь поднимаю глаза и озираюсь. В первые секунды я не понимаю, что вижу.

Я очутилась между двумя драконьими клыками: один торчит на фоне звездного неба справа от меня, другой — слева.

За спиной у меня каменная стена, сквозь которую я пролезла.

Зато какой вид открывается впереди!

Вместо песка и красной пыли все передо мной покрыто буйной зеленью, тянущейся коридором в тень от двух каменных клыков. Повсюду раскинулись огромные папоротники, под ними виднеется усеянный цветами и бутонами мох. Я что, тронулась? Моргаю еще раз.

Потом сгибаю здоровую ногу и, опираясь о камень, приподнимаюсь. Перед глазами опять черные пятна, но я упорствую. Всклипывая, я продолжаю хромать. Раны на ноге причиняют невыносимую боль. Через несколько метров я добираюсь до подушки мха. В ноздри бьет ни с чем не сравнимый запах свежей растительности. Все это настолько невероятно, что у меня высыхают слезы.

Долго стоять я не могу, приходится опуститься на четвереньки. Как приятно трогать ладонями мягкий мох! Нежный, влажный... Напрягаю слух, сердце, обрета надежду, безумно колотится. Среди прочих ночных звуков отчетливо слышится журчание ручья. Я ползу на этот звук и нахожу за папоротником лужицу, питаемую струйкой воды. Мое появление обращает в бегство черно-желтую саламандру и стайку жуков-водомерок.

Я наклоняюсь к воде и погружаю в нее руки. Несравненное наслаждение! Я скребу грязные ладони, запястья, руки до локтей, потом зачерпываю воду и поливаю раненую ногу. Боль и одновременно облегчение. Я повторяю это снова и снова. Вода стекает по ранам, смывая песок и кровь. Легонько касаюсь ноги. Боль немного отпустила. Но раны, начавшие было подсыхать, снова принимаются кровоточить. Я продолжаю лить на них воду, стискивая зубы, чтобы не закричать.

Главное — не шуметь.

Приведя в относительный порядок свои раны, я споласкиваю лицо. Ничего не скажешь, приятно! Теперь — волосы. С короткими хорошо — их легко мыть. Наконец, я снимаю правый ботинок и носок и обмываю здоровую ногу. До чего же хороша — вода! Я опускаю здоровую ногу в воду и удивляюсь, как глубоко. Дна не видно. Вдруг этот естественный водоем — тоннель, уходящий в бездонные недра?

Мокрая с ног до головы, но довольная, я бреду от воды туда, где мох глубже всего. Ноги теперь чистые, но боль никуда не делась. Наивно думать, что простая ванна все решит. Но в краю магии обидно не набрести на волшебный источник.

Я шлепаюсь в мох и натыкаюсь на новую проблему. Оставшиеся от штанины лоскуты прилипают к ранам и причиняют боль. Я пытаюсь их оторвать, но ткань слишком прочная. Тут нужен нож.

Рюкзак, в котором он лежит, остался у выхода из тоннеля. Я тащусь туда. Это трудно, но вода помогла, облегчила боль. Хватаю рюкзак за лямку, тяну его за собой, усаживаюсь, достаю складной нож и начинаю срезать лоскуты штанины. Теперь одна штанина длинная, другая достает только до колена. Для симметрии обрезаю до колена и вторую.

Внезапно я вспоминаю, что у меня есть аптечка. Роюсь в рюкзаке и нахожу ее. Впрочем, ее содержимое разочаровывает. Миниатюрные пластыри и щипчики совершенно ни к чему. А вот антисептик, бинты и вата пригодятся.

Я отхлебываю из фляжки теплой воды и открываю один флакон. Он пуст, жидкость испарилась

от зноя пустыни. Я вытряхиваю на ладонь совсем чуть-чуть геля и смотрю то на него, то на свои раны. Знаю, выбора нет: необходима дезинфекция. Но знаю я и то, что будет очень больно. Набрав в легкие побольше воздуха, я наношу гель на икру. Остатки спирта вызывают страшную резь, я не могу удержаться от крика, приходится зажать ладонью рот. Перед глазами черно, в ушах гудит. В полуобморочном состоянии я сгибаюсь, прижимаюсь лбом к коленям, мне трудно дышать.

Постепенно боль стихает до терпимого порога, зрение и слух кое-как восстанавливаются.

Забинтовываю себе икру. Руки дрожат, результат довольно плачевный. Бинт сразу алеет. Что еще сделать? На мху валяются отрезанные лоскуты. Меня посещает идея. Я режу джинсовую ткань на узкие полоски и связываю их между собой. Такая перевязка тоже мало на что годится, но это все же лучше, чем ничего. Кровь пропитывает ткань, но несильно. Пока что сойдет.

Я так намучилась, так изнурена, что падаю навзничь. Голова погружается в мягкий мох. Надо мной, между двумя каменными драконьими клыками, раскинулся полог из лиан, оплетенных плющом. Умереть в таком раю — разве не чудесный конец?

*Зеленый дол. Звонит ручей, играя,
И пенится, сверкая в тростнике,
Серебряные струи устремляя
В безмолвие, к сияющей реке¹.*

¹ Артур Рембо. Спящий в долине (перев. Михаила Щепина).

Странно, что мне вспомнились стихи Рембо. Тем более, что я не припомню, когда выучила их наизусть. Кроме всего прочего, продолжение там не очень вдохновляющее: спящий в долине — это мертвый солдат... Неужели я тоже умру? Что пытается сообщить мне подсознание?

Мысли разбредаются, мне никак не удастся ухватить хотя бы одну.

Слишком устала...

Больше не могу бороться...

Если сейчас на меня нападет очередное чудовище, я позволю ему меня сожрать.

Словно откликаясь на мою мысль, откуда-то слева доносится шипение. Я медленно поворачиваю голову, не в силах поверить в такое невезение.

Змея.

Ее голова качается на уровне моих глаз, чешуя блестит в свете луны синевой. Змея наблюдает за мной, ее вид не кажется угрожающим. Можно подумать, что ее разбирает любопытство. Через несколько секунд она решает ползти дальше. Обогнув меня, змея исчезает под папоротником.

Перевожу дух. Боль в ноге притупила мою бдительность.

Теперь мое внимание привлекает непонятый шум у источника. Я считала это место беззаботной гаванью. А оказывается, оно кишит необыкновенной фауной.

Я снова медленно поворачиваю голову. Из воды вылезает черная ящерица с желтыми полосами, значительно превосходящая размерами саламандру, которую

я видела раньше. Сделав несколько шагов, она останавливается у края мохового ковра. Вряд ли она видит меня, лежащую на расстоянии двух-трех метров. Сначала ящерица не шевелится, потом по ее телу начинают пробегать судороги. При этом она теряет прежнюю желтизну. Желтые полосы, оказываясь на земле, превращаются в распадающиеся гроздья. До меня доходит, что это яйца ящерицы. Сотни желтых яиц. Отвратительно, но завораживает!

Этим представление не завершается. Ящерица, почерневшая с головы до ног, чувствует себя, как я погляжу, не очень хорошо. Она валится на бок, желтые яйца вокруг вибрируют и одно за другим начинают проклевываться. Из них вылупляются, вопреки ожиданию, не маленькие рептилии, а черные паучки с желтыми пятнышками на животе. Они карабкаются на свою злосчастную родительницу в таком количестве, что ее саму уже не разглядеть.

Меня охватывает ужас. Не выношу пауков!

Я бы пустилась наутек, но тело, оказывается, не повинуется. Лежу на мху и не могу пальцем пошевелить. Хочется закрыть глаза, чтобы не видеть, как ящерицу пожирают заживо, но даже это не получается. Закричать и то не могу, из глотки не вырывается ни звука.

Завершив трапезу, пауки дружно расползаются от белого скелета несчастной рептилии. Их можно принять за один организм, настолько слаженно они движутся. Кажется, они унюхали кого-то еще. У меня волосы начинают шевелиться: я понимаю, что их новая добыча — я.

Пауки ползут ко мне.

Черная паучья волна достигает моего плеча. Пауки тысячами лезут мне на грудь, собираются на шее и на лице, подбираются к ноздрям, щекочут мочки ушей.

Я бы вскочила, закричала, бросилась к водоему и плюхнулась в него, чтобы избавиться от этой напасти, но меня парализовал страх.

Пауки начинают кусаться. Первым смельчакам подражают другие. В небывалом ужасе я чувствую, как они атакуют нежную мочку моего уха.

Сейчас они со мной разделяются, как с ящерицей!

От источника доносится бульканье. На воде вздуваются пузыри, того и гляди ударит гейзер. Вода поднимается и быстро доходит до мха. Через несколько секунд под воду уходит одна моя рука. Вода переливается через мои плечи, доходит до подбородка, все больше сокращая занятую пауками сухую территорию. Даже пальцем не пошевелив, я оказываюсь полностью захлестнутой. Черно-желтые паразиты исчезают, словно их и не было.

Но мое облегчение недолговечно.

Я тяжелая, как булыжник, и неподвижно лежу на дне разлившегося водоема. Все звуки доносятся до меня, как сквозь слой ваты. Я пытаюсь задерживать дыхание, но от этого мало толку. Лежа в полном оцепенении, я боюсь все больше и больше.

Через минуту у меня не остается другого выхода, кроме как вздохнуть.

Вода устремляется мне в рот и в ноздри, и я не в силах этому воспротивиться.

Легкие наполняются водой.

Я захлебываюсь.

Первый рефлекс — задыхаться, как тонущий, вынырнувший на поверхность. Я лежу вытянувшись, понимая, что все увиденное только галлюцинация. Но эту мысль прогоняет рой противоречивых чувств.

Мне холодно. По коже бегают густые стаи мурашек. Я забыла, что значит мерзнуть.

А теперь мне жарко. Казалось бы, руны не должны этого допустить, тем не менее мне до того жарко, что голова превращается в теплоэлектростанцию. Мозг того и гляди вскипит.

Ускоренно бьется сердце. В жилах бежит уже не кровь, перебирают лапками пауки. Вот куда они спрятались, когда поднялась вода! Залезли в меня и теперь пожирают изнутри! Копошатся в желудке, в легких, в кишках...

Лоб в сильной испарине, на глаза стекает пот. Затопившая меня только что вода из источника изливается через поры.

Нет, ничего подобного!

Совсем забыла.

Все это мне приснилось.

Вернется ли змея?

А пауки?

Никак не могу отделить реальное от воображаемого. Действительно ли я валяюсь с кровоточащей ногой? Или я — спящая в долине и вот-вот испущу дух? Уж не про меня ли сочинил свое стихотворение Рембо?

Похоже, я нахожусь одновременно и вне собственного тела, и в нем, взаперти. Я даже вижу саму себя, лежащую во мху.

Я больна. Не иначе, вода в источнике ядовитая.

И что с того? Ведь я ее не пила. Я только в ней побывала.

Или она вливалась мне в рот литр за литром?

Мое ложе — мягкий зеленый мох. Влажный матрас, мокрая подушка. Я тону. Цветущий мох обрамляет мое лицо венком лепестков.

Он у ручья остался отдохнуть.

И сон его никто не потревожит,

И облака вершат над ним свой путь...

Опрокинувшийся надо мной звездный купол вибрирует, я слышу мелодию, струнную симфонию. Молитва смычков прерывается белой вспышкой, потом звучит с прежней силой.

Движение слева заставляет меня обернуться.

На листике в нескольких сантиметрах от меня появился богомол. Сложив надкрылья, он укоризненно рассматривает меня через зеленые очки. Сейчас мне прочтут нотацию. Звездную мелодию нарушает сердитый голос:

— Похоже, я вовремя.

Не пойму, о чем речь. Наверное, меня ждет взбучка за нерадивость, а все потому, что у меня не было времени на подготовку. Что-то бормочу в свое оправдание.

Я забыла тему изложения. Это все тигр, он сожрал мою тетрадку, а потом...

— Молчи. Ты бредишь, — обрывает меня богомол. — У тебя жар.

И тут меня хватает за подбородок железная рука.

Я понимаю, что рядом кто-то есть. Кто-то силой заставляет меня смотреть в небо, а не на богомола.

Надо мной парит белая тень.

Не могу разглядеть, кто это. Перед глазами плывет. Никак не сфокусирую взгляд, как будто глаза больше не соединены с мозгом.

Мне в рот льется какая-то жидкость.

Меня охватывает паника.

Я отплеываюсь.

Снова утонуть? Ну уж нет!

Но у белой тени собственные соображения. Она сжимает мне ладонью рот, заставляя глотать. Я повинуюсь. Жидкость затекает мне в глотку, но я не захлебываюсь.

Когда пальцы перестают сжимать мне рот, я пытаюсь их укусить, но зубы лязгают в пустоте.

Мимо!

Я прислушиваюсь, но звездная музыка стихла. Я поворачиваюсь к богомолу — хоть какое-то утешение. Но богомол тоже пропал. Я реву в три ручья, впав в глубокое отчаяние.

Даже богомол меня бросил. Меня все бросили: Маргуль, Сафр, Эликс, Элифас, квагга и та сбежала. Никто меня не любит, никто не хочет поддержать.

— Болтаешь невесть что, — не соглашается голос из белой тени.

Дружеский, даже ласковый голос, без намека на враждебность.

— Не сопротивляйся забытию, поспи. Я тебя посторожу.

Эта фраза действует как спусковой механизм. Мое сознание тут же начинает плыть, ложе из мха

углубляется, я нежусь в зеленом гамаке. Вдох-другой — и все становится черно.

161

В этот раз пробуждение происходит в несколько приемов. Мое тело — как пляж после шторма: обновленное и одновременно чужое. Боль поработала надо мной, как ветер и волны, рушащие дюны. Я себя больше не узнаю. Необходимо снова вступить во владение собой.

Как ни силюсь вспомнить случившееся, ничего не выходит. То небольшое, что всплывает в памяти, пугает. Неужели я до такой степени потеряла голову? Не сказать, что у меня шарики зашли за ролики, но осторожность не помешает. Боюсь снова начать бредить.

Я проверяю свою чувствительность. Все суставы болят. Слабее всего отзывается раненая левая нога — совсем затекла.

Она по крайней мере еще при мне?

Пытаюсь вообразить невообразимый ужас: себя одноногую.

Распахнув глаза, я резко сажусь и тяну шею, чтобы бесстрашно взглянуть, что там.

Обе ноги на месте, вытянуты, и ступни целехонькие.

Повязка из джинсовой ткани валяется во мху неподалеку.

Кто тут?..

Мое внимание привлекает какое-то движение.

Тут кто-то есть.

Я поднимаю глаза на незнакомца, как будто ждущего моего возвращения в компанию живых. Узнаю человека-ворона и невольно вскрикиваю:

— Ты!..

Человек-ворон церемонно кланяется. Одет он так же, как в моем сне: белый халат и шаровары под белым кафтаном, опаловые волосы, мертвенно-бледная кожа, бесцветная радужка. Он смотрит на меня с горделивой улыбкой. Обещал меня не бросать — и выполнил обещание.

— Как самочувствие?

Я молча на него смотрю, боясь, что это опять галлюцинация. Приснившийся мне чародей прорвался в реальность. Хорошо ли это?

Снова изучаю ногу. Раны накрыты широкими зелеными листьями, их надежно держит на месте выстиранный бинт. Боль почти не чувствуется.

— Что ты со мной сделал?

Это прозвучало осуждающе, и мне становится стыдно. Ни приветствия, ни благодарности. Скорее нападение, чем защита, но я ничего не могу с собой поделать. Ему, правда, хоть бы что. Улыбнувшись, он объясняет:

— Я продезинфицировал тебе раны растительным соком и напоил микстурой, жаропонижающей с противовоспалительным эффектом. У пустынного тигра ядовитые когти.

— Откуда ты знаешь, кто на меня напал? Тебя там не было.

И опять я себя упрекаю: почему я такая несговорчивая?

Чародей поднимает голову и указывает на скалу позади нас.

— Тигр тебя ищет. Он еще не сталкивался с такой хитрой и юркой добычей. Он раздражен твоим бегством.

Меня подмывает бросить ему новый вопрос, но он меня опережает:

— На то я и чародей. Я способен влезть в шкуру любого живого существа, достаточно просто сосредоточиться.

Трогаю раненую ногу. Повязка тугая, чистая, наложена профессионально. Я облегченно перевожу дух и зарываю топор войны.

— Спасибо.

Он опять улыбается.

— Рад тебе помочь.

Удивление первых минут прошло, теперь меня переполняет любопытство.

— Ты настоящий? Ты мне не снишься?

Он кивает.

— В чем дело, почему такая перемена?

— Влияние Гразиэля в этой зоне пропало несколько часов назад. Это позволило мне определить твоё местонахождение — и вот я здесь.

— Выходит, Страж снов...

При этих словах его лицо ещё больше проясняется.

— Так это ты? Ты поборола Стража снов Гразиэля?

Я отвешиваю поклон, копируя его фирменный утвердительный кивок.

— Я забросила в доспехи угли. Поджарила эту гадость!

Впервые он улыбается мне со всей искренностью. Это уже не снисходительная ухмылка, обращенная к юной глупышке, а настоящая улыбка, обнажающая

зубы. Признаться, от этого мне даже делается страшно.

— Что это с тобой?

— Благодарю, — важно произносит он. — Внутри доспехов находился мой друг. Я рад, что ты наконец даровала ему покой.

— Выходит, рассказы о стражах — правда? Это чародеи, заточенные в волшебные латы?

Он молча подтверждает мою догадку.

Ежусь от воспоминания о мумифицированном трупе.

— Как так можно?! Что, все колдуны одинаковые? Все пытаются, запирают в темницах, обращают в рабство? Ни малейшего уважения к человеческой жизни! Почему они позволяют себе такое?

Меня мучают вопросы, воспоминания о событиях последних часов. Человек-ворон встает, подходит и ласково кладет ладонь мне на голову, чтобы остановить. От его прикосновения становится спокойно и хорошо, все опасения отступают.

— Что ты со мной сделал? — спрашиваю я, отдышавшись.

— Дал тебе почувствовать влияние места, где мы находимся. Не поддавайся страху. Здесь ты нашла гавань мира, оазис посреди пустыни. Волшебство тут бьет фонтаном.

— Наверное, это и есть сокровище, о котором говорили догроны.

Мы оба умолкаем. Вокруг нас снова начинается звучать птичье пение. Звезды меркнут, небо между драконьими клыками розовеет. Я перевалила через эту нескончаемую ночь.

Чародей беззвучно встает, обходит водоем и удаляется по шелестящему зеленому коридору. Мне не страшно, что он меня покидает. Теперь, после того как он указал на безмятежность этого места, мне небывало хорошо. Я опять растягиваюсь на мху и новыми глазами люблю пробуждением природы. Меня наполняет неведомое прежде чувство единения с этим местом. Спinoй ощущаю могучую энергию, источаемую камнями. Я лежу навзничь, грудь полна животворного воздуха. Дышится спокойно, каждый вдох — глоток безмятежности.

Даже не знаю, сколько времени так провела.

Прикосновение к руке возвращает меня к реальности. Я моргаю. Чародей присел рядышком и взял мою ладонь в свою. Его улыбка кажется мне несколько безумной.

— Что?..

Он выпускает мою руку, не переставая улыбаться.

— Ничего.

Вижу, что он врет. Знаю, что он знает, что я это знаю. Но это его как будто не беспокоит. Он ссыпает мне в ладонь лиловые ягоды.

— Съешь.

Я сажусь с ощущением, что проспала часов двадцать. Ко мне вернулись силы, боли и скованности как не бывало. Кошусь на ягоды и проглатываю их в считанные секунды. Похоже на чернику, но со вкусом клубники.

— Еще! — требую я, протягивая ладонь.

Половину ягод он оставил себе и медленно, одну за другой, отправляет их в рот.

— Если хочешь еще, ступай и нарви.

— Не могу. Ты забыл о моей ноге?

— Какая нога? — спрашивает он, изображая наивность, и на всякий случай отступает на несколько шагов.

— А то ты не знаешь! Раненая! Ты же сам ее бинтовал.

— Что еще за раны?

Он забрасывает себе в рот остаток ягод и как ни в чем не бывало шевелит челюстями. Видно, он хочет, чтобы я сама угадала его мысль.

Смотрю на левую ногу так, словно она способна заговорить, прислушиваюсь к своим ощущениям. Нога уже не такая затекшая, как недавно, и не болит. Чувствую разве что давление повязки с листьями, но где три глубоких раны от когтей, уже не понять. Я кошусь на чародея: он безмятежно любитесь парой синих бабочек, танцующих в утреннем воздухе.

Наконец, я уступаю любопытству и разбинтовываю ногу. Осторожно снимаю первый лист и разглядываю раны. Видимо, я смотрю не туда: кожа, конечно, багровая, но следов от когтей как не бывало. Убираю второй лист — снова ничего. Я срываю все листья и оголяю ногу от колена до щиколотки. На ноге нет ни одной царапины. На месте трех недавних ран тянутся борозды минимум трехмесячной давности. У меня перехватывает дыхание.

— Как же так?! — бормочу я. — Это твои проделки?

— Мои? — Чародей пожимает плечами. — Ничего подобного. Вспомни, меня здесь даже не было.

Непонимающе перевожу взгляд с него на свою ногу и обратно. Произошло что-то непонятное.

За несколько минут страшные раны не заживают. Чем больше я ломаю голову, тем меньше понимаю. Заметив косой взгляд чародея, зову его на выручку.

— Хватит игр, пожалуйста! Объясни, как это вышло. Я не дурочка. Не оставляй меня в неведении.

Он возвращается ко мне, гибко опускается на корточки и убедительным тоном говорит нечто непонятное:

— Только что, когда я открыл для тебя безмятежность этого места, ты погрузилась в состояние, называемое на языке чародеев «шанти». Твой организм наладил связь с этим местом и позаимствовал у него волшебство для исцеления.

И он разводит руками, как будто все растолковал. Я смотрю на него так, словно услышала тираду на китайском. Ну точно, безумец! Как и я сама, скорее всего, если воображаю, что моя нога зажила. Встаю в уверенности, что сейчас взреву от боли.

Но ничего похожего не происходит.

Неужели события последних часов на самом деле произошли давным-давно? Но как быть с рваной штаниной, со свежей кровью на ноге, с отсутствием одного ботинка? Доказательств случившегося более чем достаточно.

Я делаю несколько шагов по глубокому пахучему мху, силясь найти приемлемое объяснение. Напрасный труд!

— Ты мне не веришь, — с притворным унынием заключает у меня за спиной чародей.

— Да, поверить трудновато.

Вникнуть в смысл его речей мне мешает страх. Он не настаивает — и правильно делает.

— Чтобы все это улеглось в голове, нужно время, — говорит он, желая снять возникшее между нами напряжение.

Я молча киваю, смущенная своими мыслями.

От каменной стены позади нас доносится шорох.

Мы с человеком в белом дружно оборачиваемся.

Когда я начинаю понимать, что происходит, мое сердце стучит так, что я глохну.

Только не это!

Кто-то лезет по тоннелю.

Я испуганно замираю. Из дыры в стене вываливается ком цвета охры, и я облегченно перевожу дух.

Элифас!

Он нагибается и тщательно отряхивается. Потом озирается и упирается взглядом в меня.

— Сага? Вы ли это?

Я не могу вымолвить ни слова. Значит ли это, что некоторые из моих спутников остались живы?

Элифас что есть силы кричит в дыру:

— Все хорошо! Она здесь!

Ко мне возвращается дар речи, ноги снова могут двигаться. Встаю и делаю шаг в его сторону.

— Вы спаслись?

— А то как же! И сразу принялись искать вас. Догроны не жалели себя. В тоннеле пахло вашей кровью, им в него не пролезть, вот они и отправили меня.

При виде зеленеющих и цветущих окрестностей Элифас таращит глаза.

— Клянусь предками! Невероятное место! Обязательно нужно пометить в блокноте его координаты.

— Вы начертили карту лабиринта?

— Черчу. Она еще не готова, но догроны помогут завершить этот труд.

Он достает блокнот и начинает стремительно в нем черкать. Я бросаю взгляд на открытую страницу. Да у него талант к рисованию!

— Кстати говоря... — бормочет он, не переставая запечатлевать пейзаж, — не могли бы вы сказать, откуда взялось это...

Я вздрагиваю. Совсем забыла, что я не одна! Я оглядываюсь, срочно придумывая объяснение присутствия чародея.

— ...это пернатое?

Вместо человека в белом на камне сидит ворон-альбинос. Я смотрю на него, разинув рот, удивленная гораздо сильнее Элифаса. Отвечая на его вопрос, птица каркает и вспархивает мне на плечо. Когти легонько царапают мне кожу, напоминая о необходимости быть настороже.

— Не беспокойся, — говорю я ворону.

Элифас смотрит на меня так, словно стал свидетелем сеанса дрессировки.

— Это ваша птица?

Я краснею, понимая, что не могу сказать ничего внятного.

— Да. Нет. То есть... да, моя.

Не знаю, насколько убедительно это прозвучало.

Элифас, склонив голову, внимательно смотрит на меня. Знаю, я наглая и не умею лгать. Взглядом умоляю его не настаивать. Наверное, он понял, потому что

поворачивается к коридору из зелени, проявляя больше интереса к гигантским папоротникам, чем к странному белому ворону. Элифас торопится в роскошную тень, издавая вопли восторженного естествоиспытателя, близкого от счастья к обмороку, а я провожаю его облегченным вздохом.

— Хотелось бы знать, что за игру ты затеял, — обращаюсь я к птице.

Та помалкивает, еще настойчивее впиваясь мне в плечо: типа, имей терпение, всему свое время!

Элифас напихал в свой блокнот листьев, сорванных с разных веток, после чего мы идем к тоннелю в скале. Меня мутит от мысли, что придется опять в него лезть.

— Одного не пойму, — обращается ко мне Элифас. — Откуда вся эта кровь? Как я погляжу, на вас ни царапинки.

— Почему, парочка царапин есть, — снова лгу я с деланным безразличием, словно эта тема недостойна внимания.

— Тем лучше. — Он убирает блокнот в один из многочисленных карманов своей куртки. — Честно говоря, я боялся наткнуться на ваше бездыханное тело. Один из догронов причитал, что вы тяжело ранены.

Пожимаю плечами. Лучший способ избежать вражья — помалкивать. Элифас забирает у меня рюкзак и указывает на вход в тоннель.

— Кавалеры пропускают дам. Не бойтесь, я не отстану.

Когда я опускаюсь на колени перед темной дырой, ворон взлетает с моего плеча.

— Неразговорчивая у вас ворона, — бурчит Элифас.

Мне сдавливает горло, я ничего не могу ответить. Ненавижу этот тоннель, ненавижу связанные с ним воспоминания. В нем я чуть не умерла, мне чуть не оторвал ногу саблезубый тигр. Я медленно глотаю стусившуюся слюну и лезу в темное подземелье. Возвращение кажется мне в десять раз более долгим. Впрочем, когда тебя не преследует тигр и не надо толкать перед собой рюкзак, все куда проще.

Наконец вижу впереди свет. Маргуль отходит, давая мне выбраться. Стоит мне выпрямиться, как он закрывает меня в жаркие объятия.

— Я знал, знал! — хрипит он. — Сафр твердил, что ты погибла, но я не хотел в это верить.

— Маргуль... — выдавливаю я. — Ты меня задушишь!

Он размыкает объятия. На его лице появляется страшноватая улыбка. Из дыры вылезает Элифас с моим рюкзаком. Я беру рюкзак. Ко мне подходит Сафр, он пристально на меня смотрит.

— Ты ранена, — констатирует он. — Ты пахнешь кровью.

— Я цела и невредима, — отмахиваюсь я. — Так, пустяк.

— Пустяк? А это? Это пустяк?

В руках у Сафра — башмак, сорванный дикой кошкой с моей ноги. Он безнадежно испорчен: кожа исполосована, изжевана, явно побывала в тигриной пасти. Так выглядит старая кошачья игрушка. Я гляжу на свои босые ноги и вспоминаю про второй ботинок, спрятанный в рюкзаке. Как им это объяснить? Ничего не поймут!

— Говорю тебе, я в порядке. На меня напал огромный тигр. Мне удалось спастись. Он меня поранил, но рана уже зажила. Она была пустяковой.

— Тебя ранил ядовитый тигр? — хмурится Маргуль.

— Он не представился, — пробую я пошутить.

— Клыкастый, когтистый, черные полосы на золотистой шкуре? — требует уточнения мой друг догрон.

Я киваю, отводя взгляд. Когда они уймутся? Я устала врать, тем более лучшему другу. Пора уносить отсюда ноги.

— И ты осталась в живых? Как?

Приходится отвечать. Они не оставят меня в покое, пока я им всего не выложу.

— Слушайте, Маргуль, Сафр. То место, где я побывала, — это и есть сокровище, которое искали все погибшие в лабиринте. Это цветущее место (я вдруг вспоминаю спящего в долине), где бьет волшебный ручей. Меня исцелила вода из ручья.

От этого вранья у меня во рту остается соленый привкус. Ненавижу себя за эти глупости! Но так гораздо проще, чем рассказывать про чародея и про чудесное исцеление. Мое объяснение затыкает рот Сафру и Маргулю, один Элифас не унимается.

— Волшебный ручей? — восклицает он. — Я не взял образца воды. Надо туда вернуться!

Он пытается преодолеть заслон — загородившего вход в тоннель Сафра. Если бы не напряженность ситуации, этот танец естествоиспытателя и не желающего его пропускать догрона показался бы потешным. Но у меня на уме одно: как можно быстрее и дальше убежать от ущелья с чудищами.

— Элифас! Вы нарисовали карту, чтобы потом вернуться. Не забудьте, что Эликс и Гразиэль еще живы. Они скоро проснутся. Поторопимся на баржу!

Мой возглас всем вправляет мозги. Мы уже готовы уходить, как вдруг мне на плечо садится белый ворон. Догроны застывают и таращат на него глаза, да так, что те едва не вылезают из орбит. Элифас уже ушел за своей кваггой и не знает, что у нас происходит.

Маргуль смотрит мне в глаза. Я мотаю головой, моля его не задавать вопросов. Только не сейчас! Я уже обсуждала с ним эту птицу, и он, помнится, советовал быть с ней поосторожнее. Белый ворон — сильное волшебство, предостерегал он. И вот его опасения материализовались в виде птицы, сидящей у меня на плече. Догрон смотрит на брата, по насупленному взгляду которого ясно, что он тоже не рад ворону. Но Сафр, опомнившись, пожимает плечами.

— Атии, — фыркает он, выдыхая носом облако дыма, воняющее серой. — Идем. После подумаем.

Для него это дело решенное. Его не устроил мой рассказ про волшебный источник, ему не понравилось появление птицы. Но сложность положения затмевает все остальное.

— Любопытная идея, — посмеивается Элифас, уже сидящий в седле. — Лично мне отлично думается на ходу.

С облегчением узнаю, что моя квагга осталась жива, Элифас и догроны без труда ее поймали: животному хватило ума вернуться. Маргуль помогает мне усесться на полузебру. Я обнимаю ее за шею и шепотом прошу простить меня за то, что не сумела ее защитить. Квагга кивает. То ли поняла меня, то ли это рефлекс.

Ворон тем временем меняет насест: теперь он предпочитает не мое плечо, а рог квагги. Та не возражает.

Мы медленно выступаем. Элифас, поравнявшись со мной, рассказывает, как вместе с догронами отбил-ся от кровососущих страусов. Сначала он хвастается своим умением обращаться с мечом, потом переходит к свирепости огров-драконов.

— Я под сильным впечатлением! Никогда не думал, что буду сражаться рука об руку с потомками драконов.

— Уверена, вы уже зарисовали их лица.

— Вообще-то, для рисования у меня еще не было времени. — В его тоне слышен обращенный ко мне упрек. — Если помните, первой задачей было спасти вас.

— Так и есть, — отзываюсь я и спохватываюсь, что еще не произносила волшебного слова. — Я очень вам благодарна.

Он театральным жестом воздевает руки к небу.

— Наконец-то! Хотя бы капелька признательности! А то мне показалось, что я вам помешал, когда вылез из тоннеля.

Я ломаю голову, как оправдать свою холодность. Он большой молодец, что избавил меня от неприятного разговора о чародее. Но этого я ему сказать не могу.

— Что вы! Просто я была уверена, что навсегда застряла в том оазисе. От вашего внезапного появления я онемела. Не злитесь.

Проходит час пути, и я начинаю понимать, что дела плохи. Мне нестерпимо жарко. Это непорядок, ведь

на то и руны, чтобы дарить прохладу. Я разглядываю себя — а рун-то нет. Как не бывало... Невероятно!

Я наклоняюсь к рогам своей квагги и тихо обращаюсь к ворону:

— Эликс нанес мне на руки письма. Их больше нет.

Птица делает вид, что оглохла. Она сидит с прикрытым глазом, как будто дремлет.

А ведь я даже не знаю ее имени!

Все бы сейчас отдала за ответ. Увы, в своем теперешнем обличье ворон вряд ли сможет произнести что-то связанное. Одно дело — сны, и совсем другое — реальность, в которой мы сейчас находимся.

— Эй! — зову я птицу на всякий случай, щелкая над головой квагги пальцами.

— Карр? — вопросительно изрекает ворон.

— Руны! Были — и нету.

Пернатое поворачивает голову и рассматривает мою вытянутую руку.

— Карр! — Ворон топорщит перья.

От него ничего не добьешься.

— Маргуль!

Маргуль, возглавляющий на пару с братом шествие, оборачивается.

— Мои руны смыло водой. Я больше не защищена от солнца. Мне не преодолеть пустыню!

Маргуль пожимает плечами — он понятия не имеет, как с этим быть. Ко мне подъезжает Элифас.

— Кажется, я могу предложить решение. Поделюсь с вами одной из своих запасных рубашек. Они сшиты из особой ткани, нейтрализующей солнечное излучение. Хотите?

— Если вас не затруднит...

Элифас развязывает свой рюкзак и достает мятую бежевую рубашку. С облегчением натягиваю ее поверх майки.

— Теперь, — поучает землепроходец, — плесните водой из фляжки на платок и повяжите его на шею. И про свой диковинный головной убор не забудьте. — Я следую его совету. — Прекрасно! Пока мы в лабиринте, температура еще туда-сюда. В пустыне она будет вдвое выше. Отпивайте по глотку воды каждые четверть часа, даже если не чувствуете жажды. Понятно?

Я киваю, спохватываюсь, бормочу слова благодарности. Он с вежливой улыбкой возвращается на свое место в нашем маленьком караване. Внутренне негодую на все эти меры предосторожности. Руны были единственной ценностью, доставшейся мне от Эликса.

Мы достигаем пустыни, когда солнце добирается до зенита. Жарко было и раньше, но теперь зной становится просто испепеляющим. В дрожащем воздухе мерцают песчаные дюны, словно политые жидкой ртутью.

Догроны выходят из лабиринта в пустыню, не сбавляя скорости. Мы с Элифасом бьем пятками своих скакунов в бока, чтобы не отстать.

Проходит час за часом. Вокруг не меняется ровным счетом ничего.

Под вечер мы делаем привал. Сафр высмотрел между двумя дюнами широкий скальный отрог, на котором можем поместиться мы все. Устало сползаю с седла, не чувствуя тела ниже пояса. Рубаха Элифаса оказалась спасением. Мне, конечно, очень жарко, но солнечного

удара я избежала. Мы изголодались и набрасываемся на провизию, наслаждаясь вечерней прохладой и великолепными небесами, пламенеющими там, где закатилось солнце. Вокруг смешиваются фиолетовые и синие оттенки, легкий ветерок играет с песчинками.

Не обходится без червей, но время их брачных танцев уже позади. Гребни червей скользят над дюнами, как акулы плавники. Мы словно жертвы кораблекрушения, выброшенные на остров посреди океана, который принадлежит им. Тому, кто случайно ступит на песок, грозит верная гибель.

Наступает волшебная ночь. Впервые за долгое время жесткое каменное ложе не мешает мне безмятежно уснуть. Меня стерегут: ворон, землепроходец и догроны. Я не одна, я не рабыня и не ранена.

Но кое-чего — самого главного — мне все же не достает. Наутро я просыпаюсь с одной неотвязной мыслью: обыскать баржу и обрести утраченную память.

В середине дня перед нами появляется лента канала. Баржа стоит на прежнем месте. Владелец квагг, лежащий под большим фонарем в форме пагоды, при нашем приближении встает. Как он, интересно, провел эти несколько дней? Облазил баржу от трюма до палубы или просто терпеливо ждал нашего возвращения?

Догроны никак не объясняют ему отсутствие Эликса и нескольких квагг. Они передают владельцу двух оставшихся животных и расплачиваются с ним весомой горстью волшебных камней. С грустью глажу напоследок морду своей квагги. Если бы не она, меня бы сожрали гарпии или я сгинула бы в пустыне от истощения.

Мы переходим на борт баржи, и Сафр отдает швартовы. Я с замиранием сердца думаю о том, что мы делаем: мы похищаем «Тень на воде».

Обретшее свободу судно медленно скользит. В этот раз догроны не помышляют о буксировке, а доверяются течению.

Спускаюсь в трюм в компании ворона, не покидающего моего плеча. Возвращаюсь со странным чувством: я кажусь себе нежеланной, как будто корабль знает, как я поступила с его хозяином. Будь «Тень на воде» живым существом, она, пожалуй, постаралась бы, чтобы я сгинула в тесном трюме, не сумев выбраться.

Но корабль безмолвствует, только слегка поскрипывает и покачивается. Нет, это всего лишь неодушевленное средство для перевозки имущества колдуна. А еще где-то здесь завалялась моя память.

Я добираюсь до двери в кабинет Эликса. Увы, она заперта. Вырезанные в древесине буквы горят зеленым светом, преграждая путь нежеланной гостье. Я берусь за дверную ручку, но нажать на нее не могу: руны все еще защищают проход.

В отчаянии бью по двери кулаком. Мое имя спрятано там, за этой дверью. Проклятые рунические заклинания! Только и делают, что портят мне жизнь!

— Тебе помочь? — спрашивает голос у меня за спиной.

Я испуганно оглядываюсь. На ступеньке стоит чародей — белое пятно в полутьме. Ворон исчез.

— Прекрати! — бурчу я. — Ты злоупотребляешь магией и сбиваешь меня с толку. А еще заставляешь меня врать про тебя.

— Ах, если бы ты врала только про меня...

Его укол достигает цели: я неприязненно морщусь.

— Тебе бы перестать обманывать саму себя.

Второй укол тоже попадает точно в цель.

Я отшатываюсь, приваливаюсь к двери. Мы находимся в замкнутом пространстве, он стоит слишком близко ко мне — всего на две ступеньки выше, почти меня касаясь. Чувствую его запах, растительный и очень знакомый. В следующее мгновение меня осеняет.

— Мы случайно не родственники?

Теперь шокирован он. Теряет равновесие и чуть не падает, но удерживается на ступеньке, раскинув руки. Он смотрит вниз, лица не видно из-за копны волос. Он не шевелится. Я даже не уверена, что он еще дышит.

— Да, — произносит он одними губами.

У меня подкашиваются ноги, я всем телом налегаю на дверь, чтобы не упасть. Если бы только я могла вспомнить, откуда взялась! Если бы не тонула в вязком неведении!

— Я Жоло, твой брат.

У меня есть брат? Это кажется настолько невероятным, что я не могу устоять и плюхаюсь на ступеньку, сраженная известием. У меня есть брат...

— У меня есть брат... — произношу я громко, как будто нуждаюсь в звуке собственного голоса. Он все обо мне знает, а я не знаю о себе ровным счетом ничего. Мне хочется броситься к нему в объятия, но я стесняюсь. Мы едва знакомы.

Встаю и показываю пальцем на дверь.

— Мне не помешала бы помощь.

Он кивает. Волосы по-прежнему закрывают ему лицо. Он спускается ко мне и упирается в дверь ладонью.

— Прежде чем начать, хочу взять с тебя одно обещание, — говорит он очень важно, не глядя на меня. — Когда к тебе вернется память, нам надо будет поговорить. Обещай, что согласишься меня выслушать.

Не понимая, что у него на уме, я все же соглашаюсь, не тратя время на размышление. «Жоло, мой брат!» — крутится у меня в голове, и мне делается от этого тепло. До чего приятно знать, что он рядом! Я слышу, как Жоло делает глубокий вдох. Древесина вокруг его ладони начинает трепетать, как живая. Дверь коробится, из нее вырастают веточки, на них набухают почки, распускаются и тут же вянут листья. Надпись на двери почти исчезает под наросшей вдруг корой, потом кора отваливается, и на прежнем месте опять зеленеют письмена. Но это уже не прихотливые руны, а грубые ножевые надрезы. Кажется, древесина двери пытается исцелиться. После минуты непрерывных преобразений, появления и опадания листвы письмена окончательно стираются. Теперь дверь похожа на толстую необструганную доску. Несколько веточек проникли под язычок замка, поэтому Жоло остается только толкнуть дверь, чтобы она распахнулась, повиснув на одной уцелевшей петле.

Перед нами приемная Эликса.

Я никак не реагирую на произошедшее. Жоло, белый чародей, наделен волшебной властью. Знаю, мне нельзя пройти мимо факта, что он мой брат и одновременно чародей. Все это требует размышлений. Но тема до того серьезная, что я сознательно ее игнорирую — от страха, наверное.

Первым делом надо разобраться с моим именем, остальное подождет.

При нашем появлении на потолке загорается свет. Сияющее рабочее место ждет не дождется хозяина. Работая на Эликса, я убедилась, что он маниакально привержен порядку. Наконец-то его мания принесет мне пользу. Обхожу длинный деревянный стол и направляюсь к шеренге колб и бутылей. Их здесь, наверное, не одна сотня. Я беру одну наугад. На этикетке аккуратно выведено «Манон». Беру вторую — «Генриетта». Снимаю еще одну с верхней полки — «Филибер».

Видя десятки этикеток с именами, я убеждаюсь, что памяти лишили далеко не меня одну. Все эти люди в какой-то момент личной истории отказывались от своего прошлого ради... чего? Денег? Успеха? Красоты? Понимали ли они, лишаясь имен, что продают далеко не только это? Нет, не понимали. Эликс обманывал одного за другим: заманивал, напускал туману, делал предложение, от которого нельзя отказаться.

Я не могу махнуть на всех них рукой. Если сегодня ко мне вернется память, то будет несправедливо обречь остальных на беспамятство. Не выпускаю из рук «Генриетту». Этикетка пожелтела, ей явно не один десяток лет. Я поднимаю колбу высоко над головой и изо всех сил швыряю ее на пол. Осколки разлетаются в стороны под скорбный стон:

— ГЕНРИЕТТА...

Одной меньше.

Я задумчиво смотрю на грудку осколков. Сколько колб мне придется разбить, чтобы добраться до своего имени? Жоло мог бы мне помочь, он меня знает. Я поднимаю глаза — и не вижу брата. С висящей на одной

петле двери на меня смотрит пустым глазом безмолвный ворон. Что на него нашло? Зачем он прячется под белым птичьим оперением? Я сказала что-то не то? Отреагировала не так, как ему хотелось?

Шаги на лестнице дают превращению более логичное объяснение. Появляется встревоженный Элифас.

— Что здесь происходит? Я слышал звон. Что-то разбилось?

— Все прекрасно! — заверяю я его с деланой небрежностью. — Я немного порылась в вещах Эликса.

Он подходит к полкам, разглядывает колбы, берет одну.

— Банки с этикетками... Давненько не видел этого добра в таком количестве!

Загорелый воришка упирается взглядом в меня. Быстро же он соображает! Наш Элифас — большой хитрец.

— Насколько я понимаю, бесценная Сага, вы в одном шаге от того, чтобы обрести истинную личность?

Пожимаю плечами и вместо ответа разбиваю о пол вторую склянку.

МАНОН...

— Если хотите помочь — не стесняйтесь!

Он с улыбкой перекладывает колбу из руки в руку, будто приноравливается, как бы ею пожонглировать.

— Между прочим, такой товар на черном рынке очень дорог. У Эликса здесь целое состояние!

Я от души расколачиваю третью колбу (ЛЕОПОЛЬДИНА), давая понять, что мне нет до этого дела. Осколки долетают до меня. Глядя на свои босые ноги, я вдруг вспоминаю, что давно забыла про носки и про обувь,

и лезу на табурет, чтобы поберечься: осколков ожидается много. Рука тянется за следующей колбой.

— Каждая — это чья-то похищенная память и страдающий человек. Не собираюсь наживать на чужом несчастье.

Звон стекла.

КАРМИНА.

Элифас пожимает плечами.

— Учтите, этим занимается большинство колдунов. Их могущество зиждется не на любви и не на птичьем пении.

Я бросаю колбу (ЖЮЛЬ) и беру еще одну (ЖИНЕТТ). Но меня останавливает внезапная мысль.

— А вы знаток колдунов! Как насчет чародеев?

Элифас косится на ворона. Так я и знала! Он с самого начала делал вид, что верит мне, но слишком умен, чтобы быть таким доверчивым. Притворяюсь, что ничего не видела. Он опускает колбу на пол и озадаченно смотрит на меня.

— Зачем эти вопросы? Разве сами вы не в курсе дела?

Я решаю пойти ва-банк.

— Я не из вашего мира.

Он приподнимает бровь.

— Наконец-то! Вот вы и соизволили признать правду.

— У вас были подозрения?

— Я знаю все, что знал о вас Эликс и что он рассказывал некроманту. У меня тонкий слух, а беседы колдунов всегда весьма содержательны.

— Почему вы молчали?

— Мы друг другу чужие. Мне было бы совестно вытягивать из вас сведения. У вас есть право на ложь ради самосохранения.

Какое благородство! Выходит, я его совсем не знаю. Гразизель обозвал его вором, но пока что я не видела, чтобы он что-то похищал. Наоборот, он подарил мне свою запасную рубашку.

КОРЕНТИНА...

— А вы? — спрашиваю я, разделившись с еще одной колбой. — Вы мне лгали?

Он качает головой.

— Я ярый поборник истины. Если прижмет, лучше молчать, но не врать — таково мое правило.

Я рада это слышать.

— Вам смешно? — хмурится он при виде моей улыбки.

— Наоборот, я руками и ногами «за».

Звон стекла.

ВЕРОНИКА...

— Здесь надо хорошенько подмести, — цедит он, отбрасывая ногой большой осколок. — Иначе скоро будет не пройти. Не знаете, где мне найти соответствующее орудие труда?

— Загляните в ванную. Правая дверь.

Он удаляется, а я продолжаю бодро бить о пол склянки Эликса. ПЬЕР, СТАНИСЛАВ, ШАРЛОТТА... Всякий раз звучит голос владельца имени, раньше удерживавшегося волшебной печатью, потом раздается болезненный вскрик. ГОНЗАГ... Возвращается Элифас с веником и принимается заметать осколки в угол.

КРИСТИНА...

— Ну, так что? — спрашиваю я, переводя дух.

БРУНО...

— Вы о чем? — спрашивает Элифас.

— О чародеях. Почему колдуны их так недолюбливают?

ЖОЗЕФИНА...

Он улыбается, косится на ворона и отвечает:

— Даже не знаю, с чего начать. Это непростая тема...

НИКОЛАС...

— Хотя бы в общих чертах.

— Ну, так вот. Как вы поняли, волшебство — неотъемлемая часть нашего мира. Колдуны и чародеи существуют с незапамятных времен и всегда находились в конфликте, хотя уважали друг друга. Но лет двадцать назад две фракции стали откровенно враждовать. Насколько мне известно, войну объявили колдуны, заявившие, что чародеи считают возможным для себя не подчиняться законам и утаивать волшебство, хотя оно может быть полезно всем. В доказательство своей правоты колдуны открыли новые школы и стали готовить больше учеников. Любой мог туда записаться и постичь азы рунических заклинаний и целебных снадобий. Сначала чародеи по привычке держались в стороне, но постепенно среди них стали появляться жертвы, и они не могли не возмутиться. Так в мире волшебства разгорелась война.

— И что дальше?

Стоило ему начать рассказ, я перестала бить колбы. Заслушалась его повестью. Неужели мир волшебства до такой степени похож на мой? Война, зависть, убийства... Перед моим внимающим взором вставали невеселые картины.

— Вспыхнула настоящая бойня. Чародеев всегда было легко опознать: волшебная сила делает их бесцветными. К тому же их было немного, не больше тысячи. У них овладение мастерством волшебства отнимает много времени, тогда как колдун осваивает руны и снадобья за считанные годы. — Он обводит жестом колбы с этикетками вокруг нас. — Выводить буквы и делать смеси может любой слабоумный.

— Погодите, что-то я не пойму... Чародеи чем-то превосходят колдунов?

Он опять озирается на ворона.

— Чародеи состоят из волшебства. Их пронизывает волшебная сила, они могут делать с ней все что угодно. Им не нужны никакие волшебные предметы, никакие снадобья.

— А колдуны, выходит — обычные люди?

— Совершенно верно.

— Как же завершилась эта война?

Элифас отодвигает веником кучу стекла и с сосредоточенным видом продолжает:

— Плохо, как все войны. Чародеи полностью исчезли. Выжившие затаились. Новыми хозяевами стали колдуны.

Новые хозяева! Как это название подходит Эликсу и Гразиэлю! Эти напущенные, своевольные рабовладельцы зловредны и опасны, их боятся даже братья догроны.

— Неужели все колдуны такие, как Эликс и Гразиэль?

— Нет, бывают и добрые колдуны. Но они превратили свое искусство в товар, стали продавать свое могущество тем, кто больше заплатит, то есть сильным мира сего.

— Только что вы говорили, что школы волшебства были общедоступными.

— Да — для тех, кто мог оплатить обучение.

— Это все меняет...

Мне грустно. Какая ужасная судьба! Непонятно, как выжил в этой войне Жоло. А что случилось с моими родителями? Что происходило со мной?

— Элифас?

— Что, милое дитя?

— Чародей — это аномалия или наследственное качество?

— Хотите знать, в каждой ли семье рождается по чародею?

Я утвердительно киваю.

— Насколько я знаю, это семейная особенность.

— Если так, то...

Ведь если Жоло мой брат, то я тоже чародейка! Где здесь логика? Зачем мне было в таком случае встречаться с колдуном? И почему я не стала бесцветной, как положено чародеям? Бессмыслица какая-то!

Мне не терпится вернуть свои воспоминания.

— Посторонитесь-ка! — велю я Элифасу.

— Что вы затеяли?.. — спрашивает он, но под моим суровым взглядом не смеет продолжить.

Нельзя больше терять времени. Я отбираю у него веник и разом смахиваю на пол целую полку колб.

КЛОТЕР... ОРЕЛИ... КАТРИН... ГВЕН... МОХАМЕД...
ТИМОТИ... ЖОРЖ... ГЮСТАВ... МАРИЯ... ЭВЕЛИН...
ЛЕА... АННА... ЖОССЛИН... ЭЛЕН... ДЖУЗЕППЕ... ГИЙ-
ОМ... МАЭВА... АНТУАН... ЖАМЕЛЬ...

Колбы гроздьями сыплются на пол вокруг моего табурета и разлетаются снопами осколков. Достается

моим босым ногам, но тут уж ничего не поделаешь. Ради возвращения памяти можно и пострадать.

РАБАБ... ОГЮСТ... РИАД... ДЕНИС... АДРИА...
ТОМ... ЛЮКА... РОБИН... ИВИ... АЛИЭТТ... РАЙЕН... РА-
ФАЭЛЬ... ЭЛИЗА... ЖОЭЛЬ... ДОМИНИК... ХАДЖАЖ...
ЖАК... МИРИАМ... КОРРАН... РОЗЕМОНД... БЕРТА...
АХИЛЛ... ТАНКРЕД... ВАЛЕНТИН... ФЛОРАН... НИЛЬС...
МАРТИН... ЖАН... ТАХАР...

КАМИЙ...

Я уже смахнула с полок три четверти колб, как вдруг меня охватило оцепенение, я пошатнулась. Дело кончилось бы падением головой в кучу осколков, если бы меня не подхватила белая тень.

Прихожу в себя на полу, по другую сторону от стола. Надо мной стоит Жоло. Он бос, все ноги в порезах, в вонзившихся в кожу осколках стекла, в струйках крови — она светлая, розовая. К нам подходит Элифас. У него ошеломленный вид, как будто он стал свидетелем волшебства.

— Жоло, ты весь изранился... — успеваю я пробормотать.

И тут ко мне возвращается память. Такое впечатление, что все разом встало на свои места. Я вспомнила папу. Вспомнила маму. Вспомнила дом, вернее, несколько домов, потому что мы постоянно переезжали с места на место. Вспомнила любимую игрушку по имени Жижи — плюшевого жирафа. Вспомнила первый день в колледже и невыносимо тяжелый ранец за спиной. Вспомнила, как свалилась с велосипеда и так рассекла о камень бровь, что пришлось накладывать швы. Вспомнила сразу все города, куда мы переезжали. Вспомнила, как однажды потерялась в супермаркете и как

охранник, принявший меня за мальчика, звал по громкоговорителю мою маму. Вспомнила даже вечер накануне бегства.

Но никакого Жоло я не помню.

В моем прошлом он не оставил следа.

Ни одного.

Жоло не существует.

— Лгун! — зло бросаю я. — Жалкий врунишка!

Жоло роняет голову на грудь, густые, как оперение, волосы закрывают его белое лицо. Я встаю и отхожу, не отводя от него взгляд. Он не двигается. Его можно принять за восковую фигуру. Руки безвольно висят как сломанные крылья.

— Как ты мог так поступить? — я не успокоюсь. — Ты мне не родня, я тебя не помню. Вообще не помню!

Длительное молчание. Теперь статуям уподобились мы оба. Время остановилось, губы Жоло не шевелятся. Что он теперь скажет? Неужели ничего? Как бы он опять не обернулся вороном, чтобы избежать объяснений... Но этого не происходит. Наконец, он поднимает голову и печально смотрит на меня.

— Я тебе не соврал. Ни чуточки. Я действительно твой брат Жоло.

— Как зовут наших родителей? — Мой вопрос резок, как удар кнута.

— Ты имеешь в виду удочерившую тебя пару? Кажется, Жак и Катрин. Только они тебе не родные.

Я немею от изумления. Что еще за история? Мои родители на самом деле мне не родители?

Боясь не устоять на задрожавших ногах, опускаюсь на низкую скамеечку рядом с ванной. Потом бреду мимо Элифаса, немого свидетеля нашей стычки, падаю

на диван, поджимаю к подбородку колени и обнимаю их руками. Я разглядываю того, кто называет себя моим братом, не зная, кому могу теперь довериться. Пока что Жоло меня не обманывал, зачем ему начинать врать? Я совершенно растеряна. Чувствую себя хуже, чем в тот день, когда у меня отшибло память. Этот чужак утверждает, что я приемная!

Элифас озадаченно покашливает.

— Я, пожалуй, пойду... Лучше я вас оставлю. Приду потом.

Он торопится на лестницу, окинув нас изумленным взглядом. Я одновременно рада и смущена тем, что теперь мы одни. Жоло не поднимает глаз, оставаясь в позе раненой птицы. Молчание становится почти осязаемым, густым и липким, как карамель.

— Фрида, — доносится до меня его голос.

— Что?

— Фрида. Вот твое настоящее имя. Камий — выдумка, так же как Жак и Катрин.

— Ничего не понимаю...

Жоло набирается наконец храбрости и подходит. Он похож на мальчишку, попавшего во взрослую компанию. Куда подевался всемогущий уверенный в себе чародей?

— Хочешь, чтобы я все рассказал?

— Пожалуйста!

Он садится рядом, стараясь не касаться меня и даже не смотреть в мою сторону. Уткнулся взглядом в свои изрезанные осколками ноги. Наклонившись, он принимается молча вытаскивать стекла одно за другим. Не похоже, чтобы ему было больно. От этого смотреть на его порезы не становится менее страшно, да еще эта

розовая кровь... Когда все осколки извлечены, Жоло тяжело вздыхает. Я жду, что теперь он заговорит, — но напрасно. Глазам не верю: его раны зарубцовываются в считанные секунды. Второй, третий вдох — и от них не остается следа. Только после четвертого вдоха начинается неторопливый рассказ.

— Наши с тобой настоящие родители — чародеи. Их родители тоже были чародеями. Мы — потомки древнего рода. Когда мне было семь лет, колдуны и чародеи сцепились. Сначала я по малолетству не понимал, что происходит, да и не слишком этим интересовался. Это были проблемы взрослых. Некоторые наши родные и знакомые исчезали: дядя, кузина, много кто еще. Расследование выявило виновных — наиболее радикальных колдунов. Они завидовали нам, нашему виртуозному и бескорыстному обращению с волшебством. Им хотелось извлечь из него доход, превратить в товар. Из нас они стремились сделать лабораторных крыс, чтобы понять механизмы волшебства. Началась открытая война, и у наших родителей не осталось другого выхода, кроме самозащиты.

Жоло делает паузу, закрывает глаза, медленно ерошит себе волосы, еще раз вздыхает. Сейчас я вижу его вблизи и понимаю, почему его волосы казались мне такими густыми. Это настоящие перья — длинные, белые, очень тонкие. Он возобновляет свой рассказ, по-прежнему не глядя на меня. Его взгляд обращен в мир, видимый только ему, он вспоминает времена, когда меня еще не существовало.

— Потом Ма забеременела. Ма и Бап — обращения к родителям у чародеев. Бап отнесся к этой беременности как к напоминанию о том, что на самом деле

важно: жизнь и любовь. Мне тогда было десять лет. Мы уехали подальше от мест, где происходили столкновения. Но это не помогло. Алчные колдуны соткали сеть, из которой трудно было выпутаться. За наши головы назначили вознаграждение, людей подстрекали за деньги сообщать гильдии колдунов о наших перемещениях. Остаться где-либо подолгу стало невозможно. Кажется, я все детство только и делал, что убегал. И вот родилась ты — такая малышка! Признаться, я проявлял к тебе мало интереса. Ты только спала и ела, часто кукусила, приходилось все время менять тебе пеленки. Но родители были в восторге, на седьмом небе.

Вспоминая времена, не оставившие следа в моей памяти, Жоло не может не улыбаться. Мое рождение, родители, Ма и Бап... Все это так неожиданно, словно речь идет о ком-то другом. Неужели все, что я знаю о своей жизни, — неправда?

— Через несколько недель после твоего рождения на нас напали. Была ночь, все произошло очень быстро. Отряд наемников с командиром-колдуном поджег наш дом — лесную хижину. Они поджидали, когда мы выйдем. Их было очень много. Ма сунула тебя мне и велела добраться до Бхаи Ави, нашего дяди, брата Бапа. Она сказала, что они с Бапом придут, когда прогонят нападавших. За камином была дыра, аварийный выход специально на случай атаки. Я полез туда и оказался под хижинкой. Раздался взрыв, со всех сторон доносились крики. Я выбрался наружу позади дома и понял, что родители отвлекли врага, чтобы я успел убежать. Я хотел броситься им на помощь, но ты заплакала, и я испугался, что все усилия Ма и Бапа пойдут насмарку.

Я решил спастись. Остаток ночи и почти весь следующий день я бежал через лес. Наконец, мои ноги подкосились от усталости. Я заполз под куст и стал делать упражнение «оржа», оно возвращает энергию. После этого я побежал дальше. Не знаю, сколько времени это длилось — два, три дня? Я даже думать не мог. Рвался все дальше, шаг за шагом, пока окончательно не выдохался. Сделаю «оржа» — и опять бегу. Ты все это время почти не плакала, как будто понимала серьезность положения. Я кормил тебя жеваными листьями и мыл речной водой.

Так мы добрались до места. Ави жил в потайной деревне чародеев, защищенной частоколами и тщательно охраняемой. Часовые проводили нас к дяде. Я все ему рассказал, и он отправил Бапу и Ма подмогу. Дальше... Дальше все в тумане. Помню, что было очень страшно. Страшно, что помощь опоздает, страшно, что отряд вернется с дурными вестями. Страх не отпускал меня даже во сне: меня постоянно мучали кошмары.

И вот ужасные сны стали реальностью. Друзья Ави принесли безрадостные вести. От хижины, служившей нам домом, остались дымящиеся развалины. Вокруг валялись мертвые наемники. Уходя из леса, отряд наткнулся на свежую могилу с именем нашей матери на табличке.

Жоло прерывает рассказ, чтобы дать мне время примириться с услышанным. За двадцать минут я лишилась двух матерей. Первая, которую я называла мамой, оказалась неродной, вторая, Ма, погибла в чужой для меня войне. Я не тороплю брата. Что сказать? Как реагировать на такой ужас?

Жоло монотонно продолжает:

— Бап как сквозь землю провалился. Только через неделю он объявился в деревне Ави. Оказывается, он без устали гнался за колдуном-главарем и поквитался с ним за Ма — убил. Увы, вернувшийся человек больше не был нашим отцом. Разговоры о мире и любви остались в прошлом. Он хотел, чтобы колдуны заплатились за свои злодеяния, чтобы страшились чародеев, чтобы забились в норы и там дрожали за свою жизнь. Деревня повела настоящую войну.

Жоло вздыхает.

— Но у меня на руках была ты, беззащитная малышка. Бап любил тебя до самозабвения, но был так поглощен мстью, что не мог заниматься младенцем. Ты была его уязвимым местом, нельзя было допустить, чтобы колдуны тебя похитили. Ты была не одна такая.

Взрослые ломали головы, как быть. Они хотели защитить новое поколение, обеспечить выживание чародеев. Жнани, дряхлая мудрая жительница деревни, предложила переправить детей младше пяти лет в парный мир. — Жоло поднимает обе руки ладонями вверх, показывая два мира, о которых толкует. — Вот Земля, а вот Эфир. Земля бедна волшебством, Эфир им богат. Два мира всегда связаны. Их связь может быть естественной, как Переправы, или искусственной, как Рунический тоннель. Все на Эфире знают о существовании Земли, но не наоборот, потому что на Земле тайна остается достоянием избранных. Короче говоря, Жнани нашла семьи, пожелавшие усыновить детей чародеев. Мы с Бапом простились с тобой, и ты отправилась вместе с другими в мир без войн и насилия. У тебя было мало шансов на проявление

колдовских свойств, ведь тебе предстояло расти вдали от всякого волшебства.

— Что за свойства? — спрашиваю я.

— У нас очень бледная кожа, белые волосы, бесцветная радужная оболочка. Это отбеливающее действие волшебной силы. Нет волшебства — нет белых детей.

— Как нас собирались возвращать?

— Об этом не думали. Жнани предлагала дожждаться примирения, но оно так и не случилось. Она поддерживала связь с приемными родителями. Ты — единственная, кто постарался вернуться.

— Это вышло случайно. Меня пожирала тоска. Как будто я что-то потеряла и не могла понять что.

— Раньше ты жила счастливо?

Я задумываюсь. Что такое жить счастливо? Это зависит от того, как понимать счастье. Но ответить так будет жестокостью, зная, какое детство выпало ему самому. Война, гибель матери — нашей с ним матери, — рассеянная колдунами семья — наша с ним семья... Корю себя за неблагодарность.

— Да, у меня было счастливое детство. Мне всегда всего хватало. Я досыта ела, получала подарки на дни рождения, родители не жалели ласк. Просто мы все время переезжали с места на место...

— На земле куча колдунов. Знаю, что некоторые поклялись выслеживать детей чародеев, подброшенных Жнани. Что, если твои приемные родители именно поэтому...

— ...все время бежали? Да, именно так это и выглядело.

У меня давит в груди при мысли, что они пятнадцать лет были беглецами, потому что хотели защитить

меня. А ведь в этом состоял мой главный упрек! Отсюда навязчивые поучения, постоянная потребность переезжать с места на место, как будто их преследовали. Надо же быть такой эгоисткой!

Зажимаю ладонью рот, чтобы заглушить рыдание. Но со слезами мне не сладить, они обильно струятся по щекам. Люди жертвовали собой ради меня, безмозглой девчонки! А я взяла и пропала, ничего им не объяснив. То, чего они больше всего боялись, произошло по моему собственному желанию.

— Наверное, они сходят с ума от волнения! — вдруг доходит до меня.

Жоло опускает свою покрытую перьями голову.

— Между Землей и Эфиром возможен обмен вестями. Это они сообщили нам о твоём исчезновении. Потому-то я и связался с тобой, пока ты спала. В нужный момент мы переправим им счастливое известие.

Это обещание вселяет в меня бодрость. Слезы высыхают, и я вспоминаю, что он не завершил свой рассказ.

— Что произошло после моего удочерения?

— То, о чем говорил Элифас. Бои, большие потери с обеих сторон. Нас разбили, мы отступили в защищенную зону, в анклав чародеев.

— А сегодня?

— Сегодня все принадлежит колдунам. Мы считаемся париями. Нам запрещено появляться в городах. Люди воображают, что мы чудовища.

— Значит, я тоже отродье чудовищ. Хорошо еще, что это не видно.

— Ты сама ничего не замечаешь?

— Ты о чем?

— После перехода в наш мир ты изменилась. У тебя побелели волосы. Там, в зеленом оазисе, ты, сама об этом не подозревая, прибегала к магии. Ты инстинктивно лечила свою рану при помощи снадобий, предоставленных природой. Я очень горжусь тобой.

Его слова для меня — как удар током: я вскакиваю и бегу в ванную. Там при тусклом освещении вижу в своих коротких волосах белые пряди. Трогаю зеркало, боясь его проткнуть и дотянуться до того, другого лица. Но зеркало холодное и твердое, это непреодолимая преграда.

В нем я сама.

Итак, я — чародейка.

Весь рассказ Жоло — чистая правда.

У меня кружится голова. Я в страшной растерянности. Память вернулась, но я все равно не знаю, кто я. Кем я стану? Альбиносом, вроде Жоло? Желанной добычей для бесчисленных здешних колдунов? Мне предстоит так много узнать!

Я выползаю из ванной, вся дрожа. Потрясение высушило слезы. Привалившись к дверному косяку, смотрю на того, кто называет себя моим братом. Этот странный юноша с бесцветными глазами — моя родня. Возвращение невозможно.

— Ты ведь мне поможешь? — спрашиваю я в страхе. — Ты ведь меня не бросишь?

Жоло подходит и обнимает меня своими длинными руками. Я прижимаюсь к его груди, вдыхая запах свежей листвы. Мой брат, мой старший брат. Как странно!

— А твой... наш отец? — спрашиваю я, немного отстраняясь.

— Отец жив. Мы обязательно его увидим.

Жоло еще должен научить меня уйме вещей, но я прошу его сначала помочь мне разбить остальные колбы с именами. Не желаю больше говорить и слушать, мозги перегрелись от информации. Хочется действовать, думать буду потом.

ИОТАМ... МАРГАРИТА... ЛИЛИАН... КЕВИН... КЛЕМАН... МАТИАС... МАРК... ГЕРТРУДА... ДМИТРИЙ... КЕЛТУМ... БИЛАЛЬ... ЗАК... ТОШИРО... СЕРГЕЙ... ИБРАГИМ... ОМАР... БЕРНАДЕТТ... ЖОЗЕТТ... ВАЛЕРИ... ЭЛОИЗ... БАРАК... РИУШИ... ЭСТЕБАН... ДЕО... ПАУЛА... АНЖЕЛА... ИВАН...

Крики, вырывающиеся из разлетающихся сосудов, сливаются в отчаянный хор. Как я за всех них рада! Они никогда не узнают, что это я избавила их от Эликса и от беспамятства.

Мы заметаем осколки стекла в дальний угол, а потом я веду Жоло к двери в мастерскую колдуна.

— Можешь отпереть?

Он с улыбкой качает головой.

— Только при твоём участии.

— При чём тут я? Мне даже на ручку не нажать, руны мешают.

— Очень полезное упражнение. Тебе пора приступить к учебе. Это элементарно, умеют даже маленькие дети.

При мысли о превращении в настоящую чародейку меня охватывает паника. Одно дело — щеголять рунами на коже и пользоваться волшебным шкафом и совсем другое — пропускать волшебство через себя. Мне понятна разница между колдунами и чародеями: это два совершенно противоположенных мира. Я мотаю головой, в панике глядя на Жоло.

— Нет, я не готова. Страх-то какой!

Жоло хватает мою руку, прижимает к двери ладонь и накрывает ее своей.

— Я не требую, чтобы ты колдовала. Просто почувствуй, что происходит, когда этим занимаюсь я.

Я больше не сопротивляюсь, но все еще трушу, дрожу. Это все равно что отрастить вдруг третью руку и вынужденно сразу пустить ее в ход. Я совершенно беспомощна. Жоло наклоняется к моему уху и объясняет:

— Почувствуй древесину под своей ладонью, все прожилки и неровности. Раньше она была живым деревом. Наша цель — вернуть дереву прежнее естество, заставить снова бурлить сок. Закрой глаза, спокойно дыши, почувствуй, как возвращается жизнь.

Делаю глубокий вдох и сосредоточиваюсь на своей ладони. Древесина слегка вибрирует, чуть заметно покачивается. Это совершенно не похоже на то, как человеческое сердце качает кровь. Я улавливаю скорее сходство с еле слышным пением, с шепотом.

— Я слышу музыку, — докладываю я Жоло.

— Отлично! Сейчас я добавлю еще жизни. Это будет сродни ускорению смены времен года.

Медленная музыка под моей ладонью разрастается в симфонию. Это повесть о растущих по весне ветках, о бурлящем в стволах соке, становящемся липким от летней жары, о хвое, поющей на осеннем ветру, о схваченных изморозью шишках. Передо мной бывшая сосна, я хорошо это чувствую, мои легкие уже полны хвойным духом.

— Ну вот, — говорит Жоло. — Можешь открыть глаза.

Я убираю ладонь, наполнив сосновую дверь пахучим соком. Вся дверь щетинится побегами, она стала

шире и толще, сама дверь слетела с петель и каким-то чудом не падает.

— Толкни! — велит Жоло.

Слегка надавливаю на дверь, и она с грохотом рушится на пол.

— Невероятно!

Не нахожу других слов. Я не испытала боли, потребовавшаяся сила исходила от меня самой. Все прошло легко, даже нежно. Жоло берет меня за плечи.

— Понимаешь, почему страх ничего не дает? У нас чистое волшебство, это только диалог с природой.

— Было потрясающе! — Я рассматриваю свои ладони, словно впервые их вижу. — Не могла себе представить, что бывает такое волшебство.

— Идем! — зовет Жоло. — Поглядим, что припрятал Эликс.

Мастерская Эликса осталась такой же, какой я ее запомнила: темной и таинственной. Посреди тщательно убранного верстака висит пустой и холодный перегонный куб. На полках теснятся колдовские фолианты, поблескивают колбы и пробирки с мутными жидкостями. Оплетенные бутылки отправлены под стол, к пустым клеткам. У меня сжимается сердце при мысли о несчастных животных, с которыми я коротала время на барже. Как же давно это было!

Жоло со скептическим видом разглядывает содержимое полок.

— Что скажешь?

Он пожимает плечами.

— Классика! Здесь нет ничего опасного. Как я полагаю, Эликс был не слишком одаренным колдуном.

— Сафр назвал его собирателем магии. Но наносить рунические письмена он умел.

Жоло берет толстенную колдовскую книгу и быстро перелистывает страницы. Кожаный переплет скрипит под его пальцами, как будто фолиант недоволен, что его потревожили.

— Эликс называет себя колдуном, но на самом деле он всего-навсего купец с кое-какими познаниями в магии. Мотается между двумя мирами, покупает товар и сбывает тем, кто больше предложит. Уверен, трюмы этой лохани набиты не такими благородными грузами, как ингредиенты снадобий.

— Чем же тогда?

— Украшениями, столовыми сервизами, ширпотребом с той стороны, пользующимся спросом на дешёвом черном рынке. — Жоло ставит книгу на место и указывает на дверь в глубине мастерской. — Что там?

— Спальня Эликса. Ни разу туда не заглядывала.

— Так заглянем? — предлагает Жоло с хитрым видом.

Мы повторяем вдохновляющую манипуляцию с дверью, и я опять толкаю сползшую с петель ожившую деревянную доску. Входим в единственное на барже помещение, куда не ступала моя нога.

Можно подумать, что мы попали в сказку «Тысяча и одна ночь». При нашем появлении загораются разноцветные светильники по бокам от заваленной подушками кровати под алым балдахином. Пол покрыт толстым ковром, заглушающим наши шаги. Книжных полок

здесь нет, но книги есть: они сложены вдоль стен в стопки разной высоты. Трудно сказать, сколько их здесь — наверное, несколько сотен. Я пугаюсь какого-то движения, но это всего лишь мое отражение в дюжине зеркал разных размеров и форм, ими завешаны все стены.

С удивленным возгласом подхожу к высокому восточному зеркалу в витой деревянной раме.

— Этот Эликс — настоящий параноик или мегаломан!

— А вот и нет, — возражает Жоло, задержавшийся перед зеркалом в виде солнца. — Эти зеркала не простые, а рунические. Они позволяют открывать наружные окна и наблюдать за происходящим вокруг баржи на довольно большом расстоянии. Чтобы они заработали, нужно волшебное слово, но я его не знаю.

— Ты умеешь читать руны? — удивленно спрашиваю я и тут же понимаю, какой это глупый вопрос. Жоло весело смотрит на меня. — Конечно, умеешь, как же иначе!

— Это много раз спасало мне жизнь. Трудно выжить, не разбираясь в оружии неприятеля.

Мы продолжаем расхаживать по комнате Эликса. Отражаясь во множестве зеркал, она кажется просторнее, чем на самом деле. Здесь царит порядок и чистота.

За узорной черной ширмой я обнаруживаю еще одно зеркало, стыдливо закрытое красным чехлом.

Я сдергиваю чехол. Передо мной большое наклонное зеркало, в котором отражается вся комната.

В ней все так же. Все, да не все.

Ни Жоло, ни я в этом зеркале не отражаемся.

Зато мы видим женщину, сидящую в постели с книгой.

Брат подходит и тоже смотрит в зеркало на ножках.

— Хорошо хоть, что здесь нет усов большого дракона!

— Это зеркало особенное! Мы видим в нем точно такую же комнату, но находится она за тридевять земель отсюда. Я права?

— Нет. В зеркале отражается именно эта комната.

Женщина поднимает голову и смотрит в зеркало. Возможно, она уловила краем глаза движение. Вскочив, она таращит на нас с братом глаза и машет руками. Книга падает на стеганое одеяло, но ей не до нее. Она медленно выпрямляется, как будто боится, что мы исчезнем. Она очень красива. Длинные каштановые волосы струятся по спине, достигая поясницы, зеленый восточный халат, весь в сверкающих камешках, затянут на талии пояском. Тонкие черты лица, булабочка на крыле носа, пятнышко посередине лба, как у индианки. Принцесса?

Длинные пальцы, унизанные золотыми кольцами, тянутся к нам: женщина подходит к зеркалу. Ее губы шевелятся, женщина что-то говорит, но мы не слышим ни звука. Я прикасаюсь к холодному твердому стеклу. Сквозь него не проникнешь. Женщина по ту сторону умолкает и кладет руку на мою. Я ничего не чувствую, смотрю ей в глаза, мотаю головой. На ее зеленые глаза наворачиваются слезы, секунда — и они уже текут по нежным щекам. Она сжимает кулак и сердито ударяет им по стеклу — без малейшего результата.

— Она в плену! — вырывается у меня.

— Верно, — грустно подтверждает Жоло. — Она заперта внутри.

— Ты ведь знаешь, как ее освободить, Жоло?

Я отрываю взгляд от пленницы и с надеждой смотрю на брата. Он владеет рунами, ему подвластна магия. Перед ним ничто не устоит. Жоло поджимает губы.

— Первый раз такое вижу, — подавленно произносит он. — Правда, кое-что слышал... В одной детской сказке говорилось о колдуне, который заперся по ту сторону водяного зеркала, чтобы обрести бессмертие. Но это, конечно, выдумка для детей. Не думаю, что женщина оказалась там по собственной воле.

Я разглядываю рамку зеркала, всю в рунах.

— Рама деревянная, как двери. Что, если так же ее разрушить, не касаясь стекла?

— Тогда зеркало превратится в обыкновенное, и связь с потайной комнатой прервется.

— Догадываюсь, что предложение разбить зеркало ты тоже отвергнешь.

Жоло складывает руки на груди и в задумчивости опускает голову. Его юное лицо вмиг взрослеет лет на десять.

— Это ее, наверное, убьет. Или лишит надежды когда-нибудь освободиться. Нет, единственный выход — переписать руны, держащие ее взаперти.

— Ты так умеешь?

— Нет, этим я не занимаюсь, не умею расшифровывать руны. Но один мой друг может знать это заклинание.

Я подсакиваю к нему и хватаю за рукав.

— Скорее к нему!

Он с улыбкой берет меня за плечи, как старший брат, останавливающий торопливую сестру.

— Мне очень жаль эту молодую женщину, но сейчас у нас с тобой другие заботы. Нам предстоит

проникнуть в город, который сторожат колдуны, спрятать баржу так, чтобы ее не нашел Эликс, и подыскать убежище для себя. Сделаем все это, а потом позаботимся об освобождении пленницы из зеркала.

Я оглядываюсь на принцессу.

— Нельзя ее так оставлять!

Но Жоло уже перенес внимание на другое, отвернувшись от зеркала так, словно оно перестало существовать.

— Возможно, она томится там уже много лет. Лишняя неделя ничего не изменит. Останься с ней, если тебе так дорого ее общество. Меня ждут догроны и Элифас.

Мне становится тревожно. Не опасны ли для Жоло Маргуль и Сафр?

— Ты не боишься догронов?

— Они и так подозревали, что я существую. Надо, чтобы они мне доверяли, а не считали врагом.

— Если я тебе понадоблюсь, ты знаешь, где меня найти. Я буду пытаться освободить принцессу.

Мой брат поджигает губы и грустно опускает голову.

— Ты чиста сердцем, дорогая сестричка. Я сделаю все, чтобы твоя искренность оставалась при тебе как можно дольше.

Я провожаю его взглядом. Так молод — и так печален... Почему?

Я нужна женщине в зеркале.

Хватаю первую книгу, до которой могу дотянуться, и карандаш с ночного столика, подбегаю к зеркалу.

Открываю том на неведомом мне языке и пишу на титульной странице: «Не теряйте надежды, мы ищем выход». Остается показать раскрытую книгу узнице. Та непонимающе мотает головой.

— Вы не владеете моим языком? — спрашиваю я, зная, что ответа не будет.

Отходя от зеркала, вижу отражение своей фразы. Прочесть ее невозможно. Я кидаюсь все переписывать задом наперед, потом показываю женщине результат. Ее лицо проясняется, она радостно кивает и раскидывает руки, что означает ожидание. Я довольно задираю большой палец. Она принимается копаться в книгах и разбрасывать подушки. Пока она роется в своей комнате, я гадаю, как связаны два помещения. Казалось бы, любое перемещение предметов по одну сторону от зеркала должно сопровождаться тем же самым по другую. Однако устроенный узницей кавардак ничуть не отражается в комнате Эликса. Странно! Может быть, в сутках есть час, когда два отражения сходятся? Или особый день недели?

К счастью, принцесса кладет конец моим бесплодным мучениям. Она нашла то, что искала, и показывает мне. Это здоровенный фолиант в старом кожаном переплете. Название, выписанное причудливыми золотыми буквами, я, конечно, вижу задом наперед. Как же мне его расшифровать? Ответ, пришедший мне в голову, настолько прост, что мне стыдно, как это я раньше не догадалась. Улыбаясь собственной бестолковости, я хватаю маленькое зеркальце и держу его так, чтобы в нем отражалось отражение в зеркале. Теперь название можно прочесть: «Галдаброк. Учебник практической магии».

Я тут же бросаюсь искать «Галдаброк». Руки не знают покоя, а голова тем временем занята всем тем, что я услышала от Жоло. Мои родители на самом деле мне не родители, моя родная мать умерла, отец был ранен. Короче говоря, моя семья разрушена совершенно непонятной мне войной. Неужели все это правда?

Перебирая книги, я даже не смотрю на обложки. До меня быстро доходит, что это ничего не даст. У меня опускаются руки от мрачных мыслей. Всю жизнь я жила во лжи. Приемные родители скрывали от меня правду для моего же блага. Чем я так ценна, что люди губят ради меня свои жизни? Я же пустое место. Какой во мне интерес? Ни красоты, ни ума, колдовать и то не умею. Почему они всем пожертвовали ради меня? Вскидываю голову. Десятки зеркал отражают совершенно заурядную девочку. Лица возвращают мне мой взгляд. Странно, сколько копий меня самой смотрят на меня во все глаза.

Которая из них настоящая я?

Одна лишилась матери, другую удочерили, третья сбежала, четвертую поработили, на пятую нанесли магическую татуировку, шестая чуть не умерла в пустыне, седьмая...

Я — все они одновременно. Множество фрагментов в одной телесной оболочке. Я как разбитое зеркало. Но разбитое зеркало не может стать целым, сколько ни собирай осколки, полного отражения не выйдет. Неужели я на всю жизнь останусь грудой осколков? Моя личность восстановлена, но я не чувствую себя полноценной.

Неподвижно стою на коленях, увязая в ковре, взглядом упираюсь в зеркало, в руках сжимаю книгу

в потрепанном переплете. Если бы мне удалось заплакать, я выплакала бы всю свою грусть. Но солнце пустыни, похоже, выжгло мне глаза, оставив одну корку.

Внезапно из мастерской доносятся шаги. В двери появляется фигура. Это Элифас. Он лавирует между стопками просмотренных книг, не замечая моего состояния.

— Вы всюду устраиваете беспорядок, — острит он.

— В этом моя сила, — отвечаю я ему в тон.

— Сила?.. — Он в замешательстве останавливается.

— Я пошутила, — тороплюсь его успокоить.

Между нами явная культурная пропасть. Его изящная беспечность заставила меня забыть, что мы принадлежим к разным мирам. Я принимаюсь разъяснять:

— В моем мире... — Нет, здесь тоже придется уточнить. — В моем прежнем мире, на Земле, любят придумывать героев. Обычно они наделены сверхъестественными способностями: кто непобедимый силач, кто невидимка. В наших сказках волшебства непротиворечиво, но они очень далеки от действительности. Я, например, не обладаю никакой особенной силой.

— И сеять беспорядок не можете?

— Специально — нет, — отвечаю я с улыбкой.

— В моем мире тоже хватает разных историй. Но они часто вдохновлены реально существовавшими людьми.

— Хотелось бы послушать, когда выдастся время. Уверена, вы знаете много таких сказок.

— На то я и историк. Да, мне есть что рассказать. Попробую выбрать такую, которая вам понравится. — Он только сейчас вспоминает, зачем пожаловал. — Меня прислал Жоло. Вы нашли что-то любопытное?

— Не уверена, что это подходящее слово.

Элифас подходит к наклонному зеркалу на ножках. Женщина по другую сторону машет ему рукой. Он отвешивает церемонный поклон, она заливается краской.

— Это зеркало заточения, — сообщает он ученым тоном. — «Зеркало неподвижного времени», если перевести название этого колдовства с языка рун. Оно запирает человека в некоем мгновении. Он не старится, ему не нужно есть. Он — узник до скончания времен или пока его не освободят.

— Какой ужас! Судя по всему, Эликс люто ее ненавидит, раз подверг такому заточению.

— Или пылко любит, — возражает Элифас, кладя ладонь на холодную поверхность зеркала.

— Не понимаю, что это за любовь.

— И, надеюсь, никогда не поймете, — сухо отвечает Элифас. — Вам повезло, вы не ведаете чувств этих ненормальных взрослых.

Он достает из кармана куртки очки в золотой оправе, водружает их себе на нос и принимается тщательно, с видом знатока разглядывать раму зеркала. На это уходит минут пять. Кому, как не археологу, уметь определять ценность таких вещей!

— Судя по состоянию рамы и ножек, — произносит он, убирая очки, — этому зеркалу лет двести-триста.

— Эта женщина томится там уже не одно столетие?! — восклицаю я, удивляясь про себя, как принцесса смогла сохранить рассудок.

— Этого я не знаю. — Прежде чем продолжить, он откашливается и собирает лоб в морщины. — Но вы правы в другом: узнав про нее, мы не должны оставлять ее взаперти. Как я могу вам помочь?

Я скороговоркой объясняю, какую книгу ищу. Уповаю на его оптимизм, потому что от пессимизма Жоло мне мало проку.

— Вы заглядывали под кровать? — Он нагибается и откидывает край стеганого одеяла.

Под кроватью целый склад книг, там их сотни. А я-то думала, что изрядно продвинулась! В отчаянии я плюхаюсь на пол, понимая, сколько еще предстоит трудиться.

Впрочем, вдвоем работается гораздо быстрее. В конце концов мы выуживаем «Галдаброк» из-под груды фолиантов по алхимии. Вооруженная находкой, я бросаюсь к зеркалу. Узница благодарно улыбается и листает свой экземпляр, пока не добирается до нужной главы, я переворачиваю страницы одновременно с ней. Оказывается, номер главы — 26, название — «Дымы и зеркала».

Я кладу раскрытый том на кровать и при помощи Элифаса быстро просматриваю параграфы. Руны, заколдовывающие браслет для превращения тела в дым, руны для превращения недруга в облако (рекомендуется использовать в ветреные дни), руны для решения проблемы дымящей печи и еще много всякой всячины. Можно подумать, что все на свете беды и пороки можно устранить письменами на дереве, металле или камне. Волнующая, но при этом пугающая перспектива!

В конце концов мы добираемся до зеркал. И снова нескончаемое перечисление. Зеркала для определения несравненной красавицы, зеркало — окно наружу, уродующее, приукрашивающее, старящее, омолаживающее, улавливающее сны, помогающее увидеть прошлое,

отражающее спину, когда стоишь к нему лицом, зеркало-будильник, зеркало-тюрьма, зеркало неподвижного времени... Вот оно! Заковыристая формула включает кровь и слезы того, кого предполагается пленить. В остальных перечисленных ингредиентах я ничего не смыслю. Да нам и не нужно забираться в такие дебри. Наша задача — снять заклятие.

Отгадка содержится в заключительном абзаце: «Чтобы отменить заклятие и освободить узника, достаточно зачеркнуть заключительную руну серебряным ножом».

— Только и всего! — ликую я. — Не думала, что это будет так просто.

Элифас торжествующе улыбается.

— Пускай решение и нехитрое, но попробуй что-нибудь предпринять, не зная его! — изрекает он в профессорской манере.

Я бросаюсь в мастерскую Эликса, но голос Элифаса заставляет меня оглянуться.

— Куда это вы?

— За серебряным ножом! — нетерпеливо отвечаю я. — Наверняка там такой найдется!

— Можете не утруждаться, — говорит Элифас с самодовольной ухмылкой.

Нагнувшись, он закатывает свою правую штанину. За голенищем его сапога припасен узкий кинжал в белых деревянных ножнах.

— Такие штучки всегда при мне. Полезнейшее средство против колдовства. — Он протягивает мне кинжал рукояткой вперед. — Предоставляю вам честь освободить принцессу — узницу зеркала!

— Прямо как в сказке!

С этими словами я хватаю отполированную временем рукоять.

— Теперь вам понятно, почему я сказал, что истории вдохновляются реальностью?

Я вожу пальцем по рунам на раме зеркала и оставлю на завершающих. «Получай, Эликс!» Я с размаху вонзаю кинжал в деревянную раму.

Оглушающий взрыв, порыв ветра отшвыривает меня к кровати. И тут же восстанавливается поколебленное было спокойствие. Тишину нарушают только рыдания. Женщина, находившаяся раньше за зеркалом, оказалась по другую, нашу сторону.

Мы с Элифасом выпрямляемся, женщина старается прийти в себя, для чего глубоко дышит.

— Я... я...

Она запинаясь, ищет слова, ерошит и без того растрепанные волосы. Наконец, она кидается в объятия Элифаса, и тот краснеет до корней волос.

Выразив таким способом ему благодарность, она бросается ко мне, падает на колени и обнимает сильно, словно несколько веков не дотрагивалась до людей. Я вдруг понимаю, что так оно, должно быть, и есть. Ее волосы пахнут пряностями и цветками апельсина. Я тоже растрогана: прижимаюсь подбородком к ее шее, крепко ее обнимаю. Она не торопится меня отпустить, не убирает рук с моих плеч.

— Как я вам благодарна! До чего прекрасно прижимать к себе другого человека! Как же долго длилась моя неволя!

— Сколько? — спрашивает Элифас.

— Ваш голос! О!.. Простите, наверное, я кажусь вам безумной, но я не слышала человеческого голоса уже...

— Сколько времени? — не терпится узнать Элифасу.

Она спрашивает у него нынешнюю дату, он отвечает. Для меня эта информация ничего не значит: китайская грамота, что-то вроде месяца Феникса в год императорской лошади. Принцесса в ужасе расширяет глаза.

— Сто тридцать шесть лет... — бормочет она, считая на тонких золотистых пальцах. — Все, кого я знаю, давно мертвы.

— Так вы не жена Эликса? — спрашиваю я, не понимая, почему ее заперли.

— Его жена? Вы всерьез считаете, что я могла бы выйти за этого самовлюбленного червяка, этого подлого скорпиона, это жалкое змеиное отродье?

Мне остается довольствоваться этим ответом.

Узницу внезапно посещает какая-то мысль, от которой у нее расширяются зрачки. Она забирается на кровать и стоя разглядывает стену над изголовьем. Предмет ее интереса — квадратное зеркало с деревянными ставнями, которые она тянет на себя. Зеркало поворачивается на вделанных в раму петлях. За ним, оказывается, спрятана ниша. Женщина запускает туда руку и вынимает деревянный ларец не больше шкатулки для украшений. Опустившись на кровать, она не спускает глаз со своей находки.

— Что это? — спрашиваю я, подходя ближе.

Она достает из шкатулки тонкую цепочку с огромным красным камнем, в полутьме отбрасывающим на ее лицо кровавые отблески.

— Похоже на камень Сализарины, — нарушает молчание Элифас.

— Правильно, — подтверждает недавняя узница. — Он покрыт тысячами крохотных рун. Их выгравировала

каста Важры, это колдуны — мастера огранки и росписи волшебных камней.

— И зачем он нужен? — спрашиваю я, щурясь, чтобы разглядеть миниатюрные руны.

— Он называется «Сошеки Футетсу», «Камень бессмертия». Он обращает вспять течение жизни своего владельца. Благодаря ему Эликс не стареет. Для этого ему достаточно надевать и носить камень несколько часов в неделю.

— Такие камни существуют?

— Я слышу этот вопрос из уст чародейки? — удивляется она.

Я вздрагиваю от неожиданности.

— Но... но как?

— Дитя мое, — отвечает она, кладя камень обратно в шкатулку и ласково глядя меня по голове, — я видела сопровождавшего тебя белого человека. Ваше сходство так велико, что я поняла, он твой брат.

— А вы? Кто вы? — спрашиваю я, разрываясь между гордостью своим сходством с Жоло и страхом, что меня так легко опознали.

Так вот что такое быть чародейкой? Быть узнаваемой, не иметь возможности спрятаться? Всюду подвергаться опасности? Мне не нравится чувство хрупкости, которое я испытываю в этот момент. Мне хочется чувствовать себя сильной, а не слабовольной девочкой, не владеющей волшебством, то есть не собой нынешней. Женщина захлопывает шкатулку и со вздохом произносит:

— Прошу меня извинить. Я даже не представилась. Отвыкла от общения. Меня зовут Ваишали, я колдунья.

Кровь застывает в жилах. Я бросаю тревожный взгляд на Элифаса, встаю и отхожу от женщины.

— Не забывайте, что война разразилась совсем недавно, — шепчет мне Элифас.

Я облегченно перевожу дух. Он прав. Ваишали не знает о войне, она ведь сидела взаперти. Ей невдомек, что колдуны и чародеи стали заклятыми врагами.

— Война? — переспрашивает женщина, услышавшая шепот Элифаса.

— Война позади, — успокаивает ее Элифас. — Вы пропустили целый век истории. Если хотите, я могу восполнить этот провал в ваших познаниях.

— Доставьте мне это удовольствие! — радостно просит Ваишали, вскидывая голову. — Только не здесь, прошу вас! Это ужасное место мне отвратительно. Выйдем на свежий воздух.

— Прекрасная мысль! — подхватываю я, тоже торопясь покинуть логово колдуна.

Мы выходим под безжалостное солнце пустыни. Жоло, Сафр и Маргуль сидят на палубе и о чем-то негромко беседуют. Судя по их виду, они отлично поладили. При появлении Ваишали вся троица удивленно разевает рты. Сафр, узнавший ее, встает, Маргуль не может вымолвить ни слова.

Жоло, как подобает воспитанному чародею, предлагает гостье удобное место — перевернутый ящик. Она опускается на него, как на мягкий королевский трон, с ее уст не сходит блаженная улыбка. Она все время смотрит на небо, с наслаждением нюхает горячий воздух, ее глаза, несмотря на слепящее мерцание Красной пустыни, широко распахнуты.

— Вижу, моя сестра нашла способ вас освободить. Она удивительно настойчива.

— Я никогда не перестану ее благодарить, — отвечает Ваишали.

Она пристально смотрит своими черными глазами мне в глаза, давая понять, что не шутит.

Все церемонно представляются, Ваишали тоже. Услышав, что она принадлежит к колдунам, Жоло морщится и смотрит на меня. Не совершила ли я ошибку, прервав ее плен?

Все мы изучаем друг друга. В таком составе мы впервые встречаемся на палубе. Странные узоры выписывает порой жизнь!

— Ну, что ж... — несколько торопливо нарушаю я молчание. — Что дальше?

Мое нетерпение вызывает у Маргуля приступ смеха.

— Мы проникнем в город, — начинает Жоло. — Как утверждают Сафр и Маргуль, стража привыкла, что мимо проплывает баржа Эликса, и ничего у них не требует, кроме обычного транзитного тарифа. Мы спустимся в трюм и дождемся, пока догроны переведут судно в канал, по которому мало кто ходит.

Слово берет Элифас, прислонившийся к рулевой рубке и сложивший на груди руки. Меня поражает его способность сохранять элегантность при любых испытаниях.

— Я знаком с людьми, которые были бы не прочь приобрести по приемлемой цене судно вместе с грузом.

— Черный рынок? — спрашивает насуспенный Сафр.

Элифас утвердительно кивает. Догрон недовольно качает головой.

— Нага. Хозяин здесь свой человек. Покупателей не найдется. Нас без колебания выдадут. Слишком опасно.

— Тогда баржу можно будет спрятать в принадлежащем мне ангаре близ доков, под предлогом поломки двигателя. Я обращусь к людям, не задающим вопросов.

Жоло кивает, объяснения Элифаса его как будто убедили. Но, на мой взгляд, они легковесные. В конце концов, мы мало знакомы с этим замудренным модником. Знаю, что он путешествует, что-то заносит в блокнот, что он обходителен и, главное, дьявольски умен. Маловато, чтобы ему довериться. Он не жалуется колдунов (это ему в плюс) и любит выпускать на волю пленниц (еще один плюс). Но довериться?.. Разрываясь между благоприятным впечатлением и страхом предательства, даю себе слово не спускать с него глаз.

— Что потом? — спрашивает Маргуль.

— Потом мы отправимся ко мне, — предлагает Элифас. — Доедем на колеснице от доков прямо до моего дома, чтобы остаться невидимыми.

Моя окрепшая было решимость дает трещину. Колесница — это, конечно, автомобиль.

— Как же так? — Я гневно тычу в него пальцем. — Кто вы такой? Я принимала вас за путешественника. Откуда у вас ангар, дом и эта ваша колесница?

— Я говорил вам только правду. Я простой землепроходец.

— Хватит, Элифас, — весело произносит Жоло. — Пришло время представиться. Сам видишь, она не знает, кто ты. Вспомни, она не из нашего мира.

Модник выпрямляется, отвечает мне поклон и церемонно провозглашает:

— Прошу любить и жаловать: Элифас Финеас, семья Галлор.

Я не знаю, как это понимать, зато Ваишали восклицает:

— О, ваша семья владеет копиями Эредиаст в Пустыне Ветров. То есть владела сто с лишним лет назад...

— Это по-прежнему так. Я обязан семье своим состоянием. Помимо прочего, она — главный оператор экспорта-импорта города и в связи с этим командует в доках.

— Раз пошла речь о Галлорах, значит, город называется Йолин-Анх, а находится он в Красной пустыне, — делает вывод Ваишали.

Даже пробыв сто тридцать шесть лет пленницей волшебного зеркала, эта колдунья осведомлена лучше меня. Снова чувствую себя чужой. Только что мы были тесным кружком, и вот я вылетаю из него, как пробка.

Жоло улавливает мое огорчение.

— Компания «Галлор» принадлежит одноименному семейству, одному из богатейших в Йолин-Анхе. Она создала себе репутацию качеством магических камней, которые продает колдунам. Ей принадлежат шахты на западе континента.

— Шахты Ребиас... — пытаюсь вспомнить я.

— Эредиаст, — поправляет меня он. — Там добывают драгоценные магические камни.

— Значит, вы богаты? — обращаюсь я к Элифасу, снова принявшему небрежную позу. — Зачем же вы прикидывались вором?

Модник улыбается.

— Так назвал меня Гразиэль. Сам я никогда не говорил, что живу воровством. Предпочитаю именоваться

исследователем. Каюсь, порой я присваиваю сведения и имущество — из интереса к истории этого континента.

— Но ведь вы богач? — не отстаю я.

— Да, — сознается он наконец. — Я один из наследников мужского пола семейного состояния Галлоров. В моей собственности шахты, флотилии, караваны, дома в разных городах континента. Да, я богат. Но для меня дело не в деньгах. Деньги — пыль.

— Если я правильно понимаю, вы зарабатываете добычей и продажей драгоценных камней. Выходит, вы — союзник колдунов?

Он морщится и смотрит на меня с неприязнью. Его глянцевая оболочка дала трещину.

— С колдунами ведет дела моя семья, а не я. Я — Элифас, землепроходец, исследователь и историк!

— А еще, когда вам это нужно, вы богаты, — добавляю я, дразня его.

— Вот пиявка! — восклицает модник, вздевая руки к небу.

Конец нашим препирательствам кладет смех Ваишали — хрустальный, настолько искренний, что никто из присутствующих не удерживается от улыбки. Сафр и тот прыскает.

— Прощу прощения! — Она утирает слезы веселья. — Я так счастлива быть с вами! Слышать ваши голоса, чувствовать то же, что чувствуете вы. Клянусь всеми ветрами пустыни, это прекрасно!

Мы разделяемся на три группы. Элифас должен раскрыть Ваишали глаза на минувшие сто лет истории, Маргуль и Сафр готовят ужин на палубе. Я остаюсь при Жоло.

Солнце вот-вот зайдет, наступает вечерняя прохлада, которой хочется воспользоваться, не уходя есть в трюм.

Жоло ведет меня на нос баржи.

— Что ты задумал?

— Не догадываешься? Мы будем обсуждать волшебство.

— Ты научишь меня самозащите?

Брат смотрит на меня удивленно.

— Зачем? Ты чувствуешь опасность?

— Скорее растерянность, — сознаюсь я, сама удивляясь своей откровенности. — Меня печалит прошлое и страшит будущее. Я распадаюсь на куски, это трудно выносить. — Тяжело вздыхаю, Жоло молчит, чувствуя, что я не закончила. — Ты говоришь, что я чародейка, но я ничего не смыслю в колдовстве. Идет война, и мне страшно оказаться мишенью, а еще я боюсь, что от меня ждут чего-то невозможного. Вы все несравненно сильнее меня. Вам этот мир знаком, а я всего лишь пытаюсь хоть что-то в нем понять.

— Не бойся, сестренка! — Он заботливо ерошит мне волосы. — Я научу тебя всему, что знаю, только на это понадобится время.

— А Бап?.. Я смогу его увидеть?

— Он живет у Бхаи Ави. Мы туда и направляемся.

— Как насчет моих земных родителей? Откуда им было знать, что у меня не разовьются колдовские способности? Ты рассказывал о бедной, зато щедро наделенной волшебством планете...

— Есть смеси растений, ставящие заслон магии. Их следовало давать детям...

— Пищевые добавки! Ну конечно! Я всю жизнь их ела, не зная зачем. Мама говорила, что у меня

авитаминоз. Каждый вечер я глотала зеленую желатиновую капсулу.

221

Мне нравился этот момент перед сном, когда мама садилась на край моей кровати. Она давала мне эту «капсулу здоровья» и целовала в лоб. Таков был наш ритуал под журчание ее ласкового голоса, пропитанный ванильным запахом ее духов.

От этого воспоминания у меня сжимается сердце. Чувство вины становится еще сильнее.

— Если бы не моя родословная, ничего бы не произошло.

— Рано или поздно произошло бы. Инстинкт дал бы о себе знать. Возможно, ты почувствовала, что им тяжело владеть груз лжи, возможно, рвалась наружу твоя колдовская натура. Лучше уж так. Время тайн позади. Скоро они узнают о нашей встрече.

Я сажусь неподалеку от оставшихся на палубе мешков с костями, накрытых брезентом. Большую часть груза Эликс сбыв Гразиэлю.

— Ты знаешь, что здесь лежит?

Жоло утвердительно кивает.

— Сафр говорил мне, что эти кости нужны для колдовства. Это правда?

— В черной магии используется много органики. Кости расходятся на ура.

— Эликс купил их у людоеда. У людоеда, жителя нашего мира... То есть парного мира, — поправляюсь я, вспомнив, что сама я родом из Эфира.

— Одно время Земля исполняла роль каторги. Это было удобно: так избавлялись от преступников, отправляя их на другую сторону. Надо было только стеречь Переходы, чтобы они не бежали назад.

— Что?! Это же ужасно! Вы отправляли опасных безумцев в мир, где нет волшебства?

— О, там имелись другие способы защиты. Как ты заметила, здесь технология осталась в зачаточном состоянии, потому что магия глушит волны и источники электроэнергии. На той стороне все по-другому.

— Выходит, наука и магия плохо согласуются?

Моим размышлениям мешает карканье. Большой белый ворон замедляет свой полет и садится брату на плечо.

— Наконец-то! — приветствует его Жоло.

Птица трется головой о его висок, как будто ласкается.

— Фрида, познакомься с Карасу, моим оори.

— Твоим?..

— «Оори» на нашем языке значит «животное-друг». Можешь считать его моим партнером. Мы познакомились давным-давно и с тех пор неразлучны.

— В каком смысле?

Волосы Жоло трудно отличить от оперенья вороны. С кормы доносится какой-то звук, человек и ворон дружно оглядываются. Волнующее зрелище!

— Даже не знаю, как это объяснить... Скажем так: Карасу думает как человек, я тоже, как видишь, кое в чем на него похож.

— Ты стал человеком-вороном, а Карасу — ворон-человеком?

Жоло подтверждает мою догадку, радуясь моей смышленности.

Пока мы беседуем, Маргуль приносит складной столик и еду. Видно, что он рад устроить пикник.

— Это нормально? У любого в Эфире есть оори?
Пока что я их не видела...

— Нет, не у любого, только у чародеев, — отвечает Жоло.

Вот оно что!

Значит, рано или поздно что-то в этом роде заведется и у меня.

Оори...

Жоло смотрит на меня сияющими глазами. Он заранее знает, каким будет мой следующий вопрос.

Мне трудно сдержать раздражение.

Так уж обязательно играть в вопросы-ответы? Может, существует учебник для начинающих чародеев? Я устала ощупью двигаться от открытия к открытию.

— У наших родителей тоже были вороны-оори?

Меня занимает вопрос, появится ли у меня ворон — спутник всей жизни? Не сказать, чтобы я не любила птиц, но и их страстной любительницей себя не назову. Жоло весело мотает головой.

— Нет, это не семейное. Каждый чародей неповторим. Например, у Ма в роли оори была сова.

— Что-то я не пойму... Тот, прежний белый ворон и этот — не одно и то же?

— Нет, тогда вороном был я. Со временем чародей приобретает умение оборачиваться своим оори. Это как вторая кожа.

Я роняю голову и запускаю пальцы в волосы, становящиеся по мере отрастания все непослушнее. Мне нужно несколько секунд спокойствия, чтобы усвоить все эти чудеса.

Оори — новый элемент в моей личной головоломке, добавляющий еще одно измерение в то, что называется волшебной силой.

— Тебя что-то огорчило? — беспокоится Жоло.

— Нет, все хорошо, — заверяю его я, борясь с желанием горько иронизировать.

Действительно, чему тут огорчаться? Я чародейка, гонимая тысячами колдунов, мои родители мне не родители, потому что настоящие родители погибли или предпочли воевать. Эликс и Гразиэль наверняка крадутся по нашим следам, а мы тем временем готовимся проникнуть в город, где заправляет враг...

— Знаю, ты узнала много нового...

— Слишком много для одного раза. Но ты ни в чем не виноват.

Глубоко дышать — мой способ успокаиваться. У меня нет никаких причин для враждебности к брату. В конце концов, он принес мне облегчение, а не наоборот: благодаря ему я теперь знаю ответы на некоторые вопросы.

— К столу! — звучит зычный голос.

На барже праздник. Стол накрыт веселенькой скатертью, на палубе горят фонари. Нас ждет пир. Я сажусь за стол вместе с остальными, но мне невесело: какое веселье при таком неопределенном будущем!

Но благодаря доброте друзей я расслабляюсь. Главное — я не одинока. Смех и оживленная болтовня не смолкают до позднего вечера.

— Ты уверен, что все получится?

225

Мы собрались в столовой. Баржа подплывает к городским стенам. Я не представляю себе, каков он, город Йолин-Анх. Его стража вооружена мощными подзорными трубами, поэтому стоит городу замаячить на горизонте, как мы торопимся в трюм.

Нашу «Тень на воде» снова буксируют: появиться в городе, доверившись только течению, — значит вызывать подозрение.

— Какой он, город? — пристаю я с вопросом к Ваишали. — Красивый?

— Если смотреть со стороны — ничего особенного, — отвечает принцесса. — Он построен на горном склоне, на скальном основании, чтобы не опасаться песчаных червей. От пустынных ветров его охраняют огромные стены, окруженные песчаными дюнами. Но внутри город очень красив. По нижней его части вьются узкие улочки. Каждый дом возведен вокруг цистерны для сбора дождевой воды. Улочки карабкаются к зажиточным домам Великих Семейств. Дальше высится императорский дворец. В каждом городе континента император имеет по дворцу. Если правитель находится во дворце, то над ним реет знамя.

— А канал?

— В городе главный канал разветвляется на множество узких. Те, что пошире, ведут к докам и на рынок.

— Не знаю, успею ли я побывать в городе. Спасибо, что так хорошо его мне описала.

— Это всего-навсего слова без вкуса, цвета и запаха. Йолин-Анх полон жизни. Прилавки рынка ломаются от разноцветных плодов, благоухают специями. Женщины выходят на улицу в своих лучших нарядах, от них не отстают

мужчины, никогда не забывающие об эlegantности. Неподалеку от моей школы магии была площадь, на ней собирались уличные артисты. Мы с подругами часто там обедали, чтобы заодно любоваться акробатами, слушать певцов и глашатаев. Чудесная была жизнь... — Она мрачнеет. — Так было до моей встречи с Эликсом.

— Что же тогда произошло?

— Мы учились в одной школе и даже дружили. Внешне он был ничего, моих подруг даже мучила ревность, потому что я позволяла ему за мной ухаживать. Он собирался изучать волшебные руны, а мне хотелось идти дальше, меня влекла магия врачевания. Однажды вечером он сообщил, что приобрел корабль из парного мира, это была большая редкость. Он пригласил меня на борт. Признаться, мне стало любопытно, и я пошла, ни о чем не подозревая. Я не ожидала ловушки.

— Что он сделал?

— Предложил выпить в честь своего приобретения. Мы чокнулись, я пригубила бокал — и лишилась чувств. Очнулась уже взаперти, по ту сторону зеркала...

— Зачем он так поступил?

— Он любил меня — сильной безумной любовью. Часами любовался мной через зеркало. Сначала я лила слезы, умоляла меня выпустить, но он только глазел, не отвечая. Я была просто живой картиной.

— Теперь с этим покончено! — восклицаю я, чтобы прогнать ее уныние. — Ты с нами, ты свободна!

Ее лицо проясняется, она гонит мрачные воспоминания прочь.

— Благодаря тебе, бесценная подруга.

— Элифас рассказал про войну и про все остальное?

Она удрученно кивает.

— Это такая глупость! Борьба за власть, только и всего. При мне чародеи и колдуны находили общий язык. Две магии — одна естественная, другая искусственная. Те, кому не повезло стать чародеями, имели возможность улучшить себе жизнь при помощи рун и алхимии.

Раздаются три коротких удара по обшивке баржи — условный сигнал Сафра. Нам нельзя высовываться: мы достигли города.

Снаружи доносятся голоса. Сафр отвечает бурчанием, Маргуль помалкивает. Им велено строго соблюдать привычный порядок действий. В столовой царит молчание, все замерли, все настороже. Если нас схватят, мы с Жоло сильно рискуем. Я представляю себя избитой, униженной узницей темницы. Вспоминается Страж снов, запертый живьем в заколдованных доспехах. Какое варварство! Я превратилась в гонимого врага, в добычу, чье место в клетке, в простой предмет для колдовства.

Рука, легшая на плечо, отвлекает меня от мрачных мыслей. Это Ваишали. Я не заметила, что вся дрожу.

— Успокойся, подружка, все будет хорошо, — шепчет она мне на ухо.

— Откуда ты знаешь? — отвечаю я тоже шепотом. — Вдруг Эликс прокрался сюда раньше нас? Он мог поднять тревогу. Возможно, нас ждет ловушка. На самом деле мы просто воришки.

— Тише! — приказывает Элифас, хмурия лоб. — Будете болтать — ваши страхи станут реальностью.

Я прикусываю язык, но все равно дрожу, несмотря на успокоительные объятия Ваишали. Время тянется еле-еле. Наконец раздается скрип.

— Это открываются створки шлюза, — чуть слышно объясняет Элифас.

Баржа медленно ползет вперед. Чувствую огромное облегчение. Вот мы и в городе!

Вокруг усиливается шум. Сначала шумят люди: окликают друг друга взрослые, смеются дети, кричат торговцы, подманивающие к своим прилавкам лодки, ладно поют женщины — наверное, прачки... Похоже, мы проплываем мимо рыночных рядов или деревенской площади.

Потом мы погружаемся в полную темноту и беззвучие. Теперь до слуха не доносится даже подобия человеческого голоса. Наверное, мы попали в тоннель. Проходит неизвестно сколько времени — и накатывает новая волна звуков и света: стук молотков по наковальням, скрежет металла по камню, бление и ржание домашних животных, рев горелок, пыхтение кузнечных мехов.

— Вот и доки, — объявляет Элифас, нарушая молчание. — Я поднимаюсь. Выходите только по моему сигналу.

Он бежит вверх по лестнице. Жоло помалкивает, он сидит, свесив голову и сложив на груди руки, погруженный в свои мысли. Ваишали внешне спокойна, но продолжает меня обнимать. Понимаю, что это нужно не только мне, но и ей самой. Мы время от времени переглядываемся, и она искренне улыбается. Я отвечаю вымученной ухмылкой — на большее я сейчас не способна.

Сильный удар по корпусу баржи заставляет нас вздрогнуть. За первым ударом следуют другие. Такое впечатление, что баржей завладели великаны. Она кренится,

мы хватаемся друг за друга, чтобы не покатиться по полу. «Тень на воде» возмущенно скрепит бортами, трещит палубой, все доски гудят, словно сейчас выгнутся и лопнут. Внезапно все стихает. Мы остаемся в напряжении, боясь шелохнуться.

Шаги.

Кто-то энергично шагает по палубе, ныряет в коридор, спускается по лестнице. Я узнаю сапоги песочного цвета — обувь Элифаса. Он приносит в столовую ворох темной одежды. Вместо обычной улыбки на его лице озабоченная мина. Он раздает всем черное облачение — кафтаны с заостренными капюшонами. Помимо воли натягиваем эту одежду.

— Отлично. Все выходят. Следуйте за мной, и чтоб тихо!

Мы поднимаемся на палубу. Я удивлена представшей моему взору картиной. Мы находимся в сухом доке посреди большого ангара. Пахнет маслом, асфальтом, ржавчиной. Баржа не касается воды, опорой ей служат горизонтальные деревянные брусья. На причале маячат две фигуры в таких же, как у нас, кафтанах, больше никого. Узнаю наших друзей догронов. Мы выходим к ним.

Я оглядываюсь напоследок на «Тень на воде», лишившуюся и свободы, и своего хозяина.

— Вы уверены, что здесь ее никто не найдет?

Элифас пучит глаза, и я вспоминаю, что он требовал от нас молчания.

— Этот ангар — моя собственность, — отвечает он тем не менее громким голосом, разносящимся по пустому помещению. — Здешние работники лояльны моей семье. Опасаться нечего.

Я киваю: понятно. Жоло, идущий за мной, кладет руку мне на плечо. Этот жест вошел у него в привычку. Во всяком случае, на меня он действует ободряюще. Я оглядываюсь. Ворон сидит под капюшоном, прижимаясь к щеке моего брата. Предназначенный мне взгляд призывает к осторожности. Что ж, вокруг вражеская территория, мы дорого заплатим за малейшую оплошность.

Элифас ведет нас к двери в глубине ангара. За ней ждет обещанная «колесница». Ничего похожего я не могла даже вообразить. Это не автомобиль с мотором, как на Земле, а что-то вроде дилижанса, который тащат две огромные рогатые лошади вороной масти. Мы, замотанные в черное призраки, забираемся друг за другом в кабинку. Под каждым новым пассажиром рессоры прогибаются все сильнее. Элифас садится последним, хлопает дверцей и дважды стучит в потолок. Под понукания кучера лошади дергают и бегут мелкой рысью через город, таща за собой дилижанс.

— Не открывать занавески! — приказывает Элифас, когда мне захотелось выглянуть, чтобы посмотреть на город. — Твое лицо никто не должен видеть.

Я угрюмо подчиняюсь. Остается гадать, какие они, улицы, по которым мы едем; ясно, что тут все абсолютно чужое. Все звуки, не говоря о языке, совершенно ничего не подсказывают. Я складываю на груди руки и решаю потерпеть, не высовываясь из-под капюшона.

— Эй, просыпайся, сестричка! — раздается голос Жоло.

Я открываю глаза и озираюсь, ничего не соображая. Не помню, как уснула. В дилижансе остались только мы вдвоем.

— Приехали! Надень капюшон, прежде чем выйти.

Жоло вылезает, согнувшись пополам. Следую за ним, протирая глаза, чтобы прогнать сон, обрушившийся на меня без предупреждения. Я недовольна собой. Собиралась определить, сколько времени продлится поездка, сохранять бдительность — и на тебе, уснула! Стоит мне ступить на землю, как невесть откуда взявшийся слуга захлопывает за моей спиной дверь. Колесница удаляется под стук копыт, и моему взору предстает картина, которую она прежде загораживала. Передо мной ступеньки, ведущие к внушительному строению с белыми стенами, обложенными снизу цветными фаянсовыми квадратиками. Не знаю, в чем дело — возможно, в том, что, успев привыкнуть к чetyрем стенам, я вдруг попала на открытое пространство, — но меня охватывает паника. Я каменею, теряю голос, не могу позвать на помощь. Можно подумать, меня одолевает целая орава колдунов.

Жоло возвращает меня к реальности: хватает за рукав и тянет за собой. Я безоговорочно подчиняюсь. Сейчас я чужая сама себе, как будто превратилась в неуправляемое судно.

Мы входим в дом Элифаса. Там нас встречает живительная тень, прохлада. Слуга, семенящий за нами по пятам, закрывает деревянные двери. Мои спутники уже здесь, им пока что неуютно в огромном вестибюле с вазами, настенными фресками, двумя покалеченными статуями, смахивающими на трофеи археологических раскопок.

— Теперь можно раздеться. Здесь вы в безопасности, — с этими словами Элифас ставит свой рюкзак на пол.

Жоло, оставаясь в капюшоне, указывает подбородком на слугу, который замер у лестницы — руки по швам.

— Жом — верный мне человек. Ему можно доверять. Не правда ли, Жом?

— Полностью, господин Элифас.

— Он раб? — глухо спрашивает Сафр.

— Ничего похожего! — восклицает хозяин дома, шокированный тем, что его можно принять за работодателя. — Жом никакой не...

— Позвольте, господин Элифас, — перебивает его слуга, — я сам отвечу. Нет, сударь, я не раб. Моя семья служит семейству Галлор уже много поколений. Моя профессия — служить, и я получаю за это вознаграждение, как кто-то другой — за профессию пекаря.

Сафр пододвигается к Жому, и тот, видя, что скрыто под капюшоном, бледнеет.

— Почему тогда ты называешь его господином? — рычит догрон.

— Потому что у хороших слуг так принято, — отвечает Жом дрожащим голосом, но не теряя самообладания.

— Спокойно, Сафр, — уверенно вмешивается в разговор Жоло, беря догрона за руку. — Мир, в котором мы очутились, тебе неведом. Здесь все происходит не так, как в хаотической вселенной Эликса.

— В этом доме всего трое слуг, — объясняет Элифас. — Это Жом, горничная Марисса и кухарка Нана. Успокойтесь, здесь никто не причинит вам вреда.

Элифас и его слуга ведут нас в гостиную. Это настоящий музей. Нас окружают застекленные стеллажи с окаменелостями и всевозможными сверкающими

предметами, скелеты огромных зверей, причудливые копия на стенах, вырезанные в обсидиане руны, чучела, статуи, доспехи... Все расставлено по строгому плану, снабжено табличками, содержится в безупречной чистоте.

— Вы не солгали, — признает Жоло. — Вы действительно достойны называться серьезным исследователем.

— Благодарю, дружище, — с поклоном отвечает Элифас. — Это дело всей моей жизни.

— Это и содержимое соседних залов, — подсказывает слуга.

— И тебе спасибо, Жом, — отвечает Элифас, покашливая. — Мне и вправду не хватает места, вот и приходится использовать каждый свободный пятачок.

— Остается посочувствовать Мариссе, ее работа — вытирать со всего этого пыль, — насмешливо произносит Жом. Он все больше мне нравится.

Слуга приносит поднос с пирожными и раздает нам стаканчики со вкусным сладким напитком. Я налегаю на медовые пирожные с миндалем. Элифас разглагольствует о какой-то исчезнувшей цивилизации, а я тем временем вспоминаю проделанный путь. Впервые после ухода из дома я попала в нормальное человеческое жилище. Если быть с собой честной, то мой уход из дома правильно называть бегством.

— Ладно, а теперь-то что? — не выдерживаю я. — Давайте перейдем к главному.

— А что главное? — интересуется с невинным видом Жоло.

— Узнать, ищут ли нас Эликс и Гразиэль. Что, если нам не предстоит столкновение с ними? Что, если мы

можем исчезнуть незаметно от них? С чего мы взяли, что они готовят месть? Вдруг они заняты совсем другим?

Раздается хрюканье — так привлекает наше внимание Маргуль. Выпустив пахнущее серой облачко, он цедит сквозь зубы:

— Нага. Сулитси и Сосана скоро нагрянут в город. Они будут в ярости. Им нравится бушевать. Они чувствуют себя всесильными, потому что думают, что мы в страхе бежим.

У меня такое чувство, будто я проглотила ледышку.

— Прежде чем найти меня, — берет слово Жоло, — Карасу облетел лабиринт. Он видел двух скакавших во весь опор всадников.

— Карр! — подтверждает со своего насеста Карасу.

— Как это, скакавших? — вскрикиваю я. — Гарпии убили квагг у нас на глазах.

Теперь хрюкает Сафр. Он еще мрачнее, чем его брат. Его красные глаза горят диким светом, неуместным в уютном доме Элифаса.

— Бурак атук, — лаконично, в своей манере, бросает он.

Маргуль кивает.

— Сафр прав, они оседлали бураков.

Мы не знаем, что сказать, поэтому Маргуль вынужден объяснить:

— Бураки — изобретение Гразиэля, полулошадиполукошки. Они быстры, как ветер, даже зыбучие пески пустыни им нипочем. Три дня — и они будут в Йолин-Анхе.

Я понимаю, что мы, наверное, совершили ошибку, поплыв по каналу.

— Вы считаете, — обращается к догронам Жоло, — что Гразиэль и Эликс не стали гнаться за баржей, потому что заранее знали, куда она придет?

Маргуль утвердительно кивает.

— Сулитси хитер. Он быстро соображает.

— А что, логично! Мы показали свою предсказуемость, — говорит Элифас. — Йолин-Анх — единственный город в этих краях. Канал проложен через него.

— Вдруг на барже установлен прибор GPS? — высказываю предположение я.

Непонимающий взгляд моих собеседников свидетельствует, что им невдомек, о чем я толкую.

— Так на Земле передают данные о своем местоположении. В случае похищения владелец знает, где искать похищенное.

Маргуль и Сафр качают головами.

— Никто не стал бы ничего похищать у колдуна, — говорит первый.

— Красть у Сулитси? Дураков нет, — подтверждает второй.

— А вот и есть, — возражаю я. — Эти дураки — мы.

Все набирают в рот воды. Я быстро нарушаю тишину — слишком взволнована, чтобы помалкивать.

— А здесь, в городе, колдуны сумеют нас найти? Нас видела стража. Вряд ли здесь много таких судов, как «Тень на воде».

— Стража доложит, что видела баржу, — соглашается Элифас. — Торговцы это подтвердят. Но, войдя в доки, баржа исчезла. Повторяю, моим людям можно доверять.

Ваишали, до сих пор молчавшая, хочет высказаться.

— Я понимаю, зачем вы подняли ее из воды. Если бы она осталась на воде, ее можно было бы найти

при помощи колдовства. Извлечь судно из жидкой среды — дьявольски умный ход. Теперь колдовство этого сорта бессильно.

От ее похвалы Элифас густо краснеет. Он собирается ответить, но его опережает Жоло:

— Каковы твои намерения, Ваишали? Колдунья в компании чародеев — не слишком завидное положение. Может быть, тебе лучше перебраться к своим, чтобы не попасть в переplet?

— Увы, — печально отвечает особа ста с лишним лет от роду, — моих родителей уже нет в живых. Я их единственная дочь, а мои друзья, даже если они живы, ни за что меня не вспомнят. Сто тридцать шесть лет все-таки... — Она вздыхает. — Мне некуда деваться. — Как бедняжка печальна! — Остается только мстить.

— Можете оставаться здесь, сколько захотите. — С этими словами Элифас робко прикасается к ее руке.

— Мадемуазель, — встречает вездесущий Жом, — женское присутствие в этом старом доме всегда желанно. Марисса уже готовит всем спальни, Нана стряпает угощение. Полагаю, все сильно проголодались.

Ваишали искренне благодарит хозяина дома и его слугу. Задумчиво глядя в пустоту, она мелкими глотками допивает чай. Как я сочувствую ей, сироте, не успевшей проститься с родителями! При этой мысли я вздрагиваю. А ведь мы похожи! Я лишилась близких из-за колдунов, она — из-за бросившего ее в тюрьму безумца. У нее есть все основания жаждать отмщения: Эликс погубил ее жизнь.

Счеты с колдунами есть у всех присутствующих. Список обвинений неисчерпаем. Увы, законы этого рода не оградят нас от посягательств Гразизеля и Эликса.

— Итак? — Меня, как никогда, переполняет решимость. — Что мы выберем, бегство или отпор?

— Я за отпор, — заявляет Жоло. — Но не на любом поле боя.

— Нам надо покинуть город, — подхватывает Элифас. — Здесь слишком людно. Волшебный бой не должен грянуть в городе. Нам нельзя привлекать к себе внимание.

Мне становится так тревожно, что окружающие сразу это замечают. Двое чародеев — против целого города! Жители, увидев нас, тут же на нас донесут. Да и можно ли всерьез причислять меня к чародеям? Я ничего не умею. Я — чародейка-ученица, в то время как в городе сотни колдунов.

— В распоряжении Эликса и Гразиэля множество школ магии. Разве они не смогут наберечь толпу помощников?

— Сулитсу пинитоку, — рычит Сафр. — Хозяин бедный.

Маргуль привычно кивает в знак согласия с братом.

— Богатство Хозяина осталось на барже, на оплате помощников у него нет средств. А Сосану слишком боятся, чтобы ему доверять. Здешние колдуны прозвали его Порченным.

— Порченный?! — восклицает Ваишали. — Я о таком слыхала!

— Вы знаете Гразиэля? — удивляюсь я.

Колдунья сверкает глазами.

— В мои времена уже ходили разговоры об этом молодом человеке, поглощенном разными темными практиками. Этот красавец-колдун любому мог заморочить голову. Поговаривали, что он и его последователи

собираются близ литейных мастерских для занятий запретной магией и смертоносными рунами. Ходили слухи, что однажды в полнолуние он умертвил нескольких своих друзей ради дополнительных лет жизни. Но в тюрьму он не попал, потому что сам император был в восторге от его исследований бессмертия. Старейший правитель отправил его в ссылку, на край Красной пустыни, чтобы там он свободно продолжал свои опыты, не подвергая опасности спокойствие в городе.

— Входя в лабиринт, я думал, что Порченный — это всего лишь легенда, — объясняет Элифас, чем проливает, наконец, свет на причину своего пленения в застенке некроманта. — Я много слышал о древних скальных храмах. Я обязан был их увидеть! Старики предостерегали меня, что в коридоры кишат опасными существами, но меня гнала глупая любознательность.

— Да уж, вы горазды совать голову в самое пекло, — вставляет Жом, укоризненно качая головой.

— Я попадал и в худшие переделки, — возражает ему Элифас. — Как видите, вернулся невредимым.

— До следующего раза, — стоит на своем Жом, с недовольным видом собирая пустые бокалы и тарелки.

Похоже, хозяин и слуга спорили на эту тему уже не один десяток раз.

— Короче говоря, — продолжает Элифас, — я двинулся по лабиринту, составляя подробную карту. Но трудности не заставили себя ждать. На меня напала стая гиен, мой скакун споткнулся, при падении я ударился головой о камень и потерял сознание. Очнулся я уже в тюремной камере. Скрофа подобрал меня всего в нескольких коридорах от жилища своего господина.

Какой стыд — потерпеть неудачу так близко к цели! Гразиэль как раз нуждался в людях в расцвете сил, чтобы ставить на них опыты.

— Для этого и построен лабиринт, — объясняет Маргуль. — Путешественников манит спрятанное сокровище, они блуждают в лабиринте и подвергаются нападениям. Выжившие оказываются в камерах и становятся подопытными для Создателя.

— Потом, — вступает в разговор Сафр, стараясь говорить на нашем языке, — Сосана их использует. Крики, слезы, мольбы о пощаде, всюду запах крови, живое мясо...

— Спасибо, Сафр, принцип понятен, — обрываю я его, чувствуя подкатывающую к горлу тошноту.

В моей памяти всплывают картины лабиринта и храма, которые я считала забытыми. Какой кошмар! Мне повезло, я избежала худшего.

— Получается, — подытоживает Жоло, — Гразиэль опаснее Эликса. И при этом совершенно спятил.

— Скажем иначе: он позволяет себе делать вещи, которые другим колдунам даже не приходят в голову, — возражает ему Ваишали.

— Пытать чародеев, создавать гибриды, хватать путешественников и пользоваться их телами... — перечисляет Жоло. — Что это, если не...

— ...помешательство, — договариваю за него я. — У него не в порядке с головой. Он опасный безумец.

Я не забыла, как Маргуль заступался за Гразиэля и Эликса. Не уверена, что догрон готов вступить в бой с тем, кто его создал. Когда он упоминает некроманта, в его тоне всегда слышно почтение. В отношении Эликса это не так очевидно.

По-моему, прежде чем строить планы, надо разобраться с этой неясностью.

— Маргуль?

Догрон поднимает голову. На лице чудища при взгляде на меня появляется нежность.

— Ты смог бы убить Гразиэля?

Взгляд догрона становится жестким. Я ткнула в уязвимое место.

— Не знаю, — отвечает он со стоном. — Я обязан ему жизнью. Вряд ли я смогу отнять жизнь у него.

— А ты, Сафр?

— Ли. Я убиваю Сосану каждое утро, — отвечает догрон, показывая свою когтистую лапу и скрежеща острыми зубами. — Я убиваю его и съедаю его сердце. Нирикук нга милиак. Хочу отведасть его мясо!

Эти свирепые слова Сафра вызывают у меня дрожь. Я вдруг замечаю, что он выглядит более диким, чем обычно. Сколько дней мы провели вместе?

Возможно, у нас возникла еще одна проблема.

— А ты? — спрашивает Сафр, уставившись на меня красными глазами. — Ты, маленькая чародейка, убьешь Сулитси?

Убить кого-то? Исключено! Я не способна покушаться на чью-либо жизнь.

— Нет.

— Почему? Он сделал тебя рабыней. Он тебя мучил. Он украл твое имя.

— Это не оправдание...

— Оправдание, если у тебя когти и зубы, как у меня. Не убьешь?

— Я не...

— Проще подбивать других сделать это за тебя?

Гляжу на свои грязные ладони. Они еще никого не ранили, даже не ударили. Я бесконечно далека от догронов с их животной натурой. Меня отталкивает их двойственность. Это как находиться рядом с медведем. Гладкая шерсть и добродушный вид не исключают дикости.

— Оставь ее в покое, — вмешивается Маргуль. — Она всего лишь девочка.

— Мой брат — трус! — не выдерживает Сафр. — Ты сам девочка. Ты можешь убить Сосану, но ты его защищаешь! Нутаарак!

— Сафр! — вскрикиваю я, желая защитить Маргуля и урезонить догрона со шрамом.

Тот выпускает в мою сторону облако серного дыма, и я закашливаюсь. Между нами встает Жоло с поднятой рукой.

— Спокойно, догрон! — Его голос звучит как удар кнута.

— Отстань, чародей, — рычит Сафр, скрежеща зубами. — Я не в настроении.

— Жоло, Элифас, Ваишали! — зову я спокойно и при этом властно. — Мне надо с вами поговорить. Сейчас. В холле.

Они озабоченно идут на мой зов.

— Что происходит? — спрашивает Жоло, закрыв дверь. — Почему Сафр так зол?

— От голода. Маргуль тоже голоден, но он, наверное, умеет сдерживаться.

— Если причина в этом, то нас скоро накормят, — напоминает Элифас. — Пусть подождут.

— Я о другой еде. Догронам необходимо как минимум раз в неделю охотиться. Дело даже не в питании, а в проявлении их звериной натуры.

Жоло прохаживается по холлу, свесив густую шевелюру. Элифас садится на ступеньку лестницы и обдумывает положение. Ваишали вопросительно смотрит на меня, потом нарушает молчание:

— Ты уверена?

— Я подсчитала, последний раз они пировали десять дней назад.

— Мы чем-нибудь рискуем? — спрашивает Элифас.

— Вряд ли они набросятся на нас, но вы сами видите, Сафр нервничает и теряет разум. Даже Эликс побаивался голодных догронов.

— Не думал, что ты так хорошо их знаешь, — признается Жоло, не спуская с меня своих белых глаз. — Скажи, ты чувствуешь их голод?

Яжимаю плечами и открываю рот, чтобы признаться, что не понимаю вопроса, но тут вскакивает Элифас, придумавший решение.

— Я могу отвести их в горный лес за городом, там полно дичи. Это охотничьи угодья императора, но ими могут пользоваться и Великие Семейства. Это всего в часе пути отсюда. Отвезем туда догронов и отпустим охотиться; они вернутся, когда утолят свою жажду крови.

— Лучше сделать это прямо сейчас, под покровом ночи, — предлагает Жоло. — Днем на горных склонах может бытьлюдно.

— Я могла бы их сопровождать, — говорю я.

Мне очень хочется вырваться из города с его скученностью. По какой-то необъяснимой причине мне остро не хватает пустыни и бескрайнего горизонта.

— Нет! — резко отвечает Жоло. — Ты останешься здесь, в безопасности. Поеду я.

— Не стоит, — говорит Элифас. — Для чародея это слишком опасно. К тому же мне надо быть в экипаже, иначе из города не выехать. Догронами займемся мы с Жомом.

Элифас выходит в дверь слева. Я подхожу к Жоло.

— Напрасно ты меня не отпустил. Я умею справляться с догронами.

Он решительно мотает головой.

— Ты им слишком близка и чересчур чувствительна. Так что лучше не надо. Оставайся с Ваишали. Обсудите с ней свои... женские штучки.

Женские штучки? Я краснею и кошусь на Ваишали, отвечающую мне улыбкой. Не ждала таких слов от старшего брата!

Меня приводит в себя хохот Жоло.

— Видела бы ты свое лицо!

Мы возвращаемся в гостиную и сообщаем Маргулю и Сафру хорошую новость. Их облегчение заразительно. Чувствую, в наше отсутствие у них вышел спор. Сафр присмирел, хотя еще корчится от голода. Его тягловая лапа ложится мне на плечо.

— Накурмик, — произносит он. — Спасибо, микилитси. Ты, маленькая чародейка, — настоящая подружка догронов. Прости мой гнев. Я убью Хозяина, только прикажи.

Я бы рада сказать, что дело не в этом, но он уже не слушает, а торопится за братом, дрожа от нетерпения. Вспоминаю, как они рвались на охоту с баржи. Странно, сегодня я испытываю другие чувства. Кажется, их нетерпение стало заразительным. Мне смерть как хочется побежать за ними, в лес, вдохнуть свежего воздуха, насладиться ночными звуками и запахами, спугнуть дичь, вонзить зубы в еще теплую плоть, почувствовать, как кровь течет по...

У меня кружится голова.

Жоло берет сзади меня за плечи, возвращая к действительности.

— Это я и подозревал, — говорит он. — Ты слишком восприимчива.

— Что это было? Что за ощущение? Догроны...

Жоло встает передо мной.

— Думай о волшебстве как о постоянном токе между живыми существами. Ты чародейка, ты способна улавливать этот поток, сила которого зависит от эмоций тех, кто тебя окружает.

— Это как чтение мыслей?

— Нет, это не телепатия, а ощущение. Беда таких юных чародеев, как ты, в их излишней чувствительности. Они рискуют заразиться эмоциями, а не просто их уловить. В этом случае ты путаешь свои чувства с чувствами.

— Отсюда внезапное желание убежать в лес и слопать там какое-нибудь живое существо?

— Совершенно верно.

Ощущения были такими острыми, что еще не оставили меня, преследуют, как неотступный резкий запах. Я вся покрыта мурашками. Не будь рядом

Жоло, я могла бы не устоять и кинуться следом за догронами.

Пытаюсь встряхнуться и ломаю голову, как бы отвлечься, чтобы не чувствовать этого звериного инстинкта. Долго искать не приходится: в опустевшей гостиной появляется Жом с известием «кушать подано». Я подбегаю к нему с вопросом:

— Почему вы не уехали с Элифасом?

— Отчего же, уехал, — отвечает он с загадочным видом.

— Что?! Но...

— Вы заинтригованы, не правда ли? — дразнит он меня, распахивая двери столовой.

Это настолько роскошное помещение, что я временно забываю обо всем остальном. Под огромной люстрой из стеклянных капель блистает фарфором и серебряными приборами обеденный стол.

Жом церемонно усаживает нас за него.

— У вас есть брат-близнец? — спрашиваю я его.

Он весело мотает головой и уходит вглубь столовой, где открывает еще одну дверь. Входит стройная дама лет шестидесяти в фартуке. У нее поднятые наверх седые волосы, скуластое лицо и заразительная улыбка. Она толкает перед собой тележку, источающую умопомрачительные ароматы.

— Мы не ждем Элифаса? И вашего... двойника? — обращаюсь я к слуге, застывшему в углу.

— Они вернутся только через два с лишним часа, так долго ждать нельзя. Не тревожьтесь, Нана дала им с собой целую корзину снеди.

Кухарка молча улыбается и накладывает всем разноцветный салат, после чего возвращается к плите.

Я уплетаю свежие овощи с пряной заправкой, размышляя о загадочном Жоме. Моя соседка Ваишали — напрасно я принимала ее за принцессу! — уминает все в один присест. Я ее понимаю: если бы я не ела целое столетие, то тоже набросилась бы на угощение, забыв обо всем на свете.

Сыто бредя назад в гостиную, я опять пристаю с вопросом к слуге:

— Это, наверное, магия?

— Конечно, — подтверждает он. — Здесь все магия. Хотите покажу?

— Сделайте одолжение.

Он достает из кармана странную статуэтку с лицом, но без конечностей.

— Это называется «сошки ханша», сияющий камень. Наша семейная реликвия. Она раздваивает людей, поэтому у меня сейчас только ее половинка.

— А другая половинка у вашего двойника.

— Вы очень догадливы. — Жом с улыбкой прячет статуэтку в карман.

— Больно держать это в руках?

— Немного щекотно.

— Какие у этой диковины ограничения?

Я уже усвоила: у любого волшебства всегда есть обратная сторона. Жом кивает.

— Ее можно использовать не более шести часов подряд.

— А иначе?..

— Иначе я ослабею и умру.

— Вот это да! Вы чувствуете своего двойника? Читаете его мысли?

— Нет. Мы две отдельные личности, как близнецы. Когда мы воссоединяемся, происходит удвоение памяти.

— Как бы не стать шизофреником! — При непонятном слове Жом моргает, и я растолковываю: — Как бы не сойти с ума!

— Владение этой штуковиной не прошло для моей семьи даром. Кое-кто и впрямь сходил с ума, но у нас, Жомов, особенная психология, позволяющая нам переживать слияние.

— Вы все зоветесь Жомами?

— Имя передается от отца к сыну.

Молодая женщина в черном платье аккуратно открывает дверь и сообщает, что спальни готовы. Вижу, Жоло в восторге от комфорта. Когда он говорит о ванне и о горячей воде, у него горят глаза, как у мальчишки. Жом ведет его вверх по лестнице. Я остаюсь вдвоем с Ваишали, не отходящей от узкого окна гостиной.

Я молча подхожу к колдунье. За окном, как очаг углями, мерцают огоньками город Йолин-Ахн.

— Здесь неподалеку ночной рынок, — ностальгически говорит Ваишали. — Им пользуются работяги, которые могут делать покупки только в этот час. Я любила там прогуливаться, когда меня одолевала бессонница. Разглядывала тускло освещенные прилавки, впитывала ночную жизнь — это меня успокаивало. Я часто вспоминала эти прогулки в заточении, это было мое

воображаемое бегство. Как бы мне хотелось оказаться там сейчас!

— Что нам мешает?

Мне тоже надо на воздух. Я задыхаюсь в этом огромном доме с толстыми стенами. Здесь на меня что-то давит. Возможно, дает о себе знать влияние догронов... Так или иначе, я дорого заплатила бы сейчас за прогулку по ночному рынку.

— Но... — неуверенно бормочет она.

— Если натянуть черные балахоны с капюшонами, то наших лиц никто не увидит — моего, по крайней мере, точно. Мы бы обернулись за час. О нашем бегстве никто бы не пронюхал.

Она кивает, ее зеленые глаза хитро блестят.

— Только не оставляй меня одну, ладно? — Она берет наши кафтаны. — Вот увидишь, я покажу тебе красивейший на свете ночной рынок.

Мы, как черные тени, пересекаем холл. Ваишали бесшумно толкает тяжелую дверь. Ночной воздух тут же меня успокаивает. С необъяснимым облегчением поднимаю глаза к звездному небу. Спутница хватается за руку и увлекает за собой. Мы легкими шагами удаляемся от усадьбы Элифаса, минуем несколько зажиточных домов и достигаем улочек Нижнего города.

Здесь царит бодрящая свежесть. Мы торопимся мимо садилов, откуда доносятся голоса ночных птиц, спугиваем черных ящериц, смешными зигзагами убегающих по оштукатуренным стенам. Влажная ночь — рай для насекомых. Ваишали указывает на огромных мотыльков, кружащих под многочисленными фонарями. Из некоторых домов доносится музыка. Иногда мы останавливаемся, чтобы послушать, и моя спутница

начинает мелодично подпевать. Потом устремляемся дальше, стараясь остаться незамеченными. Нам попадают прогуливающиеся парочки и одинокие пешеходы — те торопятся, опустив голову. Нас, похоже, никто не замечает. Уж не невидимки ли мы в своих кафтанах?

Наконец мы добираемся до рынка. Там светло, каждый торговец стоит под фонарем, цвет которого зависит от товара. Зеленый означает свежие овощи, красный — пряности, синий — ткани. Обстановка здесь совсем не такая, как на дневном рынке. Покупатели есть, но все спокойны и молчаливы — ночь не способствует болтливости. Мы переходим от прилавка к прилавку, восторгаемся тонкостью шелков, свежестью плодов, изяществом украшений. Восхитительный вечер! Ваишали подарила мне час восторга. У меня такое чувство, что я тоже здешняя, что все здесь мне знакомо, что я могу возвращаться сюда, когда захочу. Я уже мечтаю, как сюда переселюсь и буду вести ночной образ жизни, пока спят колдуны.

Но у прилавка торговца живностью мои мечты разбиваются о реальность, и я вспоминаю о своем положении. Перед нами прискорбное зрелище — зверье из пустыни в клетках. Самая крупная узница — молодая светло-желтая пантера, вся в крупных черных пятнах. Я вытягиваю шею, чтобы лучше ее разглядеть, и встречаюсь с ней взглядом.

Время останавливается.

Мир вокруг меня перестает существовать. Остаются только зеленые глаза зверя и поток ощущений: теснота клетки, нестерпимый голод, боль от нанесенных человеком побоев, заноза в лапе, которую не удаётся вытащить и которая напоминает о себе при каждом

шаге, зловоние, исходящее от шумных людишек вокруг, крики птиц в соседних клетках — таких вкусных, таких близких и таких недостижимых, голод, стыд, что меня поймали, голод, заноза — и глаза уставившейся на меня девчонки. От них не оторваться, потому что они принадлежат ей, странному существу, застывшему передо мной, моей сестре в человеческом обличье, моей паре, моей...

— Моя оори.

Я вздрагиваю от собственного голоса и возвращаюсь в себя. Это очевидно. Она передо мной. Почему сейчас и здесь? Почему она? Этого я не знаю, зато знаю, что не могу уйти отсюда без нее. Это было бы для меня смертельно.

— Камий, — зовет меня Ваишали.

Поворачиваюсь к ней. Она сильно взволнована.

— Что происходит? Ответь мне!

Я указываю на пантеру в клетке и пытаюсь вспомнить, как это — говорить. Я почти удивлена тем, что не вижу на своей белой ладони бежевой шерсти.

— Это она... — выдавливаю я.

— Не понимаю. Слушай, нам пора возвращаться!

Она хватается за руку и тащит за собой. Но я прирастаю к месту, не в силах шелохнуться. Ваишали в панике вцепляется в меня, трясет, всматривается, проверяя реакцию.

— Это она, — повторяю я, тыча пальцем в свою оори.

— Эта пантера? Что значит «это она»? Ты меня пугаешь. Я не понимаю, что с тобой.

— Она! — упорствую я, поглощенная своей идеей фикса.

— У меня нет денег. Я ничего не могу тебе купить. Особенно пантеру! Эти звери не котята, они охотятся на обезьян.

К нам подходит продавец, увидевший наше замешательство. В ноздри шибает его запахом, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не вцепиться ему в глотку. Он бьет ее, морит голодом, он злодей, а еще от него смердит чесноком.

— Вам приглянулось животное? Это туманная пантера. Могу уступить ее вам по сходной цене. Давайте торгуемся!

— Камий! — снова взывает ко мне Ваишали, сильно меня дергая.

Я все равно не реагирую, потому что не могу оторваться от Сии. Что ее зовут именно так, мне ясно как день. «Сия» — это звук, с которым шуршат листья на ветру, когда трутся друг о друга. Так назвала ее мать-пантера через несколько дней после ее рождения, потому что у нее появилась манера прятаться в густой листве. Сейчас Сие год, и сидеть в клетке для нее — невыносимая пытка. Я застряла в этом мгновении, вне собственного тела. Похоже, прожитое было только прелюдией к этой ночи, к этому месту, к этому мигу. Все остальное утратило смысл.

— Ваша дочь сделала хороший выбор. Вот увидите, она не разочаруется, — разглагольствует продавец. — Хотя дети в этом возрасте бывают капризными. У меня пять дочерей, я знаю, о чем говорю...

Наконец, Ваишали сдается, снимает одно из своих многочисленных колец и протягивает продавцу.

— Я беру животное, — сухо говорит она.

Чесночный внимательно разглядывает кольцо и восторженно присвистывает.

— Многовато! За это кольцо вы могли бы скупить полрынка. Не уверен, что...

— Берите кольцо и давайте чертову клетку! — приказывает ему Виашали.

Продавец больше не спорит и отдает ей клетку. Я буквально кидаюсь на Виашали, умоляя ее открыть.

— Не сейчас! — сердито останавливает она меня. — Иди за мной!

Она идет широким шагом, неся клетку с пантерой как пушинку. Я тороплюсь за ней, не столько из нежелания перечить, сколько чтобы не терять из виду Сию. Мы быстро покидаем рынок и штурмуем извилистые улочки. Я ничего не вижу и не слышу, потому что сосредоточена на пантере, удерживающей равновесие внутри болтающейся клетки. За Нижним городом, перед кварталом богачей, длинноволосая колдунья сердито ставит клетку на землю. Я сдерживаю раздраженный рык, не зная, кто испытывает прорывающиеся в рычании чувства — я сама или Сия.

— Теперь изволь объясниться! — требует моя подруга.

Но я лишилась дара речи. Я в таком состоянии, что способна, кажется, только мяукать. Я кидаюсь к клетке и распахиваю дверцу. Ваишали пытается заставить меня снова ее закрыть. Я встречаю ее угрожающим взглядом и рычанием в унисон с пантерой. Женщина отшатывается, широко раскрыв испуганные глаза и зажав ладонью рот, чтобы не закричать.

Я освобождаю Сию и раскрываю ей объятия. Она выскакивает из клетки и кидается мне на грудь, царапая плечи до крови.

Когти острые.

Но я не чувствую боли, настолько счастлива.
Мы тремся лбами и в восторге урчим.
Наконец-то мы воссоединились.

253

Наверное, прошло немало времени. Знакомое покашливание заставляет нас обернуться.

Перед нами стоит человек в одних штанах, с мокрыми волосами, с белоснежной кожей. Его голый торс блестит в темноте.

— Мои сестры? — спрашивает он осторожно. — Идемте со мной. Скорее!

Мы бежим за ним в дом Элифаса, вбегаем в холл. За нами захлопывается дверь. Нас охватывает страх замкнутого пространства, но голос Жоло звучит успокаивающе.

Мы урчим в знак доверия и позволяем ему отвести нас в большую комнату, полную разнообразных запахов: мертвых животных, ржавого железа, древесины. Нам кажется, что мы здесь не впервые, но уверенности нет. Мы долго озираемся, потом укладываемся на коврик. Обоняние подсказывает нам, что это буйволиная шкура, наше тело принимает удобную позу.

— Есть! — просим мы на человеческом языке.

— Сейчас, — отвечает у двери услужливый голос.

На нас смотрят люди. Одна из них — знакомая нам Ваишали, та, из зеркала. В нашей памяти мелькают картины: корабль, красная комната, большая книга с рунами. Белый мужчина — Жоло. Он смотрит на нас, по-птичьи склонив голову набок. Птиц приходится опасаться, вечно они воруют у нас мясо, готовы рвать его прямо из пасти. Попробуй, поймай такое... пернатое.

Если и поймашь, то толку мало: есть там почти ничего, а от перьев болит живот. В общем, в птицах нет ничего хорошего.

Голос человека-птицы возвращает нас к действительности:

— То, что вы сейчас переживаете, недолговечно. Скоро ваше слияние кончится, каждая опять обретет собственное тело и собственные мысли. Вы меня понимаете?

Мы молчим, не зная, что ответить. От входной двери доносятся шаги. Мы напрягаем слух.

Возвращается тот, кто обещал принести еду. В руках у него тарелка с кровоточащим мясом.

Мясо! Мы набрасываемся на угощение.

До чего вкусно!

Мы расправляемся с мясом в считанные секунды. Насытившись, мы удобно укладываемся на ковре из буйволиной кожи и засыпаем.

Медленное пробуждение.

Ко мне вернулось мое сознание, хотя отчасти я еще Сия. Та просыпается одновременно со мной, но лежит неподвижно. Брюхо набито, ей спокойно и хорошо, почему бы не продлить этот момент? Во сне она прижималась ко мне, заимствуя мое тепло, как я заимствовала ее.

Я открываю глаза.

Рядом дремлет в кресле Жоло. Карасу, его оори, сидит на спинке кресла и таращится на меня не мигая. Жоло похож на свою птицу даже во сне: крючковатый нос, волосы-перья. Мне приходят на память его слова:

человек и животное обмениваются кое-какими свойствами. Изменяюсь ли я, чтобы походить на Сию?

«Тебя это беспокоит?» — спрашивает голос у меня в голове.

Среди своих мыслей я различаю шепот пантеры. Ей тоже лучше, события этой ночи не очень ее тронули. Беззвучно отвечаю, что меня беспокоило бы, если бы она была не пантерой, а свиньей или коровой. Впрочем, как можно счесть ее некрасивой? Она прекраснейшее на свете существо!

Сия наслаждается моими похвалами, валяясь на спине. Я поглаживаю светло-желтую шерстку у нее на брюхе. Она долго жмурится, потом, зевая, вытягивается во всю длину. У нее впечатляющие клыки. Она садится и опять смотрит мне в глаза. «Я стану белой-белой, как ворон?» Мысленно отвечаю ей, что это грозит нам обеим. «Это помешает охоте», — сетует она.

Сия еще разок потягивается и приступает к туалету, начав с задних лап. Внезапно обе мы чувствуем острую боль. Я подношу к глазам руку, потом до меня доходит, что больно не мне, а ей. Заноза в лапе никуда не делась. Хватаю ее лапу, быстро нахожу занозу и осторожно вынимаю. Боль сразу стихает.

Сия продолжает умываться, я решаю последовать ее примеру и неслышно, не скрипнув ни одной половицей, поднимаюсь на второй этаж. Я стала человеком-кошкой? Теперь я гораздо острее, чем раньше, чувствую запахи. Доказательство? Проходя мимо дверей, я могу точно определить, кто за какой спит. В конце коридора я останавливаюсь у приоткрытой двери милой комнатухи. Она предназначена мне, на кровати мой рюкзак.

Долой букет свежих цветов на комод! Я выставлю его в коридор и закрываю дверь. Опрятная комната залита утренним светом, просачивающимся сквозь жалюзи на узком окне. У меня собственная ванная комната с большой ванной! Этой роскоши я не могла себе позволить очень долго — уже не вспомню, сколько именно. Я отворачиваю кран и раздеваюсь у кровати. Оказывается, все это время на мне был черный кафтан — а я и не замечала. На моей собственной одежде осталась пыль пустыни. Стягиваю рубаху Элифаса, майку, джинсы с обрубленными штанинами. Ноги у меня такие грязные, что я испытываю стыд; вот что значит отдать свою обувь саблезубому тигру! Раздевшись догола, я изучаю себя в стоящем на комод зеркале. Волосы выгорели, теперь я блондинка. Кожа заметно побелела. Я никогда не была особенно загорелой, но чтобы так!.. На плечах следы от когтей с запекшейся кровью. Я смутно помню боль. Замечаю еще одну перемену, заставляющую меня покраснеть: грудь! Наконец-то появилась! Не знаю, радоваться или огорчаться этому. Это одно из многих изменений. Его последствия, в отличие от последствий статуса чародейки, мне по крайней мере ясны.

Я с наслаждением погружаюсь в теплую воду. Какое блаженство! Хватаю мыло и ожесточенно тру свою полупрозрачную кожу. Образуется бурая пена. Я с ног до головы покрыта пылью пустыни. Теперь понятно, почему люди бегут в города. Здесь хотя бы нет песчаных червей и необозримых пространств гонимого ветром песка.

Выбираюсь из ванны и заворачиваюсь в большое полотенце. Одежды, оставленной мной в комнате,

больше нет, вместо нее на кровати лежат толстые облегающие штаны, как у Элифаса, рубашка одного со штанами цвета охры, ботинки и нижнее белье из моего рюкзака — выстиранное и уже сухое. Горничная здесь под стать Жому: умелая и скромная. Кроме прочего, она сообразила, что мне не нужно платье. В отличие от Ваишали, прекрасно выглядящей в своем наряде принцессы, я себя в таком совершенно не представляю.

Завязываю шнурки, когда в голове раздается sireна тревоги. Я срываюсь с места и несусь вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки.

Я влетаю в гостиную.

Жоло след простыл. Сия, впившаяся когтями в спинку кресла, рычит на двух догронов.

«ВРАГИ!» — кричит во мне ее внутренний голос.

— Нет, это друзья! — возражаю я.

Это наше первое расхождение. Я очень люблю догронов, но, глядя на них глазами пантеры, понимаю ее испуг. Это хищники втрое крупнее ее. У них клыки и когти охотников, от них разит свежей кровью, в горле у них клокочет огонь, как в жерле действующего вулкана.

Таких нетрудно испугаться.

— Микилitsи! — грохочет грозный Сафр. — Откуда здесь этот пусинуилак? Почему от него пахнет тобой?

— Потому что она — это я, — отвечаю я, словно это само собой разумеется.

Не спуская глаз с догронов, медленно перевожу наш разговор Сие.

— Как ворон твоего брата? — спрашивает Маргуль.

— Да, это моя оори, — подтверждаю я.

Я опускаюсь на диван и поднимаю руку. Пантера спускается со спинки кресла и с видом хозяйки кладет мне на колени передние лапы.

— Здесь многовато нерсут. Твое счастье, что у меня полон наак. — И Сафр плюхается в кресло, со смехом хлопая себя по набитому брюху.

— Охота удалась? Трудностей не возникло?

Маргуль улыбается во всю пасть.

— Еще как удалась! Императорский лес лучше всех! Это было даже слишком легко. Поохотишься в следующий раз с нами?

— Зачем?

Маргуль показывает на Сию, следящую за ним с притворным безразличием.

— Пусинуилак — прекрасные загонщики. Их боятся многие животные. Если к тебе перешел ее инстинкт, мне не терпится это увидеть.

«Мне тоже», — слышу я голос Си.

Предложение догрона мне по душе. Самой любопытно, что со мной будет через неделю. Хотелось бы хотя бы остаться в живых... Я соглашаюсь, рассудив, что риск невелик.

Комната постепенно заполняется. Первой входит Ваишали. При виде Си, сидящей у меня на коленях, она краснеет и рассыпается в извинениях, объясняя, что эта особенность чародеев была ей неведома. Ей так не по себе, что на глазах у нее появляются слезы. Если бы она знала, как я рискую, она не потащила бы меня в город. Смотрю на нее с удивлением. О каком

риске речь? Случившееся совершенно невозможно было предугадать. Я успокаиваю ее, доказывая, что она совершенно ни при чем.

Элифас и Жоло входят вместе, садятся на диван напротив и с любопытством разглядывают меня и мою оори. Теперь все в сборе. Карасу слетает с плеча моего брата и садится на оленье рога на стене. Молчание все длится. Мне неудобно находиться в центре внимания.

— Что такое? — обращаюсь я к Жоло, не сводящему с меня глаз.

— Извини. Я не думал, что это произойдет так быстро, иначе обязательно предостерег бы тебя.

— К чему еще мне следует готовиться? О каком еще фокусе ты забыл меня предупредить?

Жоло качает головой, тряся волосами-перьями, откашливается и отвечает:

— Тебя ждет еще несколько дней эмоциональной нестабильности.

— Всего несколько дней? — вмешивается Элифас с задорной улыбкой. — У меня, помнится, подростковый кризис тянулся дольше.

Я хмыкаю. Он прав. Встреча с Сией положила начало периоду нестабильности, грозящему затянуться на годы. Спасибо за подарочек. Здравствуй, юность.

«Вдвоем мы обречем равновесие, — слышу я мудрую Сию. — Мы же с тобой сверстницы. Мы в том возрасте, когда взрослые смотрят на нас с жалостью и терпением. Твой брат забыл, что это такое».

Я прикусываю губу, чтобы не заулыбаться от последних мыслей пантеры. Вряд ли Жоло понравилось бы, что над ним смеются.

— Отправимся на север. На Белом острове находят убежище такие, как мы. Сейчас там живут Ави и его близкие. Это место известно теплым источником, из которого вместе с водой брызжет сильное волшебство. Колдуны туда не суются, потому что там слишком много таких, как мы.

Мне не терпится увидеть этот пропитанный волшебством уголок, где свободно живут чародеи-альбиносы со своими оори. Но главное, от чего трепещет мое сердце, — мысль, что я увижу отца.

С беспокойством поворачиваюсь к остальным. Неужели нашему сотрудничеству пришел конец? Я к ним привязалась, мне было бы больно с ними разлучиться.

— А вы, Элифас, Ваишали?

— Я с вами, — отвечает землепроходец, сверкая глазами. — Это редкая возможность изучить легенды чародеев, старающихся не привлекать к себе внимания. Вы — мой пропуск на Белый остров.

— И я! — восклицает принцесса. — Я так долго томилась взаперти, что не представляю себе одиночества в этом городе. Моя мечта — путешествия, а что может быть лучше путешествия с вами? Если вы, конечно, не возражаете.

— Ну что ты! — кричу я, кидаясь ей на шею.

Я оглядываюсь на догронов. При мысли о разлуке с ними у меня опускаются руки. Сафр качает головой, косясь на брата.

— Мы еще не бывали на севере... — мечтательно бормочет Маргуль.

Теперь я висну на шее у него. Он рад прижать меня к себе. Сия, разлегшаяся на диване, сопровождает происходящее довольным урчанием.

Всю первую половину дня мы готовимся к выступлению. Двигаясь на север континента, мы должны будем пешком перейти горы. Жоло предупреждает, что переход может затянуться на неделю, все будет зависеть от нашей расторопности. Я кладу в рюкзак припасы — Нана наготовила еды на всех. Как может Элифас раз за разом отправляться в поход, разлучаясь с такими чудесными людьми? По-моему, он мало ценит своих родителей, живущих, как он сам мне объяснил, в гораздо более роскошных хоромах рядом с императорским дворцом. Эта «скромная» усадьба предназначена для сынка, склонного к мотовству. Мне трудно себе представить, что Элифас — потомок одного из местных Великих Семейств. Но он получил воспитание, превратившее его в безупречного модника; любознательность и страсть к истории довершили остальное.

После чудесного обеда все собираются в холле. Впервые мы так хорошо подготовились. Даже Виашали сменила платье принцессы на штаны и теплую куртку. Ей и мне перешила одежду Элифаса Марисса — она не только горничная, но и умелая портниха.

Слышится конское ржание. Это сигнал к выступлению. Все вместе вываливаемся наружу и кидаемся в возок. Так мы доедем до леса, в котором накануне охотились догроны. Дальше двинемся пешком.

Набившись в тесный возок, мы умолкаем. Карасу сидит на голове у моего брата, Сия приютилась у меня между колен. До чего странно снова отправляться в путешествие! Я провела в доме Элифаса считанные часы, но успела прижиться и почувствовать себя там как дома.

На опушке высаживаемся.

От красоты пейзажа у меня захватывает дух. Слева раскинулся густой хвойный лес, справа виднеется город Йолин-Анх, окруженный Красной пустыней. Видна даже безупречно прямая линия канала.

Мы ступаем на извилистую тропу, теряющуюся в зарослях.

Сия вне себя от радости, она носится вокруг отряда, скачет между стволов, распугивает птиц, катается по свежей траве, с удивительным проворством лазает по деревьям и ловко спрыгивает с любой высоты.

Благодаря слиянию наших сознаний я погружена в бурные переживания своей оори. Я как пьяная: хохочу, кручусь с блаженной улыбкой, меня пронзают заряды энергии, от которых я со счастливым кудактаньем пускаюсь в пляс. Со стороны это, конечно, смешно, но я ничего не могу с собой поделать.

Если бы не Жоло, наблюдающий за моими припадками, я бы уже раз десять удрала неведомо куда.

Часа через два подъем вдруг становится крутым. Тропа резко сужается, теперь мы вынуждены красться по ней гуськом: цепочку возглавляет Элифас, следующая — Ваишали, за ней — догроны, я, Жоло, — он замыкающий.

Сия немного успокаивается, и я могу сосредоточиться на самом походе. Пока меня все радует: на этой высоте солнце палит не так рьяно, хотя подъем заставляет попотеть.

Вокруг ни души. Нынче в горы поднимаются одни пастухи, объясняет Жоло. А вот в войну по этой тропе часто пробирались чародеи, устремлявшиеся к Белому острову.

Вечером, молча отужинав, мы, предварительно договорившись об очередности несения караула, засыпаем, прижавшись друг к дружке. Лес только кажется пустым: здесь часто орудуют бандиты, которые под покровом темноты присваивают имущество редких путешественников.

Первой сторожит сон остальных Ваишали, мне выпало быть последней.

Несмотря на усталость, меня одолевают сновидения-паразиты. Я охочусь на кролика. Почуввав зверька, я сторожу его нору. Долго ждать не приходится: кролик кубарем выкатывается наружу, и я бросаюсь на него, выпустив когти. Он пищит и сопротивляется что есть мочи, но против моих клыков он бессилен. Я с наслаждением сжимаю ему шейку и чувствую во рту вкус крови. Я стискиваю челюсти, трещат позвонки. Зверек обмякает, все его мышцы разом расслабляются. Я швыряю теплое тельце на землю и вспарываю брюшко. До чего вкусное мясо!..

Неприятное пробуждение. Во рту остался вкус кроличьей плоти, и я понимаю, что пережитое не сон. Желудок категорически против, меня вот-вот вырвет. Сия реагирует мгновенно. «Оставь меня в покое!» — требует она и немедленно прерывает нашу с ней мысленную связь. Я не знала, что так можно. Из нас двоих оори быстрее освоилась с этим новым состоянием.

Неподалеку от меня бодрствует Маргуль: пришел его черед нести караул. Он интересуется моим самочувствием; отвечаю, что мне приснился плохой сон, и снова ложусь, чтобы, глядя на звезды широко распахнутыми глазами, погрузиться в раздумья. Вокруг и внутри

меня все так быстро изменяется, что я уже не знаю, кто я такая. Пантера быстро привыкает к новому состоянию, и у меня возникает подозрение, что перейти от животного к человеческому легче, чем наоборот.

Мне тревожно. До какой степени я лишусь своей сущности?

«Слишком много размышляешь, — думает оори, возвращаясь на свое ложе. — Из-за тебя меня чуть не вырвало».

Прошу прощения, вспоминая посетившие меня во сне картины.

«Тебе понравилась охота?»

Я глажу ее густую шерсть, не зная, что ответить. Для меня это был первый опыт такого рода — признаться, захватывающий.

«Тем лучше. Раз так, в следующий раз, надеюсь, ты меня избавишь от твоей рвоты». Ироничная Сия кладет голову на лапы и засыпает.

Перед рассветом меня будит Элифас. Я буду сторожить лагерь, он — досыпать. На меня разом обрушиваются бесчисленные головокружительные запахи: росы, сухой хвои, бурлящего в стволах деревьев сока, зеленого мха, дерна, перегноя.

Насколько мне передаются чувства Сии? Я подобна полуслепой, впервые в жизни надевшей очки. Все вокруг обрело небывалую четкость. В лощине, как беглая тучка, задержался туман. На горном склоне затевают прыжки по камням рыжие лисы, это настоящий танец диких красок. На ветке, подсвеченной восходящим солнцем, что-то ярко блестит. Это огромный

жук-бронзовка, переливающийся как ограненный алмаз. Раньше я не обратила бы внимания на эту диковину.

Мой сеанс созерцания прерывает пробуждение спутников. Молча собираем поклажу и идем дальше, ловя утреннюю свежесть. Сосновый лес редет, сменяясь низкорослым колючим кустарником с липкими от выступившего сока иголками. Элифас вынужден орудовать мачете, прорубая нам путь: кое-где тропа полностью заросла.

— Раньше здесь можно было пройти беспрепятственно, — сетует Жоло, обходя высоченную агаву. — Проводники следили, чтобы колдуны могли пользоваться тропой днем и ночью. Цель состояла в том, чтобы как можно быстрее скрыться из занятых колдунами городов.

Парящая в вышине хищная птица временно отвлекает меня от мыслей. Набравшись смелости, я спрашиваю Жоло:

— Как ты переносишь трапезы Карасу?

Смех моего брата похож на карканье.

— Когда Карасу впервые принялся за подгнившее мясо, меня вырвало. Мне было лет одиннадцать-двенадцать, я еще не умел отделять свое сознание от его. Ты должна понять, что сейчас ты и твои оори находитесь в почти непрерывном контакте. Это как до отказа открученный кран. Постепенно вы научитесь управлять потоком.

— Сия уже научилась. Этой ночью она охотилась, а я чуть все ей не испортила.

— Для нее не всегда очевидно, что ей мешаешь именно ты. Но это полезное упражнение для вас обоих. Полагаю, тебе тоже хочется время от времени оставаться наедине с собой.

Я не знаю, как перейти ко второму вопросу, не дающему мне покоя. Несколько минут я молчу. Мы пересекаем речное русло, перепрыгивая с валуна на валун. Замечаю в воде блеск чешуи, и рот немедленно наполняется слюной, хотя я никогда не была любительницей рыбы. Когда мы снова выстраиваемся гуськом на тропе, я останавливаюсь и обращаюсь к брату:

— У меня неприятное чувство... Я не перестану быть человеком?

Он улыбается и откидывает со лба волосы, чтобы внимательно посмотреть на меня.

— Уже то, что ты задаешь такой вопрос, доказывает, что это тебе не грозит. Ты всегда будешь собой. Просто в тебе прибавится кошачьего, а в Сие — человеческого.

Обнадежившись, ускоряю шаг. День проходит спокойно. Наш отряд теперь работает как хорошо смазанный мотор. Вечером мы рассаживаемся вокруг костра, разведенного неподалеку от горной речки, через которую мы переходили за день раз пять.

После ужина Элифас, грея пальцы о кружку с горячим чаем, предлагает побаловать нас какой-нибудь из известных ему легенд. Он напоминает, что у него передо мной должок — увлекательный рассказ. Я хлопаю в ладоши, но выдвигаю условие: пусть расскажет о себе.

— Зачем? — удивляется наш скромник. — Какой в этом интерес?

Остальные молчат, но по их внимательным взглядам я вижу, что они меня поддерживают. Человеку, умеющему в одиночку выживать в пустыне и не попадаться некроманту, определенно есть что рассказать.

— Мне интересно, кто он, Элифас Финеас из семейства Галлор, — настаиваю я, целясь пальцем ему в грудь.

Он вздыхает, ворошит палкой угли в костре и начинает...

— Родился я, как все вы знаете, в Йолин-Анхе. Я младший сын Галлоров, принадлежащих к Великим Семействам, основавшим город. В школу я никогда не ходил, у нас были домашние учителя. Оба мои брата — они значительно старше меня — уже занимались семейными делами. Обе старшие сестры считали меня безмозглым сопляком. Я рос одиночкой в окружении книг. Обожал читать о приключениях путешественников на полюса, пренебрегающих всеми опасностями ради встреч с неведомыми племенами. У моих родителей были старые книги об Йолин-Анхе. Город был гораздо интереснее, чем казался. Я умирал от желания побывать в кварталах, описанных на этих страницах, но мне запрещалось покидать Верхний город. Все, что мне оставалось, — развивать свое воображение.

Но период грез закончился, когда мать решила, что мне пора начать приносить пользу семье. Из соображений семейного престижа меня определили в императорскую армию. Началось мое военное образование: я осваивал бег, единоборства, верховую езду, фехтование, военную стратегию и снова единоборства. — Элифас качает головой. — Как видите, в моей жизни нет ничего увлекательного, никому она не интересна.

— Продолжайте! — требую я, не обращая внимания на его умоляющий взгляд.

Не знаю, что меня заставляет его понукать. Наверное, желание разобраться, кто такой на самом деле этот модник-мастер на все руки. Я догадываюсь, что внешность обманчива и что за его изящной небрежностью и тягой к скитаниям кроется что-то иное.

Он отодвигается от костра, теперь его лица не разглядеть, только в глазах по-прежнему отражается танец пламени.

— Что ж, у нас необыкновенная группа, я всем вам доверяю. А главное, я в долгу перед вами, милая Сага, тем более что вы делите с нами все лишения. Только учтите, того, что вы сейчас услышите, никто не знает, в том числе мои родные, слышавшие совсем другую версию событий. — Элифас вздыхает. — Дальнейшая моя история далеко не так забавна...

Дождавшись, чтобы все обратились в слух, он продолжает:

— Когда мне было десять лет, меня похитили. Я был в конюшне, бинтовал ногу лошади, и вдруг некто в черном ударил меня чем-то по голове, заткнул кляпом рот, крепко связал и бросил в повозку с сеном. Полчаса я трясся почти без чувств по ухабистой дороге, а потом меня втолкнули в темный сырой полуподвал. Единственным источником света там служило узкое окошко под потолком. Как только меня развязали, я принялся орать — и опять схлопотал по голове. Мой обидчик был загорелым здоровяком со сломанным носом. Он молча поднялся по лестнице и запер дверь.

Собрав силы, я стал дергать дверь, но, конечно, напрасно. Тогда я принялся за окно, в котором мелькали ноги прохожих. Я надрывался от крика, силясь привлечь

их внимание, — все бесполезно. Сломанный Нос вырвал у меня из-под ног ящик и исколотил до полусмерти.

Очнулся я от выплеснутого мне на голову ведра холодной воды. Надо мной стояли двое: Сломанный Нос и разодетый в пух и прах незнакомец, чьи руки все были унизаны кольцами, хотя рукам этим, похоже, привычнее было бить, чем ласкать. Он мягко стелил, но, видно, насилие было ему куда привычнее. Настоящий медведь, прикинувшийся ягненком. На одном ящике он разложил бумагу, чернильницу, перо, на другом — хлеб с курицей и одеяло. Они предложили сделать: мне будет что есть и чем укрываться, если я послушно напишу под диктовку письмо.

Я немедленно согласился. Как еще я мог поступить? Слишком силен был испуг, чтобы артачиться. Письмо было не к моим родителям, а к братьям. Разодетый требовал, чтобы они ушли с некоего рынка, о котором я впервые слышал. Выполните наши требования — и мы выпустим вашего братишку. Медведь прочел мои каракули, пригляделся к подписи, довольно потрепал меня по голове и был таков. Как только дверь закрылась, я набросился на еду, а потом уснул на полу, замостившись в ветхое одеяло — отныне единственную мою драгоценность. Засыпая, я улыбался до ушей.

Моей неволе не было конца. Раз в день Сломанный Нос швырял мне с лестницы ломти хлеба и плесневелые сухари. Изредка он расщедривался даже на фрукты. Так прошло две недели. У меня живот прилип к хребту, ввалились щеки. Сколько я ни блуждал по своей темнице, разжился всего-навсего длинным плотницким гвоздем, который опасливо спрятал в карман.

Потом Человек-Медведь вернулся и заставил меня написать второе письмо. В тот раз предложений у него не было, и он был очень зол. Завершив диктовку, он поспешно скрылся.

Я снова стал ждать.

Когда спустя неделю он появился в третий раз, я понял, что мои братья не уступают шантажу. Очередное письмо предназначалось уже моим родителям. Это было откровенное требование выкупа. Он сделал ножом надрез на моей правой ладони и велел приложить руку к бумаге — расписаться кровью.

Мать и отец меня любили и, конечно, должны были заплатить.

Однако Человека-Медведя след простыл. Шли дни. Сломанный Нос навевался ко мне все реже: через день, даже через три. Я превратился в обузу. От слабости я перестал считать дни, все время спал и вставал только крайним усилием воли. Как-то раз, проснувшись, я осознал, что конец близок: я отсюда уже не выйду. Либо родители заплатили Медведю, и тот сбежал, махнув на все рукой, либо моя семейка принесла меня в жертву своей алчности. Так или иначе, ждать появления Сломанного Носа больше не приходилось. Я был обречен на смерть.

Засыпая, я зажал в кулаке гвоздь, свое единственное оружие, как якорь, которым я еще цеплялся за жизнь.

Шли часы. Когда Сломанный Нос открыл дверь, я был наготове. Я метнулся к нему, но был так слаб, что рухнул к его ногам. Он со смехом отвесил мне несколько пинков. Я схватил его левой рукой за лодыжку, он нагнулся, чтобы меня отцепить, и тогда я что было силенок всадил свой гвоздь.

Мое орудие мести со страшным звуком вонзилось ему в глаз. Он с ревом схватился за кровоточащую глазницу. Я воспользовался моментом и выскользнул в коридор. В глубине виднелась открытая дверь, я устремился туда.

Оказавшись на улице, я ослеп от света. Голова кружилась, за спиной раздавались вопли раненого. Не раздумывая, я бросился вперед. Я отчаянно вилял между прохожими и разносчиками. Я превратился в дикого зверя, вырвавшегося на свободу после месяца в неволе.

Наконец, ноги у меня подкосились, и я рухнул в каком-то темном углу. Там я дождался ночи. Сломанный Нос не появлялся. Неподалеку рылась в куче отбросов бродячая собака. Призом за ее старания стала кость с остатками мяса. Когда собака затрусила прочь с добычей, я принялся рыться в отбросах вместо нее. Проходившая мимо женщина, сжалившись, дала мне кусок сыра, и я расплакался от благодарности.

Кое-как утолив голод, я задумался. Судя по плачевному состоянию улиц, вокруг были трущобы. Сам я был отталкивающе грязен: свалявшиеся патлы на голове, лохмотья вместо одежды, босые ноги, руки в коросте и в запекшейся крови. Я провел в своем углу остаток ночи — первой за много недель на свободе.

Утром вернулся голод, во сто крат более сильный. Я стал слоняться по рынку, истекая слюной и близкий к обмороку от запахов всевозможной снеди и жареного мяса. Выглядел я как бродяга, и продавцы гнали меня прочь. Но я твердо решил, что не сдамся. Больше часа я наблюдал за одним продавцом фруктов и заметил, что, отдавая сдачу, он становится невнимателен. Воспользовавшись таким моментом, я украл целый плод

манго. Я наслаждался своей добычей под прилавком, не зная, что меня засекли. Я уже обсасывал косточку, когда мне на плечо легла тяжелая рука.

Поймавший меня парень имел такой заурядный вид, что запомнить его было невозможно. Речь без всякого выражения, средний рост, лет двадцать, не красавец и не урод. Я ждал, что он меня поколотит, но Кикуват оказался одним из опытейших воришек во всем городе, увидевшем во мне соперника. По моей одежде, пусть и превратившейся в лохмотья, он догадался, что я выходец из зажиточной семьи. Мой ум, проворство и тонкие пальцы — все указывало на предрасположенность к искусству фокусника, такому полезному при краже. Мешала разве что моя бросающаяся в глаза рыжая шевелюра.

Кикуват предложил мне крышу над головой и накормил. Его дружелюбный взгляд был счастливым утешением после пережитого. Вместо одного дня я провел с ним целых два года. Я больше не думал о родных и не сомневался, что ими я прочно забыт. У искусного вора было несколько учеников, промышлявших по всему городу. Они относились ко мне по-братски и делились премудростями воровского ремесла, а Кикуват добавлял ювелирные тонкости: как взламывать замки, отводить колдовство, лазить по стенам, становиться невидимкой. Я мало-помалу расширял свою территорию и добивался значительных успехов. Я был неуловим. Чтобы оставаться незаметным, я каждое утро мазал волосы сажей.

Все кончилось в тот день, когда я выпотрошил карманы не тому человеку. Дело было в сезон дождей, на город обрушился ливень, смывший с моих волос

сажу. Я толкнул в деловом квартале мужчину и стянул у него карманные часы. На мою беду, жертва ходила в сопровождении охранника, которого я не заметил. Охранник схватил меня за руку в момент, когда я собирался сбежать. Обворованный взглянул на меня, и мы тотчас друг друга узнали. Отличающие всю нашу семью огненные вихры, суровый взгляд, шрам на скуле... Я обворовал своего старшего брата.

После моего исчезновения братья убедили родителей, что я сбежал и искать меня бесполезно. Это каприз избалованного мальчишки, утверждали они, я слишком ленив для военного образования, прячусь где-то поблизости, рано или поздно голод выгонит меня из дыры. О первом письме шантажиста братья, конечно, умолчали. О втором тоже. Получив письмо с требованием выкупа, мать с отцом заплатили деньги, ничего не сказав сыновьям. В нашей семье никогда не умели разговаривать по душам. Не получая новостей, родители сочли меня мертвым.

Старший брат отвел меня домой, мать чуть не утопила меня в слезах, отец поздравил дружеским похлопыванием по плечу, сестры чуть не задушили в объятиях. Вопросов никто не задавал, считалось, что все пойдет как прежде. Сам я помалкивал. Они ничего не поняли: для них я успел умереть, для умиротворения моей души они даже сожгли тряпичную куклу. Мое возвращение было возвращением на два года назад, стирало все, что произошло за это время.

При любой возможности я убегал к Кикувату. Мать это не принимала, ее пугала мысль о новом исчезновении младшего сына; на всякий случай она поставила ко мне сурового слугу. Но уже через неделю

я опять предстал перед своим наставником и все ему рассказал. Он по привычке выслушал меня, не задавая вопросов. Когда я закончил, он спросил, что я буду делать теперь, когда мне больше не нужно воровать, чтобы выжить. Я ответил, что хотел бы использовать его науку для крупного предприятия, которое вынашивал с раннего детства: проникнуть в тайны Йолин-Ахта. У него загорелись глаза. Он сказал, что знает кое-какие всеми забытые места, занесенные песками, и что умиряет от желания раскопать другие.

Он проводил меня до городских ворот и показал странные захоронения, затерявшиеся среди старинных укреплений. В них покоились останки воинов, преобретенных колдовством. Со стороны пустыни эти могилы были невидимы; в случае нападения их обитателям предстояло воскреснуть и вступить в бой. Покрытые рунами скелеты столетиями ждали, когда будет произнесено давно забытое заветное слово.

В городе насчитывались сотни подобных тайн. Все свои юные годы я посвятил их раскрытию на пару с Кикуватом и обработке наших находок. Когда мне стало тесно, я отправился на поиски загадок, скрываемых пустыней. Так с тех пор и не останавливаюсь.

— Вот это да! — восторженно восклицаю я, когда Элифас умолкает. — Это и есть, по-вашему, «нечего рассказывать»? Вы сами — ходячая легенда!

— Вам никогда не хотелось отомстить Человеку-Медведю? — интересуется Маргуль.

— Не успел. Через несколько недель после моего бегства его нашли отравленным в игорном притоне. Того, кого я прозвал Сломанным Носом, я порой встречаю на рынке у Восточных ворот — одноглазого, вечно

голодного, кланчащего на еду. Он и так уже в аду, какая месть?

275

Когда у костра воцаряется молчание, от него уже остаются одни угли. Наш землепроходец сидит и задумчиво смотрит в пустоту, остальные укладываются спать. Я стараюсь поудобнее устроиться среди камней и кактусов. Но мне не до сна, из головы не выходит рассказ Элифаса.

Переворачиваюсь на спину, лицом к звездам. В императорской армии Элифас уже дослужился бы до генеральского или по меньшей мере до полковничьего чина. Но похищение все изменило. На этом его жизнь могла бы прерваться, но он сражался, чтобы выжить, вырвался на свободу, встретил человека, который помог ему стать хозяином своей судьбы. Прямо как я. Бегство стало важнейшим шагом в моей жизни. Оно повлекло хаос, преобразивший все вокруг меня. Не скажу, что мне не нравится моя нынешняя жизнь. Просто это совсем не то, чего я ждала, покидая домашний уют.

Одно не вызывает сомнения: мне повезло с друзьями. Мы идем, едим, беседуем. Нам хорошо вместе. Я была бы рада, если бы это путешествие никогда не кончалось.

«Мне тоже хорошо», — поддакивает Сия, растягиваясь рядом со мной с набитым рыбой брюхом.

Я бы покорила душой, если бы сказала, что не скучаю по прежней жизни, по чувству надежности. Нынче я сознаю, что жизнь без страха — роскошь, которой я пренебрегала.

«Мне тоже нравилось быть котенком. Все время бездельничаешь! Мать охотилась вместо меня, стерегла наше

логово, вылизывала меня. Я спала, играла, ела и была счастлива. А потом мать взяла и бросила нас, потому что мы выросли. Мне пришлось искать, где охотиться и где спать в безопасности. Это было нелегко. Позже меня поймали, избили, заставили голодать. Дальше я встретила тебя. Хотелось бы мне сегодня опять обернуться котенком? Нет, клянусь всеми степными газелями!»

Легко так говорить, когда ты клыкастая и когтистая дикая кошка! Мне сложнее, я больше не ребенок, но еще не стала взрослой. Это промежуточное состояние таит больше неопределенностей и опасностей, чем я могла вообразить.

«Вы, люди, слишком долго взрослеете, — думает, зевая, Сия. — Ладно, спи. Тебе это полезно».

И Сия замолкает. Ее дыхание замедляется, становится ритмичным, мирным. Убаюканная им, я тоже засыпаю.

Мы достигаем вершины горы, а солнце — зенита. На юге, насколько хватает глаз, простирается красный океан пустыни. На севере — буйство природы, зеленые волны лесистых холмов. С востока на запад тянется позвоночник горного хребта, ревниво препятствуя смешиванию красного и зеленого.

Я впервые занимаюсь альпинизмом и хочу верить, что самое трудное уже позади и спускаться будет легче. Но не тут-то было! Северный склон куда круче южного. То, где нам приходится ползти, уже не назвать тропой, из-под ног все время скатываются камни. Даже Сия смотрит в оба, чтобы не поскользнуться и не рухнуть в пропасть.

Бездна справа от нас обещает неуклюжему неудачнику долгий полет. Я испуганно хватаюсь за каждый крупный камень. В конце концов мы разбиваемся на пары, связанные веревкой. Первая пара — Ваишали с Элифасом, замыкающая — мы с Жоло. Догроны гораздо ловчее остальных, они идут в середине, довольно далеко и от авангарда, и от арьергарда, чтобы не угодить под искусственный камнепад.

Все молчат, сосредоточенно делая шагжок за шагком и обдирая руки в кровь об острые камни.

Связка Элифас — Ваишали сворачивает за огромный валун и исчезает из виду. Я слышу хлопанье крыльев: наверняка это возвращается после воздушной прогулки Карасу. Я задираю голову, чтобы высмотреть его в небе.

Раздается удивленный крик. Я успеваю оглянуться и увидеть, как неведомое крылатое существо слету врезается в Жоло. Мой брат летит в пропасть.

«Жоло!» — вырывается у меня.

Дальнейшие события укладываются в несколько секунд.

Веревка, связывающая меня с Жоло, натягивается, как струна. Меня тащит вниз следом за братом. Я упираюсь, но силы неравны, Жоло тяжелее меня. Я падаю на колени, камни катятся, увлекая меня за собой, мне не за что ухватиться, чтобы задержаться хотя бы на самом краю. Под моими ногами уже разверзается пустота. Я истошно визжу, впиваюсь пальцами во что ни попадя, режу себе ладони, но сползаю все ниже...

В последний момент я нащупываю опору, камень в форме волны. Я хватаюсь за него из последних сил, но вес брата перетягивает. Сейчас я разожму пальцы и...

Внезапно Жоло перестает увлекать меня вниз, как будто стал невесомым.

В синее небо взмывает белый ворон.

Я испытываю огромное облегчение, хотя положение мое незавидно. Я повисла на скальном отроге, болтая ногами в воздухе.

Я боюсь даже моргнуть, настолько тонок волосок, на котором висит моя жизнь.

Наконец две мозолистые ручки хватают меня за запястья. Это Маргуль. Он поднимает меня, как пушинку, и ставит на ноги.

— Я старался не опоздать! — говорит он извиняющимся тоном, будто ему есть в чем себя упрекнуть. — Ты в порядке?

Крепко обнимаю догрона. Я обязана ему жизнью!

Рядом с нами садится белый ворон. Шурша перьями, он быстро снова превращается в человека.

— Сестричка! — кричит Жоло. — Ты не пострадала?

— Кажется, нет...

Штаны порвались на коленях, ладони содраны в кровь, ногти сломаны, зато я жива. Боль — ерунда, счастье остаться в живых ни с чем не сравнимо.

Но облегчение длится недолго.

В нескольких метрах от нас с гадким смехом приземляются две крылатые фигуры. Это гарпии, похожие на тех, что атаковали нас в лабиринте: огромные страусиные лапы, торс в перьях, крылья. Правда, у этих более смысленный вид, чем у их пустынных родственников. Примостившись на скале над нами, они складывают свои длинные крылья — у одной они серые, у другой черные — и смотрят на нас с гримасами, не предвещающими ничего хорошего.

— Сосана будет доволен, — произносит Серокрылая писклявым голосом.

— Верно, сестренка, — отвечает ей Чернокрылая. — Наконец-то мы до них добрались.

Жоло выразительно смотрит на нас. В его взгляде читается послание — но о чем оно?

— Цепляйся и держись! — шепчет мне Маргуль, понявший Жоло.

Он набирает в легкие воздуха и выпускает в сторону гарпий язык пламени. Чудища с испуганным криком вспархивают со скалы. Догрон не мешкая хватает меня в охапку и мчится по узкой тропинке вниз.

Он прыгает, скользит, катится кубарем. Я покоряюсь — будь что будет. Это вопрос жизни и смерти. Меня утешает, что впереди, рядом с Сафром, пружинисто бежит Сия. Вскоре мы настигаем Ваишали и Элифаса, которые, отвязав веревки, нетерпеливо ожидают нас.

От гарпий нас теперь отделяет выступ скалы площадью в полсотни квадратных метров. Они нас преследуют, огонь отпугнул их ненадолго. Когда они приземляются совсем близко от нас, Маргуль ставит меня на землю и мягко, но властно задвигает себе за спину. Сия встревоженно жмет к моим ногам.

«В жизни не видела таких толстых птиц!» — признается она, и обе мы издаем глухое рычание. Гарпии вызывают у меня слишком неприятные воспоминания.

— Мы не любим огонь братьев-догронов, — начинает разговор писклявая Серокрылая.

— Догроны — мальчишки-пакостники, — подхватывает Чернокрылая.

— Пакостники, пакостники! — заливается Серокрылая.

— А ведь Сосана прислал им подарочек.

— И какой подарочек!

У каждой на поясе сумка. Дружным движением они вынимают из своих сумок по красному камешку с черными письменами, так же дружно наклоняются, кладут камешки на землю и быстро пятятся, хлопая крыльями.

Земля содрогается. Там, где гарпии оставили свои дары, вздымается фонтан камней и глины. Я различаю голову, туловище, руки, ноги... Мне трудно поверить своим глазам: из кусков скалы и из глины складываются два существа. Во лбу у каждого мерцает, как символ проклятия, красный камешек.

— Да унесут меня ветры пустыни, — бормочет Элифас, отшатываясь, — если это не...

— ...големы, — договаривает за него Ваишали, испуганная ничуть не меньше.

Сафр с ревом изрыгает пламя. Огонь лижет туловища големов, не причиняя им вреда. Одно чудище как ни в чем не бывало делает шаг вперед, не сводя с нас каменных глаз.

Догроны по очереди плюются огнем, но безрезультатно. Сафр набрасывается на выступившего вперед голема и осыпает его ударами. Чудище спокойно вздымает каменную руку и машет ею, как будто отгоняет муху. Бедняга Сафр отлетает назад, как пушинка, тяжело обрушивается на камни, катится, но потом ловко встает на ноги и хищно улыбается.

Мне, сказать по правде, не до смеха. Кто эти существа, превосходящие силой даже догронов?

В бой вступает Маргуль. Он со свирепым рычанием кидается на голема, опрокинувшего Сафра, и с разбегу

толкает его в бок плечом. Чудовище, вдвое превосходящее его ростом, отступает, чтобы удержаться на ногах. Я понимаю намерение Маргуля: он решил дотолкать противника до края пропасти и уронить туда. Сафр тоже это понял и спешит на помощь брату. Голем медленно пятится.

Жоло тем временем принимается за второго. Я хочу ему помочь, но меня удерживает Ваишали: она жестом приказывает мне остаться. Я подчиняюсь, возмущаясь, но при этом признавая ее правоту. Кто я против чудовища, отшвыривающего догрона одним тычком?

Мой брат пытается сам с ним сладить. Он хочет упереться руками ему в спину, но голем оборачивается и обрушивает на него кулак. Я взвизгиваю. Жоло отпрыгивает в сторону, уклоняясь от удара, потом выпрямляется, виснет на ноге противника и с невероятным проворством карабкается ему на спину. Настоящий акробат! Он садится на голема верхом, тот пытается его стряхнуть, но его неуклюжие руки слишком коротки. Брат кладет ладони ему на голову, закрывает глаза и замирает.

— Что он делает? — удивляюсь я.

— Понятия не имею, — бормочет Ваишали.

Но объяснение не заставляет себя ждать. Чудище колотят судороги. Мелкое подергивание быстро сменяется жуткими спазмами всего тела, покрывающегося зелеными ростками. Повинуясь волшебной силе, растительность развивается на глазах, и голем путается в ней, как в сети, мешающей двигаться. Вскоре росток посередине груди превращается в древесный ствол, быстро обгоняющий ростом и толщиной соседние. Корни пробивают грудь, чудовище разваливается, начинается камнепад. Голем уже плохо держится на ногах, все заметнее качается. Жоло спрыгивает на землю,

и в следующую секунду от чудища остается только груда камней и зеленой трухи. Ваишали отпускает мою руку и спешит к останкам голема, чтобы извлечь из них красный камешек. Наверное, думаю я, в противном случае голем возродится.

Догроны тоже не тратили время зря. Сафр наносит решающий удар, и второй голем падает в пропасть. Слышен грохот, стук камней. Потом становится тихо.

Тем временем на каменном выступе продолжается бой: Элифас, размахивая мачете, не подпускает к себе гарпию. Ваишали спешит к нему на помощь, ловко обстреливая черные крылья твари камнями.

— Где другая? — спрашиваю я, разглядывая выступ.

Ответом мне становится удар в грудь. Я задыхаюсь, мои ноги отрываются от земли.

— Сосана наставлял: «Не забудьте про девчонку!»

Гарпия, сжав меня своими тощими ручонками, шумно бьет серыми крыльями, взмывая в воздух.

Меня тащат все выше, я отчаянно сопротивляюсь, но тщетно, Серокрылка гораздо сильнее, чем можно судить по ее облику. Внизу беснуется Сия. В могучем прыжке она цепляет гарпию за когтистую страусиную ногу. Заразившись неистовством оори, я кусаю похитительницу за руку.

Кровь Серокрылки попадает мне в горло, но ее хватка не ослабевает. Я сильнее стискиваю челюсти. Однако гарпия отбивается от Сии и продолжает подьем. До земли уже метра три-четыре.

Новый прыжок Сии, щелканье клыков в пустоте. Бессилие опрокидывает пантеру на землю.

Помощи больше ждать неоткуда, все зависит только от меня. Отчаяние прибавляет мне сил. Я вовремя вспоминаю фильмы, герои которых попадали в похожие ситуации. Сжимаю зубы и наношу резкий удар затылком. Раздается треск — надеюсь, Серокрылка получила по носу. Она с воплем разжимает хватку, и я падаю с высоты нескольких метров...

До чего же жесткая земля!

Хочу тотчас вскочить на ноги, но не тут-то было. Кружится голова, перед глазами темно. Голос Ваишали совсем рядом приказывает мне не шевелиться.

Я шарю вокруг себя, ища Сию. Она трется своей шелковистой мордой о мою вытянутую руку. То, что она рядом, для меня отрада. «Молодчина!» — хвалит она меня про себя. «Ты тоже», — отвечаю я с мысленной улыбкой.

Шершавый язык лижет мне лицо. «Вампирья кровь, ням-ням, вот это деликатес!» — радуется она. Я вдруг понимаю, что имел в виду Жоло, говоря об «очеловечивании» Си: она уже освоила иронию — форму юмора, на которую не способно никакое животное.

С усилием сажусь. Все тело ноет, но, кажется, обошлось без серьезных ранений. «Здорово ты шлепнулась!» — веселится Сия, зевает и довольно потягивается. Она спокойна: я вне опасности.

Вокруг нас собираются остальные. Только Сафр прижимает к себе поврежденную руку, остальные, видно, отделались испугом. Я страшно рада этому и не могу справиться со слезами облегчения. В жизни столько не плакала, сколько со времени своего появления в Эфире! Впрочем, никогда и не стояла на пороге гибели.

— Они улетели, — предупреждает всех наш исследователь, видя, в каком приподнятом настроении мы собираем разбросанные вещи.

— Они вернутся, — подхватывает Жоло. — Нам надо поскорее спуститься в лес. Пока мы остаемся на виду, нам грозит новое нападение.

Мы торопимся дальше. Теперь, к счастью, спускаться легче. Уже через несколько минут появляются первые деревья. Я немного отстаю от других, хотя усиленно разрабатываю ноющие мышцы. Я вся покрыта синяками и ссадинами, спина и подавно сплошной кровоподтек. Из головы не выходят сцены боя, а также вопросы. Куда девались гарпии? Вернулись к своему создателю для доклада? Вряд ли сумасшедший Гразиэль смирится с неудачей.

Мы разбиваем привал в березовой рощице. Ночи ждать еще два часа, но нам пора остановиться. Я, к примеру, все равно далеко не ушла бы.

Роли распределяются сами собой. Ваишали наносит на поленья руны, позволяющие развести бездымный костер, Маргуль собирает хворост, Жоло, обернувшись птицей, облетает на пару с Карасу периметр, Элифас расчищает площадку и готовит пищу. Я ни на что не годна, могу только сидеть и наблюдать. Сия с удовольствием берет с меня пример. Сафр опускается рядом со мной. Я замечаю, что он бледнее обычного.

— У меня перелом талик, — объясняет он в ответ на мой вопрос. — Но битва была что надо!

— Надо что-то делать!

— Боль терпимая, — отмахивается он.

— Врешь! Я же вижу, как ты поддерживаешь руку.

— А что? Хочешь меня лечить, микилится? — с вызовом усмехается он.

Я удрученно качаю головой. Лечить догрона мне не под силу. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь. Такое же бессилие я ощущала в разгар боя. Я трусиха, обуза для остальных.

Отползаю от догрона и приваливаюсь спиной к бревну неподалеку от разгорающегося костра.

«А вот и нет! — возражает мне Сия, только притворившаяся спящей. — Я тоже не вступала в драку. Муравей бессилен против слона, вот в чем причина. И потом, ты все-таки укусила эту крылатую женщину до крови!»

«Это потому что оказалась под угрозой моя жизнь, — мысленно отвечаю я. — Я испугалась за себя и за свою оори, вот и все».

«Ты отлично справилась. Только в следующий раз пусти в ход когти».

Откуда у меня когти? Я с сомнением изучаю свои ногти. О ужас! Они превратились в толстые треугольники с острыми кончиками.

«Ты воображаешь, что беззащитна, но это не так. Ты — моя оори, — поучает Сия. — Клыки, когти, гибкость — вот что такое дикая кошка!»

Трогаю кончиком языка свои зубы. Новый удар! Зубы стали гораздо острее. Потому у меня и получилось от души укусить гарпию! При приближении Жоло я прикрываю рот ладонью. Что он скажет на эту новость?

— Все хорошо?

Я мычу с зажатым ртом.

— Ты проявила завидную отвагу!

Пожимаю плечами. Я по-прежнему переживаю, что мало помогла своим друзьям. Вспоминая, как сражался

с големом мой брат, я испытываю зависть. Он — настоящий герой, а я сплеховала как неопытная девчонка. Я убираю ото рта ладонь и с горькой усмешкой отвечаю:

— Я пальцем не шелохнула, сидела и трусливо глазела на твои подвиги. Терпеть не могу быть бесполезной.

— Зато ты отбилась от крылатой женщины.

— Помогло вот это.

Я демонстрирую клыки и когти. У него округляются глаза.

— Спасибо Сие, у меня теперь есть чем обороняться. А мне бы хотелось овладеть волшебством, как ты.

— Можно взглянуть? — Он берет мои руки в свои.

Он озабоченно трогает мои когти, потом со знанием дела заглядывает мне в рот.

— Что-то не так? — пугаюсь я.

— Ты и твоя оори провели вместе меньше недели. Обычно физические изменения происходят медленнее. Как я погляжу, у тебя все по-другому.

— В смысле?

— Обычно молодой чародей встречает своего оори между семью и десятью годами, в возрасте, когда он еще живет в детском теле. Метаморфозы, связанные со слиянием душ, занимают годы, есть время к ним привыкнуть. Но на тебя волшебство действует быстрее, будто старается наверстать упущенное. Очень интересно!

— Прекрати, ты меня пугаешь! Взросление — это само по себе непросто, а тут еще эта метаморфоза...

— Изменения, связанные с созреванием, тебе лучше обсудить с женщиной. В этом я недостаточно подкован, — ворчит Жоло с гримасой.

Мимо как раз идет Ваишали. Я произношу ее имя и вижу краем глаза, как белолицый Жоло густо

краснеет. Выходит, чародеи тоже умеют краснеть? Меня забавляет его смущение. Напрасно он вообразил, что я намерена болтать о «женских штучках», у меня другие заботы.

— В чем дело? — спрашивает красавица, откидывая длинные темные волосы.

— Ты знаешь целебные руны?

Она утвердительно кивает. Жоло облегченно переводит дух, я с трудом сдерживаю улыбку. Я указываю подбородком на Сафра. Ваишали смотрит на догрона с обидой.

— Я предлагала ему помощь, но он отказался. Не хочет, чтобы колдуны наносили руны на его раны.

Ваишали бредет дальше, поджав губы. Я не хочу ей говорить, что понимаю сомнения Сафра.

— А я? Я тоже могу помочь, — предлагает Жоло. — Только скажи!

— Мы можем исцелять других?

Я-то думала, что наши чары действуют только на нас самих.

Дня не проходит без новых открытий!

Я направляюсь к догрону, Жоло идет за мной. Усевшись по-турецки, я объясняю Сафру, что мы намерены предпринять. Он кивает с горделивой улыбкой.

— Вот видишь! Я же говорил, микилитси. Ты можешь вылечить мою талик. А ты не верила!

Обеими руками беру его руку. Жоло садится справа и тихо шепчет мне в ухо:

— Закрой глаза. Дыши медленно, сосредоточься на своих ощущениях.

Я повинуюсь. Кожа Сафра кажется мне холодной. Это скорее чешуя, похоже, будто я трогаю змею.

— Ты привыкнешь. Дыши! Сейчас ты услышишь свое восприятие. Из чего состоит его рука? Из мышц, сухожилий, связок, костей. Восприятие должно быть гармоничным, но в случае повреждения это не так. Слышишь диссонанс в музыке тела? Ты меня понимаешь?

Мои руки, держащие руку Сафра, теплеют, как будто питаются от внешнего источника — не от само-го ли догрона? Я внимательно ловлю ушами голос Жоло, руками — голос тела раненого. Для меня все это ново. В последний раз я слушала музыку леса, неторопливую протяжную песню. Сейчас я имею дело с совершенно другим организмом. Я чувствую пульс Сафра, в моих пальцах звучит музыка. Она не вполне гармонична, мелодию что-то нарушает.

— Слышу... — бормочу я.

— Наступает самый ответственный этап. Сосредоточься на собственной музыке. Это и звук, и энергия. Это как могучий вулканический шум. Зачерпни из этого бурлящего котла и перелей немного лавы в нашего друга догрона. Думай о месте, где ты уловила диссонанс. Это место — твоя мишень. Сосредоточься.

Я слушаю. В гуще симфонии трепещет мое собственное сердце. Оно слишком разогрелось. Я мысленно вытягиваю из себя нить и обматываю ею болезненное место на руке догрона. Лава бежит, как вереница звуков, по моим венам и выплескивается туда. Мои руки горят и при этом поют — неведомое прежде чувство, синтез, кажущийся мне теперь естественным. Это не боль, а что-то совершенно другое. Магия, волшебная сила...

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем Жоло командует:

— Хватит, остановись. Достаточно.

Но у меня не получается выпустить руку Сафра. Все мое тело словно окаменело от небывалого усилия. Между пальцами продолжает течь музыка. Потом контакт резко прерывается: Жоло силой заставил меня отпустить руку догрона. Я стискиваю собственные руки, чтобы унять жар и дрожь.

— Открой глаза, — приказывает мне брат.

Голова кружится. Перед глазами плывет, как будто меня разбудили посреди сна и мне трудно сосредоточиться на реальном мире.

— Посмотри на меня! — требует Жоло.

Пересиливая себя, поднимаю на него глаза. Мне трудно разглядеть даже его, тем более все вокруг. Жоло щелкает у меня перед носом пальцами, я вздрагиваю — и возвращаюсь в реальный мир. Тело, правда, все еще неподвижно, я так изнурена, что могу прямо здесь забыться сном.

— У тебя отлично получилось! — хвалит меня Жоло. — Осталось научиться вовремя останавливаться. В твоём возрасте волшебные способности быстро истощаются. Правда, их восстановление тоже происходит очень быстро.

Я пытаюсь подняться, но на меня набрасывается что-то огромное, и я оказываюсь высоко в воздухе. Громодина пахнет серой и дышит на меня какой-то гадостью.

— Накурмик, микилитси! — ревет Сафр. — Ты меня вылечила!

Он стискивает меня так, что трещат ребра, и аккуратно ставит на землю.

— Вылечила, вылечила! — не может он нарадоваться, сгибая и разгибая руку. — Гляди! Больше не болит!

— Неужели я это сделала? — лепечу я, плохо шевеля как ногами, так и мозгами. — Правда?

— Пошли. — Жоло ласково подталкивает меня вперед. — Идем к остальным, заморим червячка. Тебе полезно поесть.

Я шагаю, как автомат, к бездымному костру, разожженному Ваишали. Все уже сидят, едят, беседуют. Я плюхаюсь рядом с Элифасом. Он о чем-то меня спрашивает, я ни слова не понимаю. Кажется, будто меня выпотрошили, теперь я холодная и безмолвная, словно меня покинула вся музыка. Жоло садится рядом со мной, Сафр показывает свою руку. Все восторженно ахают, наперебой поздравляют меня, я пытаюсь улыбаться и отвечать, но мышцы лица отказываются подчиняться.

Перед моим носом щелкают пальцы, я вздрагиваю. Это Жоло, он пытается привлечь мое внимание.

— Пожалуй, тебе будет лучше поесть потом. Я отложу тебе порцию. А ты поспи.

Поспать? Мне не надо предлагать дважды. Валиюсь здесь же, кладу голову брату на колени и немедленно отключаюсь.

Чудесное пробуждение.

Утро.

Кроны тонких молодых березок пропускают нежный солнечный свет. Ко мне вернулась полная гармония с окружающим миром, легкие мерно вдыхают и выдыхают, как хорошо смазанная машина. Приятно

снова чувствовать себя хозяйкой своего тела. Я мысленно проверяю ушибы на спине и на боках. Как будто порядок, боль прошла. Не знаю, как такое может быть, но, выходит, я выздоровела во сне. В животе громко урчит, это напоминает о более прозаических нуждах. Я умираю с голоду. Подключается обоняние. Справа тянет чем-то вкусным. Поворачиваю голову туда. На плоском камне для меня оставлен хлеб, сыр, сухофрукты, остается только руку протянуть. Сажусь и сразу начинаю есть.

Я не спеша жую инжир и вдруг спохватываюсь: уж больно спокойно, тихо в роще. Вокруг теплой еще золы никого, не считая Сафра, весело сгребającego камни, образовывавшие ночью очаг. Я встаю и подхожу к нему, он беззаботно оборачивается.

— Где остальные?

— Ушли.

— Ты не стал меня будить?

— Не стал. Я сказал остальным: посторожу микелитси.

Мне очень стыдно. Я сразу догадываюсь, почему они ушли без меня, и Сия подтверждает мою догадку из тени под березами: «Тебя не смогли растолкать. Они ушли час назад. После такого отдыха ты, наверное, полна сил, мы в два счета их нагоним».

Я вскакиваю и хватаю свой рюкзак. Это сигнал выступать. Сия права, я полна сил.

— Жоло ждет в надежном месте, это недалеко, — успокаивает меня Сафр, уже ступивший на тропу.

— Что за место?

— Когда мы до него дойдем, половина пути останется позади.

Как мы ни торопимся, все утро мы идем одни, ушедшие раньше остаются недостижимыми. Упоительно пахнут кедрами, тропа покрыта густым слоем ароматных иголок, но я знаю, что мы не заблудились, потому что часто натываемся на знаки, оставленные специально для нас: венок из сухих веток, выложенная из камешков стрелка, переломленная волшебством Жоло ветка...

К полудню выныриваем на лесную опушку. Перед нами луг с густой травой, неподалеку пасутся ленивые козы. Посреди этого океана зелени стоит двухэтажный дом-шале под островерхой крышей. К западу от него бурлит, обтекая круглые валуны, горный поток, превращающийся ниже в равнинную реку.

Настоящий альпийский пейзаж с открытки! Все необходимое налицо. Не сомневаюсь, что на деревянных перилах балконов вырезаны сердечки, а на окнах белеют кружевные занавесочки.

Мы спускаемся по склону и бодро пересекаем луг. Теперь, когда мы на месте, наши шаги дополнительно ускорились. Мы давим на ходу дикую мяту, запах которой щекошет ноздри. Воздух свеж и чист, синее небо прозрачно. При нашем приближении из высокой травы с пронзительными криками вспархивают птицы. Сия забавы ради преследует их, но слишком лениво. В эти мгновения безмятежности, подаренные природой, мы обе совершенно счастливы.

Перед домом мы сбавляем шаг.

Я угадала: перила балконов в сердечках, на окнах кружевные занавески. Так красиво, что даже не верится.

Сафр громко стучит в массивную дверь. Низкий голос приглашает нас войти. Любопытная Сия шмыгает внутрь вместе с нами. Удивительно, но в углу нет

Карасу. Странно... Ворон Жоло должен быть где-то здесь.

293

Мы видим только незнакомца, склонившегося к огню, больше на первом этаже никого нет. У длинного обеденного стола много стульев, но все пусты. Опять странность... Еще не поздно, так где же Жоло, Элифас, Ваишали, Маргуль?

Человек в тяжелом плаще с поднятым капюшоновым ворошит в очаге угли. Сафр закрывает дверь, я осведомляюсь, где наши друзья.

— Конечно, конечно. — Незнакомец поворачивается и сбрасывает капюшон. — Все здесь, наверху. Они пленники.

У меня спирает дыхание.

— Скрофа?! — ревет Сафр, удивленный не меньше меня.

Я приглядываюсь к типу в плаще и узнаю маленькие глазки и клыки человека-кабана. Ничего не понимаю! У меня на глазах стая кровососущих тварей порвала ему глотку. Кто же перед нами?

Он задирает голову, показывая нам горло. Я вижу свежие швы, тянущиеся вниз, под плащ.

— Сосана меня заштопал. Я весь новенький: новое сердце, новая кровь. Сосана дал мне поручение: лети с женщинами-птицами, дождись девочку без имени, а потом самого Сосану. Он уже близко, скоро будет здесь.

Сафр с яростным ревом выпрямляется во весь рост и кидается на врага. Но человек-кабан успевает с юркостью змеи выхватить из углей красный камень размером с яйцо и швырнуть его в догрона. Сафр лишь усмехается — снаряд для него, такого великана, ничтожно

мал. Но камень вместо того, чтобы отскочить, впивается в его тельняшку и начинает входить в грудь.

Догрон замирает, как вкопанный, и с содроганием смотрит на камень, уже погрузившийся в него на сантиметр. Из раны валит рыжий дым.

Еще секунда — и мой друг грохается навзничь.

— Сафр! — кричу я, подбегая к нему.

— Подарочек для Сафра, — ухмыляется Скрофа. — Привет от Сосаны. Умри, догрон.

Я падаю на колени и пытаюсь вырвать из груди Сафра камень, запустив пальцы в круглую рану.

Она раскалена, я невольно отдергиваю руку. Камень не ухватишь, он горяч, как расплавленный металл.

Из зияющей раны начинает хлестать кровь, густая до черноты.

Меня охватывает ужас, руки и ноги сковывает леденящий холод.

Не хочу терять Сафра!

Я пытаюсь зажать рану ладонями, чтобы из догрона не вытекла вся кровь. Не получается! Рана слишком велика, моих ладоней не хватает. Кровь уже пропитала тельняшку, лужа на полу увеличивается на глазах.

Я застыла, бессильно слежу за мучениями друга. Взгляд Сафра затуманен, он бормочет что-то непонятное, тщетно пытается откашляться, хрипит. Теперь кровь течет струйкой изо рта, значит, уже пробито легкое.

— Микилитси, — выдавливают он со стоном. — Спасай меня. Как вчера. Давай, у тебя получится.

Я смотрю на свои окровавленные ладони, на гримасу догрона — это он пытается подбодрить меня улыбкой, хотя его уже покидает жизнь.

— Все получится, — повторяет он, задыхаясь, и теряет сознание.

«Помоги ему!» — требует Сия.

Мысленно приказываю ей обратиться, из-за нее я не могу думать, слишком велик страх, что и ей достанется.

Она отказывается, у нее другой план: напасть на человека-кабана. В моей голове появляется картинка: пантера рвет его заштопанную глотку.

Этот вариант я отвергаю. Дверь не заперта, беги, умоляю! Ты должна выжить.

Она уступает. Я вижу краем глаза, как она шмыгает в щель.

Чувствую глубокое облегчение. Моей оори не быть жертвой человека-кабана.

Скрофа не заметил нашего диалога, он ликует при виде бегства пантеры. Судя по выражению его поросячьих глазок, он очень доволен происходящим.

— Коварная девчонка! Ты совсем другая, белая! Теперь вас, белокожих, двое. Сосана будет доволен, он любит кромсать таких беленьких. Сосане пора заменить Стража снов.

Пытаюсь пропустить мимо ушей мерзкое хрюканье человека-кабана и гоню от себя воспоминание о заколдованных доспехах, содержимое которых я уничтожила несколько дней назад. Мне надо не слушать, а сосредоточиться на Сафре и на красном камне, тонущем в багровой крови догрона.

Если что и поможет умирающему, то только волшебная сила. Чтобы пустить ее в ход, я должна как следует сосредоточиться.

Опускаю голову и кладу ладони Сафру на грудь. Мне уже знакома песня его тела, я слушала ее вчера, когда лечила ему руку. Это сильно облегчает мою задачу.

Я напрягаю слух. Да, вот она, музыка. Сейчас это несвязная мольба. Мне нельзя мешкать, меня подгоняет сумасшедшая нота.

«Скорее, скорее!» — торопит она.

Я черпаю силу из источника у себя внутри и направляю ее к ране догрона, к страшному камню-убийце у него в груди. Вся надежда на то, что колдовство само сделает все остальное.

Тело Сафра вытягивается, придавленное внезапным энергетическим напором, сердце не просто бьется, а отчаянно колотится, дыхание прерывистое — все это благодаря моим усилиям или это действие проклятого камня?

Я вслушиваюсь в музыку и прихожу в ужас от того, что слышу.

Она становится тише.

В надежде на еще теплящуюся во мне крохотную искру волшебной силы я пытаюсь удерживать тело догрона под контролем. Мышцам у него на груди я приказываю сократиться и вытолкнуть камень, сердцу — не переставать биться.

Сафра скручивает судорога, так его тело отзывается на мою мольбу.

Сердце сокращается раз-другой, но напрасно, кровь по-прежнему хлещет из зияющей в груди раны — черная, вязкая, липнущая к моим ладоням.

Меня мутит.

Одной мне не справиться, у меня не хватит сил.

— Пожалуйста, Сафр... — шепчу я, призывая его постараться хотя бы немного.

В ответ звучит его тихая музыка. Она доносится откуда-то издалека, она — как песня летящей прочь птицы, как призрачная, угасающая ласка.

— Сафр?

Музыка смолкает.

Ни финального аккорда, ни всплеска.

Просто тишина.

Жуткая, оглушающая.

Тишина.

Я смотрю на свои руки, обогранные кровью друга.

Смотрю на Сафра, на огромное неподвижное тело передо мной.

Оно безмолвно.

Это невыносимо.

Я снимаю руки с окровавленной тельняшки.

И жду...

Он ведь оживет?

Потому что он сильный. Он догрон, он сильнее смерти.

Не может же он...

Умереть?

Или он...

Или Сафр уже умер?

Стоя на коленях перед телом догрона, я стараюсь выжать из себя слезы. В голове туман, ни одной отчетливой мысли. На меня накатывает тугая волна ужаса и бессилия. Все мускулы одновременно обмякают,

и я валюсь на грудь догрона, уже не в силах приподнять даже руку.

До меня вдруг доходит: я полностью опустошена.

Во мне не осталось ни капли волшебной силы.

Я зашла слишком далеко. Вчера Жоло предостерегал меня от этой опасности.

Теперь я бесполезна.

Я потерпела поражение. Я не спасла Сафра.

Мерзну.

Вместо сердца у меня осколок арктического льда.

Как мне холодно!

— Смешно! — звучит надо мной голос Скрофы. — Столько магии — и все без толку.

Я борюсь со сном. Как я могу позволить себе уснуть в крови друга? Слышу за спиной слова врага.

Нужно сопротивляться...

— Хорошая чародейка, но неопытная. Тебе не спасти догрона. Напрасные старания. Жаль, ты проиграла без боя. — Он хохочет.

Рука тащит меня назад. Скрофа сгребает меня за шиворот, как котенка, и стаскивает с догрона. Я шлепаюсь на пол, почти бесчувственная от страшной усталости и безмерной печали.

Мои веки тяжелы, как свинец.

Мое сердце холодно, как льдина.

Если бы я только могла...

В ВОЛШЕБНОМ КРАЮ

Внезапно я просыпаюсь. Я лежу вытянувшись, с закрытыми глазами. Вокруг тихо. Все, что я слышу, — это поскрипывание крыши от слабого ветерка.

Сафр...

Эта мысль пронзает мое сердце, как стрела, выпущенная из тугого лука.

Если бы все это оказалось сном... Жутким кошмаром, который я стряхнула, очнувшись...

Мне бы заплакать. Или закричать.

Но ничего не происходит.

Сиюсь открыть глаза, но веки не слушаются. Силюсь приподнять руку.

Никак!

Я парализована.

Или просто не до конца проснулась?

Я обдумываю этот вопрос и прихожу к выводу, что все-таки бодрствую. Не ловлю себя на сонных нелепостях. Но, чувствую, кто-то запер меня на ключ.

Паника!

Я сосредоточиваюсь на своих ощущениях. Подоймю что-то мягкое, не иначе матрас. Руки лежат ладонями вверх на простыне. Значит, я в постели, скорее всего, в номере постоянного двора. Лежу растянувшись, дышу свободно, не считая...

Что-то мне мешает.

Какая-то тяжесть на груди.

Меня чем-то придавило. Что это по ощущениям? Что-то круглое и плоское. Тяжелое, как камень. Именно камень.

Я напрягаю слух. Сейчас меня занимает магия этой штуковины.

Ответ не заставляет себя ждать. Необязательно открывать глаза, чтобы догадаться, что на мне лежит расписанный рунами камень, вроде того, что создал големов и потом убил Сафра (какая жуткая мысль!). Камень образует подобие пустоты. Его природа искажена насильственно примененной к нему магией. Камень положили на меня, чтобы вызвать паралич. Тем лучше: отрезанная от собственного тела, я сама легко прибегну к волшебству.

Как поступил бы в такой ситуации Жоло?

Так же, как он поступил на барже, перед дверями, исписанными рунами. Он бы прислушался.

Но деревяшка и камень — разные вещи. Камень, в отличие от древесины, не живая материя. Он зафиксирован в определенном неизменном состоянии.

Но разве у меня есть выбор?

Нет. Я должна любой ценой освободиться до появления колдунов, потому что их способности я видела на примере того, что сделал Скрофа с Сафром...

Нет, об этом лучше не думать.

А Жоло? Где Жоло?

Мне нельзя лишиться брата.

Сначала Сафр, потом он...

Стоп!

Недаром сказано: всему свое время.

Первым делом свобода, остальное потом.

Сначала я должна избавиться от камня. Вся надежда на то, чтобы услышать его магию. Я ничего не смыслю в волшебстве, но у неведения есть достоинство: я не догадываюсь, где пролегают его границы.

Теперь поиск.

Я принуждаю свое волшебное «я» открыться ощущениям камня. Он состоит из скальной породы, кварца, лавы. Камень помнит вулканические извержения. Я улавливаю низкие нескончаемые ноты. Иногда вспышка — перепрыгивание через октаву, потом возвращается прежнее спокойствие. Зной и мороз. Откуда эти воспоминания? Великие холода и великая жара — прямо как в курсе естествознания. Помнится, учитель говорил, что камень чувствителен только к экстремальным воздействиям. Таким способом некогда раскалывали валуны, мешавшие прокладыванию дороги. За неимением отбойного молотка прибегали к силам природы: делали в камне дыру, заливали в нее воду и ждали, пока заморозки сделают остальное. От мороза валун трескался по всей длине.

Почему это сейчас пришло мне в голову? Может, поступить так же с «моим» камнем?

Нырять в его музыкальную монотонность. Тщательный поиск позволяет найти кое-что полезное — жилу в монолите, пронизывающую камень насквозь.

Я прибегаю к волшебной силе. Только она не должна обжигать, сейчас мое оружие, наоборот, холод. Я охлаждаю свое волшебство, чтобы говорить с камнем о бесконечных зимах и вечных льдах.

Я покрываюсь гусиной кожей, но продолжаю. Нужно, чтобы камень вспомнил, что такое лютый холод.

Я уже стучу зубами, но упорствую. Я чувствую чуть заметную — так замедлен ритм — вибрацию жилы. Но мороз делает свое дело, камень становится все холоднее.

Думать просто о холоде мало, я наполняю мысли вечными льдами.

Неподвижными толстыми ледниками.

Бескрайними снегами.

Колоссальными айсбергами.

Многометровым льдом на поверхности океана.

Обжигающим морозным туманом.

Арктикой.

Антарктикой.

Само мое тело теперь — одна синяя льдина.

Вдруг я слышу треск.

Тр-р-р-р!

Бьет ледяная молния — бывает, выходит, и такое.

Камень, не выдержав моей атаки, раскололся надвое.

Сковывавшее меня колдовство больше не действует, я свободна!

Но мои попытки пошевелить руками ничего не дают: задеревеневшие от стужи мышцы отказываются слушаться. Я стремилась сбросить с себя камень, а в результате сама окаменела. Теперь я — ледяная статуя.

Чудовищным усилием воли, корчась от боли, я чуть приподнимаю правую руку и приоткрываю один глаз (у другого смерзлись ресницы). Вся рука в синих прожилках, пальцы скрючены, как у мертвецов, которых я видела в пустыне. Больше у меня ничего не движется. Хуже того, пугающе замедлилось сердцебиение.

Процесс срочно нужно запустить в обратную сторону, не то мне грозит превращение в замороженный труп.

Мне нелегко себя заставить. Несравненно легче признать поражение и присоединиться к Сафру.

Но нет, нельзя оставлять Жоло одним лицом к лицу с колдунами.

Да и Сафр не одобрил бы такого малодушия. Сафр бился до конца.

Где ты, мое волшебство? Представляю себе тающий ледяной пейзаж, капли, сливающиеся в ручьи под пригревшем весенним солнышком. Мое сердце, один робкий удар за другим, соглашается попробовать ожить. Его биение ускоряется, достигает нормального ритма и стабилизируется. Но по мере разогревания тела усиливается боль. Обезболивающий эффект сменяется невыносимым мучением.

Способность двигаться кое-как возвращается, пока что с тошнотворной дрожью во всех членах, с клацаньем зубов, со стуком коленок друг о друга.

С трудом переворачиваюсь на бок, поджимаю к груди колени, и камень съезжает. Уже не обращая на него внимания, я забиваюсь под одеяло, чтобы согреться. Только после этого нахожу глазами камень, распавшийся на две половинки и расплавившийся.

Мне вдруг становится жарко.

Но в этот раз волшебство ни при чем.

Это гордость.

Я победила! Освободилась сама, без посторонней помощи.

Но победное чувство гаснет так же быстро, как вспыхнуло. Возможно, я добилась свободы для себя, но спасла ли я Сафра?

Нет. Как чародейка я никуда не гожусь. Я ноль без палочки, а не чародейка. К тому же свобода свободой, но она ограничена комнатой, где я заперта. Я свободна, но из меня выкачало всю энергию.

Пытаюсь открыть дверь, бесшумно крутя дверную ручку, но результат подтверждает мои опасения.

Заперто!

Человек-кабан проявил предусмотрительность.

Комната обставлена скромно: двуспальная кровать, стол, два стула, железный таз. Моего рюкзака нет, остался внизу.

Можно было бы снять дверь с петель способом, продемонстрированным Жоло на барже, но это вызвало бы сильный шум, а мне нужно, чтобы Скрофа ничего не заподозрил.

Остается окно. Я берусь за оконную ручку. Створки легко распахиваются. И что толку? До земли — пять-шесть метров, спрыгнуть — значит свернуть себе шею.

«А я могу».

Я вздрагиваю.

Сия?!

«Естественно, кто же еще?»

Я так рада снова ее слышать, что слезы наворачиваются. Она жива — какое счастье! Какое...

«Давай потом, — прерывает она мои излияния. — Сначала надо отсюда выбраться. Человек-кабан все еще внизу. К нему пожаловали гарпии. Чернокрылая уже улетела, а другая...»

Я вдруг чувствую во рту вкус крови. Мертва?

«С ней я расквиталась. Больше она не причинит тебе боль».

Моя драгоценная дикарка! Мне хочется прижать пантеру к себе, ощутить под пальцами ее мягкий теплый мех.

«Вот и я!»

В распахнутое окно запрыгивает Сия. Я с чувством огромного облегчения кидаюсь к ней. Мы обе довольно урчим. Как же здорово, что она жива и здорова, избежала колдунов и клыков человека-кабана!

Жива! В отличие от бедняги Сафра...

«Мы за него отомстим. Доверься мне».

Она опрокидывается на спину, чтобы я почесала ей брюшко. Она еще молода, но уже достигла внушительной длины, на бежевой шкуре чернеют широкие пятна. Кое-где пробиваются белые волоски — свидетельство того, что перемены происходят и с ней. Скоро она станет белой, как привидение.

«Не хочу быть привидением. Они не едят, а я люблю поесть», — сообщает она, пока я глажу ее выпяченный живот.

Пора выбираться. Нельзя допустить, чтобы колдуны нашли меня в этой комнате, беспомощной.

«Ну так беги!»

Как?

«Как пантера. Прыжками».

Не могу. До крыши не допрыгнуть. Вниз — слишком далеко. Я застряла.

«Застряла девочка, а не пантера».

«Ты хочешь сказать, что я могу прыгать как пантера?»

«Вспомни, как поступает твой брат».

Я помню, но не знаю, как у него это получается. Человек за секунду оборачивается вороном — как мне последовать его примеру?

«Значит, это возможно. Попробуй, у тебя тоже получится».

Я вспоминаю свою неудачу с Сафром. Волшебная сила мне неподвластна. Ничего у меня не...

«Попробуй, прежде чем признавать свое бессилие».

Смотри-ка, у моей пантеры ума палата.

«Я твоя оори, так и должно быть. Я не просто пантера».

Моя оори!

«Ляг рядом со мной, вытянись, закрой глаза».

Я делаю, как говорит Сия, прижимаюсь к ней, чувствую ее спокойное, надежное присутствие.

«Посмотри на меня глазами чародейки. Пойми, кто я».

Я делаю глубокий вдох и ныряю в пульсирующий во мне колдовской поток. Рядом, внутри Сии, бежит другой поток с мощной энергией. В ней не меньше волшебства, чем во мне. Неужто существуют животные-чародеи? Неужто это оори? Братские души, связанные волшебной силой?

«Так и есть. Я не просто твоя спутница, не просто помощница. Мы партнеры, ты и я, я и ты. Никто не главный, мы равны. А теперь сосредоточься».

Я направляю к ней поток своих чувств. Вот лапы с втягивающимися когтями, вот подушечки лап, твердые и при этом нежные, гибкие лапы, созданные для высоких прыжков, длинный хвост, обеспечивающий равновесие...

«Слушай мое волшебство, а не тело».

Внезапно мне открывается ее волшебная сила. Это мощная, но удивительно мелодичная музыка. Она перемешивается с моей.

Две музыки сливаются. Между ними полная гармония.

Они очень разные, но из их слияния рождается новая мелодия.

Потом моя музыка начинает уподобляться музыке Сии, меняться, совпадать с ней в каждой ноте.

Наши сердца уже бьются в одном ритме.

Тук-тук-тук.

«Ну вот! Неплохо».

Я открываю глаза, полностью сбита с толку. Я смотрю на все совершенно по-новому. Все стало... гораздо четче. Встаю и сразу кренюсь набок: на двух ногах мне теперь не удержаться. Гляжу на свои руки, а это больше не руки, а лапы с густым светло-желтым мехом. Я растопырываю пальцы, выпускаю толстые когти.

Получилось!

Я стала пантерой.

Мое лицо облизывает широкий язык: Сия не может меня не поздравить.

«Ты красавица, сестренка. Почти как я».

Я с довольным урчанием трусь о нее щекой, показывая, до чего горда нашим общим достижением. Я прочно стою на четырех лапах. Делаю несколько

неуклюжих шагов. Я быстро учусь. Когда у тебя хвост, двигаться одно удовольствие: он все время колеблется, обеспечивая равновесие.

Как я раньше умудрялась жить без столь полезного приспособления?

«Вот и я все время удивляюсь: как люди не разбивают себе в кровь лицо, передвигаясь только на двух лапах и даже не имея хвоста?»

Я не успеваю ответить: мне в нос бьют сильные запахи.

Они всюду. Самые разные. Трудно представить такое многообразие. Кровать хранит следы прежних постояльцев. Пятна на полу сильно щекочут мне нос, хотя, будучи человеком, я не подозревала об их существовании. Это старая еда, жир, экскременты, кошачья моча, даже кровь. Мебель и стенные панели тоже источают разные запахи, смотря из чего они состоят: здесь и сосна, и дуб, и олива, и береза, и эвкалипт. Обоняние позволяет мне дополнить карту, рисуемую зрением. Она настолько подробна, что теперь я могу зажмуриться и ориентироваться только по запахам.

«Все, пора!»

Сия зовет меня за собой. Мы скачем по кровати, перепрыгиваем на стол — все это беззвучно, чтобы не привлечь внимание Скрофы. Мое кошачье тело ведет себя безупречно.

«Вперед!»

Сия прыгает на подоконник.

«Я первая, ты за мной».

Она выпускает когти и, цепляясь за неровности стены, выбирается на крышу. Я радостно делаю то же самое. Проще некуда!

Для моих лап крыша еще прохладная, хотя солнце в самом зените. Мир вокруг полон сногшибательных обонятельных подробностей, в них можно захлебнуться. Пыльца, аромат цветов, сосен, запахи животных... Весь мир — огромная головоломка запахов. У меня кружится голова, такое множество сведений поступает в нее через ноздри. Я горю желанием все это исследовать, держа нос по ветру: так я поняла бы, откуда все это доносится.

«Вернись! — зовет меня Сия. — Не дури! Ты хуже безмозглого котенка. Его тоже сбивает с толку малейший запах».

Пытаюсь взять себя в руки, то есть в лапы. Но сидеть неподвижно, как она, невозможно. Меня тянет бегать по траве вокруг дома, лазить по ближайшим деревьям, кувыраться, играть с бабочками...

«За мной! Я знаю, что тебя образумит».

Мы останавливаемся над одним из окон. Наклоняюсь, чтобы посмотреть, что происходит за стеклом. В комнате широкая кровать, на ней лежат, вытянув руки по швам, Элифас и Ваишали. Слишком медленно они дышат, слишком бледны, смахивают на надгробные скульптуры. У обоих на груди по камню — такому же, каким меня придавил Скрофа, с парализующими рунами.

Опять коварная магия!

Сия права: эта картина сразу вернула меня к действительности. Но моей оори этого мало, она ведет меня к еще одному окну, выходящему на другую сторону. Я вижу лежащего, как в обмороке, Маргуля. На его тельняшке тоже роковой камень. Сафра рядом нет. Его нигде нет. Маргуль навсегда лишился брата.

И еще неизвестно, узнает ли он об этом...

Мы с Сией крадемся к последнему окну. За ним комната напротив моей.

Там лежит неподвижный, парализованный Жоло.

У меня сжимается сердце. В отличие от меня, он не сумел разбить камень, лишивший его способности двигаться.

Я быстро понимаю почему.

На лбу у брата еще один камень. Уверена, его назначение — помешать прибегнуть к волшебству. Сознание Жоло отрезано не только от тела, но и от его колдовских способностей.

До боли стискиваю зубы. Как бы мне хотелось немедленно освободить сразу их всех! А я лежу себе на крыше, елжу животом по прохладной черепице, свесив голову и разглядывая безжизненное тело Жоло...

«Терпение, сестричка, — подбадривает меня Сия. — Дождемся удобного момента».

Я встаю и смотрю на Сию, свесившую вниз лапы. Мне бы ее спокойствие! Ненавижу бездействие.

«Ждать — не то же самое, что бездействовать. Когда ты замираешь перед норой будущей добычи, ты действуешь. Здесь то же самое».

Но я не в состоянии просто так сидеть и тратить время. Не могу не думать о других, беспомощно лежащих неподалеку. О подлом Скрофе, мертвом и притом вполне живом. Что хочет, то и делает, взял и пленил пятерых, да еще убил догрона! Очень опасный противник! Тем, что он пока один, нельзя не воспользоваться.

Хватит тянуть с атакой.

Скоро нагрянут его хозяева.

«Нет, слишком поздно».

Что? Почему?

311

«Спокойно. Слушай».

Я напрягаю слух. Ветер дует в нашу сторону и приносит из леса новые запахи, которых не было десять минут назад.

А еще шорохи, шаги крупных животных по ковру из опавших сосновых иголок.

Мы с Сией поворачиваемся на этот звук. Из-под полога леса выезжают два всадника. Это колдуны, я узнаю их даже издали. Их скакуны — те самые бураки, о которых говорили догроны. Невероятные животные, сложенные как лошади, такие же высокие, но гораздо более гибкие. Их мощные ноги заканчиваются когтями, круп покрыт густой шерстью, шея короткая, без гривы. Идеально для горных троп!

Магов накрывает тень. Я прижимаюсь к крыше. Чернокрылка! Только ее нам не хватало!

Раздается истошный визг. Гарпия увидела нас на серой черепице. Нам некуда деваться.

Она разгоняется. Я прижимаю уши и выпускаю когти, готовясь к бою.

«За мной!» — командует Сия и покидает крышу.

Я удивленно провожаю ее взглядом. Бегство? На нее это не похоже.

«Ты хочешь принять бой прямо здесь? На скользкой островерхой крыше? Если потерять равновесие, можно грохнуться и покалечиться. Нет, такое поле боя нам не годится. Доверься мне».

Я тороплюсь за ней и при помощи когтей сползаю по стене вниз. Такой спуск, задом наперед, для меня,

ученицы, непрост, и я довольно грузно шлепаюсь в траву. Сия меня ждет. Глянув на меня своими зелеными глазищами, она убеждается, что я цела и невредима.

«Готова?»

К чему?

«Бежим!»

И она срывается с места, я тоже, подчинившись могучему животному инстинкту. Мы мчимся к лесу. Судя по доносящемуся сверху злобному рычанию, наш маневр сбил Чернокрылку с толку. Хлопая крыльями, она резко меняет направление и летит за нами вдогонку.

«Отлично. Это твоя первая охота».

Мне вообще-то кажется, что охотятся на нас.

«Потерпи», — просит меня Сия, мысленно подмигивая.

Мои мышцы в тонусе, лапы мерно сгибаются и разгибаются, давя густую пахучую траву. Я в полном восторге, ни разу за всю свою человеческую жизнь я не бегала так быстро.

Мы пробегаем мимо трусящих верхом на бураках колдунов, не обратив на них никакого внимания. Они не знают, кто мы. Подумаешь, гарпия гонится за двумя пантерами! Они не знают ни о моей оори, ни о том, что я чародейка. Они появились здесь ради мести, а не чтобы воевать.

Я думаю о Жоло, одиноко лежащем в комнате. Идеальная добыча для парочки колдунов!

Думаю об уничтоженном Страже снов.

Жоло...

«Не медли!» — подгоняет Сия, чувствуя мое колебание.

Я ускоряюсь с мыслью, что в нашем распоряжении считанные минуты.

Не более того.

Я скоро вернусь.

Дождись меня, Жоло!

Мчаться.

Перепрыгивать через препятствия.

Вилить между деревьев.

Снова мчаться. Быстрее, быстрее!

«Сюда!»

Сия указывает мне дорогу в густом лесу. Ее гибкий мускулистый силуэт маячит передо мной.

Крики гарпии, летящей над кронами деревьев, не дают нам расслабиться. Она поливает нас сверху визгливой бранью. Она знает, что ее сестра погибла от клыков пантеры, видела ее растерзанный труп, рыдала над ним и теперь жаждет мести.

Внезапно над нашими головами распахивается окно в листве.

Мы останавливаем бег в скалистой впадине. Позади нас — деревья, впереди и по бокам — каменная стена, сверху — синее небо.

«Лучше не придумаешь».

Сия довольна. У меня совсем другие чувства.

Страх. Угнетенность.

Слишком похоже это место на то, посреди пустыни.

Меня бушуют воспоминания. Ужас при виде наступающего на меня саблезубого тигра, страх, овладевший мной, когда он на меня бросился, боль от его когтей, мои слезы, одиночество...

«Эй, здесь я, ты не одна!»

Я трясую головой, чтобы прогнать эти картины. Сия права, я не одна и уже никогда не окажусь в одиночестве.

«Сегодня тигр — ты! Гляди, вот наша добыча».

Гарпия опускается в нескольких метрах от нас.

— Проклятые кошки! — рычит она. — Дьяволицы! Моя сестра! Вы ее убили. Она была моей семьей!

Она безоружна, волшебного камня при ней нет, только когти и крылья. Нас двое, она одна. Надеется нас одолеть? У нее почти человеческое лицо, на нем горечь и отчаяние. Она потеряла сестру. Сия убила ее.

Боль ударяет меня, как брошенный булыжник. Потерять родную душу, найти сестру растерзанной — как это тяжело! Я хочу с ней заговорить, выказать сочувствие, но я всего лишь пантера, способная только жалостливо мяукать.

В ответ на мое мяуканье гарпия издает почти ультразвуковой воинственный клич, взмывает на несколько метров и налетает на нас, выпятив когти.

Я не двигаюсь, парализованная своими мыслями.

Раскаленной иглой страха.

Тупой болью сострадания.

Тяжестью печали.

«Мяу!»

Сия толкает меня в плечо, увертывается от когтей Чернокрылки и наносит удар лапой ей в живот.

Гарпия ревет от боли.

«Так не дерутся! — возмущается моя оори. — Нечего думать за других. Каждый исполняет свою роль. Твое дело — выжить и помочь выжить спутникам. Мое — помогать тебе. Важно то, что происходит прямо сейчас.

Прошрое можно только пережевывать, пусть этим занимаются коровы. Ты — пантера. Действуй! Давай!»

Я вижу ее будто впервые. Она права. Я так погрузилась в свои чувства, что совсем забылась. Но как...

«Хватит вопросов! — снова приказывает Сия. — В следующий раз ты атакуешь с одного боку, я — с другого. Попробуй достать ее крыло, у птиц это слабое место».

Я сосредоточиваюсь на гарпии. Она отлетает для разгона. Вот она пикирует на нас, несется вниз, сложив крылья на спине.

Ее цель — Сия.

Я отпрыгиваю, она пролетает мимо меня на сумасшедшей скорости, я пытаюсь схватить ее за крыло, моя пасть полна перьев, крыло чуть не своротило мне челюсть. Я не выпускаю его, сжимаю зубы, дергаю головой вправо-влево, повинаясь инстинкту.

Чернокрылка курлычет, хлопает крылом. Я отброшена на несколько метров, вместо перьев теперь во рту пыль. Вскакиваю, чихая и отплеываясь, вокруг меня опускаются, вращаясь, крупные перья.

«Неплохо!»

Я задираю голову. Гарпия пытается взлететь, но из ее правого крыла выдран здоровенный клочок перьев, и это не дает ей набрать высоту и вырваться из каменного кармана. Она неуклюже врежется в стену и падает на землю.

«В атаку!»

Сия бросается туда, где возится Чернокрылка, я тоже. Мне нравится бегать. Несколько секунд — и мы настигаем нашу жертву. В этот раз я без раздумий кидаюсь на нее и впиваюсь в мясистую часть крыла.

Брызжет кровь, я упиваюсь ее вкусом.

Я сильнее сжимаю зубы и слышу, как трещит кость.

Какой восторг!

Сия кидается на толстую лапу гарпии. До меня опять доносится треск кости.

Гарпия кричит от боли, но во мне уже нет сочувствия. Она для меня безымянна, только добыча, только враг, которого надо сокрушить.

Она не может ступить на сломанную ногу и валится на землю.

«Сейчас! За глотку!»

Я выпускаю крыло. Сия запрыгивает гарпии на спину, я тем временем увертываюсь от когтей, быстро нахожу яремную вену и стискиваю челюсти. Мои зубы протыкают тонкую кожу, брызжет горячая кровь. Упоительно! Кровь хлещет мне в горло, еще бурля от толчков сердца крылатой женщины. Вкус ее крови ни с чем не сравнить, это истинный пир. Добыча еще сопротивляется, царапает меня когтями, но я терплю. Постепенно она перестает биться, крик прекращается. Руки падают, сердце останавливается, кровь вытекает медленнее. Я еще разок стискиваю челюсти и слышу треск позвонков.

Добыча уже не реагирует.

«Браво, сестренка!»

Я горда похвалой. Сия лижет мне щеку.

«Лучшее впереди. Отведай!»

Мы вспарываем брюхо убитой гарпии, добираемся до печени — это деликатес. По-сестрински делим приз, запивая его свежей кровью, и продолжаем пиршество, не отрываясь от дымящихся внутренностей. До чего вкусно! Объединение!

Мы едим и едим, не боясь объесться.

Потом моем друг дружку, слизывая кровь, приставшую к нам, как вторая кожа. Кровь сохраняет изысканный вкус, но, высыхая, делается липкой.

Довольно урча, я засыпаю, обнявшись с Сией. Солнце пригревает, мы сытые и усталые.

Настоящий рай!

«Сестричка, просыпайся!»

Я перекатываюсь на спину, зеваю. Не желаю просыпаться! Тем более в такую рань. Или в такой поздний час. В общем, сейчас не время для пробуждения.

Хочу еще поспать.

«Все, пора вставать!»

Ну нет, хочется поспать.

Я нежусь на мягких перышках. Мы уснули на расправленном крыле женщины-птицы, рядом с ее растерзанным брюхом, все еще издающим вкусный запах, несмотря на роящихся вокруг мух. Но мое собственное брюхо туго набито, больше в меня не влезет, а жаль. Вот бы иметь живот вдвое больше, чтобы вдвое больше есть!

Я катаюсь по перьям. Солнце клонится к закату, цепляется за кроны деревьев. Скоро эта мирная гавань окажется в тени. Мы проспали не меньше двух часов.

Но это очень мало.

Ляг, сестричка. Погреемся в последних лучах.

«Нет».

Почему? Ложись.

«Ты забыла о Жоло? О Ваишали? Об Элифасе? О Маргуле? Мы должны были вернуться, чтобы их спасти».

В моей памяти возникают двуногие фигуры. Я отворачиваюсь от них. Мне слишком хорошо здесь. Зачем погружаться в заботы, которые нас не касаются?

Твоя правда, сестренка. Важно то, что происходит здесь и сейчас.

«Прекрати! Вспомни колдунов! То, что они натворили! Представь, что они сделают с твоим братом, если ты не поторопишься!»

Я вздрагиваю. Мой брат!

Это как выбраться из-под огромного клейкого одеяла. Я все вспоминаю. Там Жоло. Колдуны тоже там. Плохое сочетание.

И Сафр...

Я встаю. В животе тяжесть, в голове тоже.

«Хочешь, побежим?» — дразнит меня Сия.

Очень даже хочу. Люблю это дело. Просто обожаю!

«Тогда догони меня!»

Вовлеченная в игру, забываю про переполненный желудок и кидаюсь вдогонку за сестрой. От напряжения сил состояние переполненности быстро проходит.

Легкость возвращается при каждом прыжке.

Еще, еще!

Не замечаю, как мы добегает до поляны. Я останавливаюсь, как вкопанная, рядом с моей оори, замершей под деревьями. Посередине волнистого, как зеленое море, луга стоит знакомый дом-шале. Легкий ветерок колышет позади нас хвою, мы слышим звук, похожий на шепот.

Ярываюсь между желанием вернуться в пахучий каменный угол и тем, что мне предстоит совершить.

Знаю, Сия чувствует то же самое. Все мои мысли для нее раскрытая книга. Но эта взаимность неполная,

потому что моя оори умеет замыкаться гораздо лучше меня. А мне так хотелось бы узнать, о чем она думает!

«Я думаю о том, что мне понравилась наша с тобой вчерашняя охота.

Что из тебя получается хорошая пантера, что ты быстро учишься. Но при всем счастье жить в настоящем, иногда приходится смотреть в будущее.

Я думаю, что люблю Жоло, Элифаса и Ваишали не меньше, чем ты.

При мысли о Сафре мне грустно.

При мысли о Маргуле мне хочется, чтобы он выжил и чтобы мы вместе охотились.

Я думаю, что надо избавиться от колдунов.

И что первым делом надо заняться человеком-свиньей».

Я удивленно смотрю на Сию. Она сидит в горделивой позе, доступной только диким кошкам. Какая она умная, какая чуткая! Какое же везение моя встреча с ней!

«Ты тоже по-своему ничего, сестренка. Ты умеешь вслушиваться в сердца других. Ты не судишь. Из всех людей, которых мне было дано увидеть, ты самая красивая».

Мое сердце разбухает от гордости и любви. Она моя духовная сестра. Раньше со мной такого не бывало. Будь я человеком, прослезилась бы.

«Довольно! — решает Сия, облизав мне напоследок подбородок. — Хватит болтать, пора браться за дело».

Поворачиваюсь к дому. Не видно никакого движения. Неподалеку пасутся два бурака, привязанные длинной веревкой к вбитому в землю штырю. Они могут ходить только по кругу.

Как нам сладить со Скрофой? Он засел дома, отсюда его не достать.

«Мы его выманим», — успокаивает меня Сия.

Через несколько минут мы уже крадемся вокруг двух удивительных травоядных, наполовину лошадей, наполовину кошек. Наша цель — вызвать у них беспокойство. Я кидаюсь на ближайшего, царапаю его когтями, он издает недовольное ржание, брыкается, я отлетаю в сторону. Это так забавно, что хочется смеяться, жаль, пантеры этого не умеют. Я только и могу, что разинуть пасть, наострить уши, выкатить глаза и веселиться. Сия тоже не бездействует: пока я прыгаю буракам на спины, она кусает их за ноги. Бураки знай себе жалобно ржут, топчутся на месте, пытаются удрать — но не тут-то было.

Наконец, из дома выскакивает Скрофа, резко распахивает дверь. Он грозит нам издали длинной палкой.

Обычные дикие кошки удрали бы, мы же вызывающе садимся в нескольких метрах от него.

Он не спеша нас разглядывает. Я вижу, как его черные глазки перебегают от одной к другой. Он не так глуп, как кажется, умеет сложить дважды два. Мое исчезновение, моя колдовская сущность, а теперь пантера, даже две...

На его пороссячьей физиономии появляется ухмылка.

— Вот оно что! Вы же... Маленькая чародейка! Хитро! Сосана очень разозлен твоим побегом. Гадкая девчонка! Он выругал Скрофу. Приказал «найди девчонку», а где Скрофе ее искать? Теперь Скрофа видит, где ты. Скрофа понял. Ты одна из кошек.

Мы с Сией кувыркаемся, надеясь его подманить.

«Ну-ка, подойди, человек-свинья!»

— Вздумали поиграть со Скрофой? Вы уверены, пусинуилак? Скрофа — страж лабиринта. Он умелый охотник.

«Докажи!» — мяукает моя сестра.

Мы с Сией медленно пятимся, ожидая его реакции. Вижу, он с довольным видом идет за нами. Грима на поросячьей физиономии — замена улыбки. Мы торопимся к лесу, Скрофа не отстает, переходит на рысь, не выпуская палку.

Мы бросаемся бежать, человек-кабан тоже набирает скорость. Незаметно, чтобы это доставляло ему неудобство, он удивительно хладнокровен. На опушке он хрюкает и еще больше ускоряется. Я оглядываюсь и с удивлением вижу, что он почти нас нагнал.

«Какая быстроногая свинья!» — возмущается Сия.

Теперь Скрофа мчится со скоростью разъяренного кабана. Настигнув меня, он, нагнув голову, бросается в атаку. Я едва избегаю удара его острых клыков. Он еще и хитер: перегораживает мне путь своей палкой.

Я с разбегу цепляюсь за преграду и кубарем качусь в колючие кусты.

«Сестренка!»

Я оглушена и исколота колючками. Скрофа готов сесть на меня верхом и проткнуть палкой, но я шмыгаю между его ногами и так избегаю удара. Сия кидается на человека-кабана, метя в икру. Но он пихает ее палкой в плечо, и она взвизгивает от боли.

Сия!

Мы стоим плечо к плечу. Она пострадала от палки, я вся исцарапана. Та еще парочка!

Противник разглядывает нас, посмеиваясь.

— Скрофа всегда был хорошим охотником. После того, как Сосана его заштопал, он стал еще лучше. Палка еще быстрее, глаз еще зорче. Ну, поиграем!

«Так ничего не выйдет, — обращается ко мне Сия, стараясь не ступить на одну лапу. — Прямое столкновение бесполезно».

Мы убегаем. Сия хромает, но держится стойко. Мы углубляемся в чащу. Скрофа не прекращает преследование, то хрюкая, то смеясь. Чтобы не получить от него палкой, мы виляем между деревьями и то и дело меняем направление.

Через несколько минут мы оказываемся в густой чаще. Ветви кривых деревьев стелются по земле, кусты образуют плотные заслоны из ветвей и колючек. Здесь мы отрываемся от Скрофы.

Придя в себя после удара палкой в плечо, Сия быстро придумывает план. Я сосредоточиваюсь и добавляю ему последовательности. Развязка близится.

Теперь я одна, усиленно хромаю, припадая на переднюю лапу. Так больно, что мне не до бега.

Заметив меня, Скрофа злоратно ухмыляется. Я не пытаюсь скрыться. Он понял, что я тяжело ранена. Я рычу, обнажая зубы и прижимая уши. Он настукает с палкой наготове. Я пячусь.

— Твоя копия тебя бросила, пусинуилак? Бедная малышка! Скрофа отвезет тебя к Сосане, а потом займется второй. Сосане подавай вас живьем, можно помятыми.

Этот болван не различает нас с Сией. Он принимает меня за сестру. Думает, я ранена.

Я еще пачусь, показывая, как сильно хромаю.

— Не двигайся. Сейчас Скрофа огреет тебя палкой.

Бум! Ты ничего не почувствуешь.

Еще один шажок назад.

— Не ерепенься, кошечка.

Вот здесь в самый раз.

На Скрофу набрасывается тень. Это Сия спрыгнула с высокой ветки.

Не теряя времени, моя сестра вонзает когти Скрофе в лицо и пытается вспороть ему живот задними лапами. Скрофа кричит, колотит палкой пустоту, не попадая по пантере. Я впиваюсь ему в ляжку и выдираю большой шмат мяса. Скрофа громко бранится на непонятном языке.

Свидетелями дальнейшего становятся огромные деревья в густом лесу.

Наш противник невероятно живуч. Сия запрыгнула ему на спину, я наношу укус за укусом, но он стойко отбивается. Потом догадывается удариться спиной о ближайший ствол. Сия, раздавленная его тяжестью, разжимает лапы. Несмотря на раны, Скрофа силен и быстр. Мгновенно развернувшись, он наносит моей сестре жестокий удар. Она далеко отлетает и падает без чувств.

Я злобно рычу вне себя. Скрофа держится на ногах, хотя я выдрала из них несколько кусков плоти. Лицо в крови, щеки стараниям Сии свисают лоскутами. Чудом не выцарапанные глаза мечут молнии.

— Сосана поправит Скрофу, — различаю я среди хрюканья. — Даже порванный на куски, Скрофа оживет вновь и вновь. Благодаря своему господину он бессмертен!

Он замахивается палкой. Я кидаюсь на него, задыхаясь от ненависти и гнева. Что-то внутри меня воспламеняется. Это неподвластное мне колдовское пламя. Оно бьет в человека-кабана тугой струей.

Скрофа застывает с задранными руками. Палка падает в траву. В глазах ужас. Он валится навзничь. Я готова перегрызть ему глотку, но внутри меня звучит подсказка: он уже мертв.

Я остановила его сердце.

Своим волшебством задула его жизнь.

Вместо того чтобы поразмыслить о случившемся, я позволяю пантере неистовствовать: рву и ломаю все, до чего могу добраться. Вся я — обнаженные клыки и выпущенные когти.

Уж в этот-то раз Скрофа не оживет.

«О, моя голова!..»

Я лежу, прижавшись к Сие. То, что она опять шевелится и думает, для меня отрада. Невероятное облегчение!

«Хватит лизаться! Кое-кому не мешало бы помыться!»

Я перекатываюсь на спину, показывая, до чего рада ее выздоровлению.

«Ты вся в крови! А где человек-свинья?»

Везде.

«Как это — вез... Что ты натворила, сестренка?»

Ты была без сознания. Я сомневалась, что ты выживешь. Я вышла из себя. Взбесилась!

«Гляжу, ты накрошила мясца!»

Я...

«Не горюй, сестричка. Но, признаюсь, это... противно».

Противно?

«Кошки так не поступают. Мы убиваем, чтобы есть, а не ради убийства. Ты повела себя неправильно. Кстати, если уж на то пошло, тебе пора принять первоначальный вид».

Нет!

«Полюбуйся, что ты наделала. Это знак. Ты убила, как человек с клыками и когтями. Значит, пора».

Не хочу. Хочу остаться здесь. С тобой.

«Я никуда не денусь. Я твоя сестра, твоя оори».

Останемся в лесу. Здесь так хорошо! Есть, спать, играть — что еще нужно?

«Нет, это не все, ты сама отлично знаешь».

Не желаю слушать!

«У тебя нет выбора».

Не сейчас. Пожалуйста! Давай еще побегаем. Глаза бы мои не глядели на этот труп! Хочу бегать.

«Послушай, сестра...»

В этот раз впереди бегу я. Мне кажется, что, быстро перебирая лапами, можно убежать от неприятных мыслей. Сия не отстает. Чувствую, ей за меня тревожно.

Мы бесцельно носимся по лесу. Скакать и съезжать с горок — само по себе наслаждение. Моя сестра быстро увлекается игрой и тоже забывает о серьезности. Мы лазаем по деревьям, прыгаем с ветки на ветку, спускаемся — и снова устраиваем бег наперегонки.

Время теряет смысл. Удовольствие быть вместе здесь и сейчас — это все, что нам важно.

Важна только игра.

Наши забавы прерывает странная птица — совасипуха, севшая на камень. Такая самоуверенная, что

грех ее не поймать. Она поступила вопреки своим привычкам и вздумала летать в дневное время!

Я пытаюсь к ней подкрасться. Дело не в голоде, а просто в желании поохотиться. Охота — самое веселое занятие. Сия остается неподвижной, это должно меня образумить. Но я слишком увлечена своей забавой.

Три метра.

Два...

Я уже готова к прыжку, когда происходит нечто странное. Сова мутнеет, и внезапно я вижу вместо нее сидящую на камне женщину.

Белую женщину в белом.

Я приросла к земле, окаменев от удивления.

Она смотрит на меня.

На меня, пантеру с бледно-желтой пятнистой шкурой.

Мы с моей сестрой-близнецом пятимся.

Она все поняла раньше меня.

«Так я и знала!»

Вот и предостерегла бы, рычу я, отступая вместе с ней.

«Ты была невменяемой. Тебя интересовало только веселье».

Женщина встает, и на освободившийся камень опускаются три другие птицы: орел, баклан и ворон, все три белые, как снег. Орел и баклан тут же преобразуются в женщину с орлиным профилем и в долговязого мужчину.

Ворон остается вороном. Может, это Карасу?

Троица двуногих молча разглядывают пару пантер — нас с Сией. Они взрослые, гораздо старше Жоло,

лет тридцати — сорока. На них одинаковая обтягивающая одежда, волосы длинные — у женщины заплетены в косы, у мужчины свисают, как густое оперение.

Молчание нарушает мужчина-баклан:

— Которая?

— Та, что вся в крови.

— Я согласна с Седной, — подает голос женщина-орлица. — Уважающая себя кошка не допустила бы такой неопрятности.

Кто это здесь неопрятный?

«Я говорила, тебе следовало привести себя в порядок. Но ты не послушалась».

Я оскорблена до глубины души. Эти три чародея не успели появиться, а уже вогнали меня в краску. Я прижимаю уши к черепу и с рычанием скалю зубы.

— Прямое попадание! — радуется женщина-орлица. — Полюбуйтесь, как она обиделась.

— Приди в себя! — повышает на меня голос мужчина-баклан. — Элементарная вежливость требует представиться старшим, назвав свое настоящее имя. Почему ты не превращаешься?

Я прижимаюсь к земле и помалкиваю.

«Он прав. Почему?»

Сия прижимается ко мне, требуя ответа.

Я пыталась, пока ты лежала без чувств. Я хотела исцелить тебя своим волшебством, возложить на тебя руки и вслушаться в твою внутреннюю музыку. Но у меня ничего не вышло.

«Как это?»

А вот так: не выходит, и все тут! Я уже не знаю, каково мое настоящее тело. Мое «я» размылось. Я больше не знаю, кто я.

«Я это предвидела. Не надо было тебе так долго задерживаться в теле пантеры. Я должна была догадаться после убийства Чернокрылки».

— Возможно, она и впрямь не может, — соглашается Седна, женщина-сова, сложив руки.

— То есть как?

Мужчина-баклан недоумевает. Женщина-сова подходит ко мне с намерением объяснить свою теорию. У нее тонкие черты лица, белизной кожи она не уступает Жоло. Круглое лицо и большие глаза внушают доверие.

— Может быть, она еще неопытнее, чем мы думали.

Она садится на корточки и протягивает ко мне руку. Я не двигаюсь, но Сия полна недоверия.

«Ты уверена?»

Это чародеи.

«Да, но ты их не знаешь».

Не знаю, но мне нужна их помощь. Я это чувствую. По-моему, надо довериться.

«Если не возражаешь, я оставлю тебя с ними. Я лезу наверх».

Не дожидаясь моего ответа, Сия запрыгивает на ближайшее дерево и растягивается на ветке в двух метрах над нами. Чародеям до нее не дотянуться, но сама она ничего не пропустит.

«Пусть только попробуют тебя обидеть! Я спрыгну и повыдергиваю им перышки».

Надеюсь на тебя.

Рука Седны ложится мне на голову — нежная, легкая. О подчинении и владении нет речи, одно желание — выслушать. Я впускаю в себя ее волшебство, даю ему

соприкоснуться с моим — как ни мало его во мне осталось.

Я совершенно растеряна.

Я бы все отдала за возвращение к простой жизни, которую мне показала Сия. Играть, есть, спать. Но одновременно я знаю, что я не настоящая пантера. Знаю, что пора перестать притворяться. Я застряла в промежуточном состоянии. С одной стороны, жду не дождусь, чтобы вернуться в тело, очертания которого уже начали стираться, а с другой — не желаю этой оболочки чародейки, потому что боюсь своего неконтролируемого колдовства.

Да уж, без помощи мне не обойтись.

Рука ласково гладит меня по голове.

— Мы тебе поможем.

Спасибо.

— Я могла бы сделать это сама, но интуиция подсказывает, что волшебство скоро понадобится нам всем. Нам лучше беречь способности друг друга.

К ней присоединяются другие. Я чувствую потоки энергии, похожие на освежающий бальзам.

— Попробуй представить свое тело. Сосредоточься на картинах, которые видишь, даже на нечетких.

Поток волшебства оглушает и ослепляет. Мне важнее всего мое двуногое «я». Мои руки, пальцы, нескладное подростковое лицо. Внезапно на память приходит отражение в зеркале в доме Элифаса. Вот я какая. Вот кто я.

Волшебный прилив резко прекращается. Я лежу на земле в позе зародыша, с поджатыми ногами, с прижатыми к телу руками, и вся дрожу. Моя бежевая одежда и бледная кожа перепачканы кровью.

— Вот ты какая! — шепчет мужчина-баклан. — Ну, юная чародейка, вставай!

— Вечно ты торопишься, Хенок. Дай еще немного времени, — просит Седна.

С камня доносится карканье.

— Карасу прав, — ворчит Хенок. — У нас нет времени. Жоло в беде.

— Жоло?! — не то хриплю, не то икаю я.

Страх за брата действует на меня, как удар током. Я пытаюсь встать. Голова кружится, но я преодолеваю недомогание. Так это Карасу?! Эти чародеи, без сомнения, подкрепление.

Я ползу на коленях к Седне, женщине-сове, и утыкаюсь в нее головой.

— Спасибо!

— Все будет хорошо, моя красавица, — подбадривает она меня, заключая в объятия. — Еще несколько минут — и ты сможешь ходить.

— Я знала, что у отсутствия Карасу есть объяснение. Как я рада, что он привел вас!

Седна помогает мне встать. Мне тяжело видеть мир с высоты. И я уже разучилась поддерживать равновесие без хвоста. Про навыки хождения на двух ногах вообще молчу.

— Ты скажешь нам в конце концов, кто ты? — спрашивает Хенок.

— Я сестра Жоло.

— Малышка Фрида? — изумляется женщина-орлица. — Вот это да!

— Не такая уж она маленькая! — возражает Седна, заставляя меня сделать несколько шажков.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает орлица, видя, что я приваливаюсь спиной к дереву, чтобы спрятаться с головокружением. — Как ты умудрилась покинуть Землю?

— Долго рассказывать, — отвечаю я со вздохом.

— Сейчас не время для долгих рассказов, пора идти, — торопит Хенок.

Он прав. Я готова бегом достигнуть дома посреди луга, ворваться туда и покончить с врагами. При поддержке трех чародеев возможно все, они кажутся мне целой армией.

Но мое тело сопротивляется. Заставляет расплываться за измену. Я отлипаю от дерева и невыносимо медленно бреду за чародеями. Седна готова поддержать меня за локоть, но я как будто способна обойтись без поддержки. Недомогание отступает с каждым шагом, тело снова мне подчиняется.

— Как вы меня нашли? — спрашиваю я на ходу.

— Нас привел Карасу, — отвечает Хенок.

— Карр! — подтверждает с его плеча ворон.

«В кои-то веки от этого комка перьев есть польза», — ворчит Сия, не жалующая птиц.

«Не в том дело, жалую я их или нет, просто у меня с ними мало общего».

— Приблизившись к дому, — продолжает женщина-орлица, — мы почувствовали сильный запах крови. Поэтому свернули в лес.

— И нашли Скрофу, — догадываюсь я, не зная, куда деть глаза от стыда.

— Мы наткнулись на человеческие останки, это все, что я могу сказать, — произносит Хенок без всякого выражения.

— От них вел след, — продолжает Седна. — Между деревьями я увидела вас.

— Вот и вся история, — заключает женщина-орлица. — Меня зовут Шима, это Седна, это Хенок.

— Не могу выразить, как я рада вас видеть!

— Все будет хорошо, — убеждает Седна, не спуская с меня больших круглых глаз.

— Рано это утверждать, — поправляет ее Хенок. — Расскажи подробно, с чем мы столкнемся там, внутри. Кто наши противники и кого они держат в заложниках?

На первом этаже дома пусто. Входная дверь распахнута — Скрофа так торопился, что забыл ее закрыть. Мы молча входим.

В углу свалены вещи, я роюсь в них в поисках чего-нибудь полезного.

Чуть подальше на полу лежит накрытая простыней фигура. При мысли о том, кто это, у меня сжимается сердце. Неужели Сафр теперь безжизненное тело? Смерть Сафра — невыносимая несправедливость.

Мне на плечо ложится рука.

— Мне очень жаль твоего друга, — говорит Седна. — Но давай займемся живыми, хорошо?

Благодаря чутью чародеев мы знаем, что мои спутники наверху, в четырех комнатах второго этажа. Сия снова залезла на крышу и, заглянув в окна, подтвердила наши подозрения. Элифас по-прежнему лежит на кровати без чувств, Маргуль тоже. Но с Жоло и Ваишали

дело обстоит не так, как раньше. Оори не пожелала рассказывать подробности о моем брате, как я ни просила, а просто сказала: «Скорее!»

Мы поднимаемся по лестнице. Хенок и Шима направляются к двери, за которой находятся Эликс и Ваишали, мы с Седной открываем дверь в комнату Гразиэля и Жоло.

Я стою на пороге, не в силах вымолвить ни слова.

Такого я не ждала.

Сколько крови!

Жоло лежит на столе, голый по пояс. Гразиэль наклоняется к нему со скальпелем в руке. На моем брате десятки кровоточащих надрезов. На груди и на лбу лежат проклятые камни. Это значит, что он по-прежнему не владеет телом, даже не знает, что собирается с ним сделать некромант. Этому кошмару трудно придумать название.

Кровь, вытекшая из надрезов, собралась на столе в лужу и капает на пол. Рука Гразиэля, его лоб, белый мясницкий фартук — все в крови.

Это кровь моего брата.

Она растекается по полу.

Я чувствую ее запах.

Чувствую сочащуюся из его ран волшебную силу.

До меня доходит, почему Жоло так исполосован. Это не просто ножевые раны, это руны.

Магические письма, которые я успела возненавидеть.

Даже на щеках Жоло вырезана идеограмма, похожая на японский иероглиф.

Красавец Жоло изуродован.

Кожа его сейчас еще белее, чем обычно.

И кровь! Всюду кровь.

Рука Седны на моем плече возвращает меня к действительности. Оцепенение сменяется яростью. Все это надо немедленно прекратить.

— Гразиэль!

Некромант удивленно вскидывает голову. Он так увлекся своим занятием, что не заметил неожиданных зрителей.

Его губы медленно растягиваются, сверкают идеальные белые зубы.

Он еще улыбается!

Злобный безумец смеет улыбаться над искромсанным телом моего брата. У меня по спине бегут мурашки.

— Отлично! — спокойно произносит он. — Вы как раз вовремя.

Я задыхаюсь от его спокойствия, от довольного выражения его ангельски красивого лица. Можно подумать, что он пригласил нас на ужин и мы пожаловали без опоздания.

— Только что я нанес последнюю руну. Рад, что вы можете полюбоваться результатом. Надеюсь на ваше снисхождение: это моя первая попытка.

Мне невыносимо слышать такое о моем брате, словно он превращен в подопытное животное. Я бросаюсь вперед.

И тут же замираю.

Гразиэль приставил скальпель к горлу Жоло.

— Стой, где стоишь, девочка. Представление начинается.

Теперь его взгляд полон решимости. Еще шаг — и я потеряю брата.

Не убирая скальпель от горла, Гразиэль другой рукой снимает камень со лба Жоло, потом с груди.

Я жду пробуждения брата с нетерпением и тревогой. Выйдет ли Жоло из этой странной комы?

Ответ на мой вопрос не заставляет себя ждать. По телу Жоло пробегает жестокая конвулсия. Все мышцы напрягаются, спина выгибается, как от нестерпимой боли. Наверное, он испытывает страшные мучения при таком количестве ран!

Тело Жоло обессиленно обмякает.

Он жив или?..

— Чародей! Услышь голос твоего господина! Открой глаза! — приказывает некромант.

Веки Жоло послушно поднимаются. Я убеждаю себя, что это совпадение. Зачем моему брату слушаться монстра?

— Встань, чародей! — требует Гразиэль.

Жоло неуверенно слезает со стола и приседает, не удержавшись на ногах. Потом так же медленно выпрямляется. Его белые глаза бегают, лицо вялое, кажется, он не владеет собой.

Но ведь этого не может быть? Гразиэль не мог превратить его в безмозглый автомат.

Мой брат — не зомби!

— Жоло?.. — зову я слабым голосом.

Рука стоящей у меня за спиной Седны предостерегающе сжимает мне плечо. Но поздно.

— Жоло? — повторяет Гразиэль с радостной улыбкой.

Я с ужасом понимаю, что по неведению выдала крайне важные сведения.

— Спасибо, малышка. Я все думал, хватит ли тебе глупости раскрыть его имя. Хотел даже подвергнуть тебя пытке, но это оказалось излишне. До чего наивны дети Земли!

Как же я глупа! Другого слова для меня не подобрать. Как я могла забыть о ценности имени в мире магии? Как могла не вспомнить об этом — я, продавшая свое собственное имя?

Как?!

Я пытаюсь сдержать слезы, но они упорно льются. Что я наделала!

— Жоло! — повторяет Гразиэль с коварной улыбкой.

Тело моего брата, до этого рыхлое, как у ходячего мертвеца, резко напрягается. Без имени у некроманта была бы только оболочка. Теперь он владеет и душой.

— Знай, только благодаря тебе, малышка, меня посетила мысль исписать этого чародея рунами. Меня вдохновила твоя татуировка. Эликс, конечно, болван, но иногда в нем проглядывает гений. Он никогда не был хорошим колдуном, но у него есть коммерческая жилка, он никогда не упустит наживу.

Я смотрю на него потрясенная, придавленная тяжестью этих слов.

Гразиэль обходит стол и по-хозяйски кладет руку Жоло на плечо. Теперь мы стоим друг напротив друга, как будто видим свои отражения в зеркале.

Гразиэль и мой брат.

Седна и я.

Нас разделяют считанные метры.

— Молчишь. Это не очень-то вежливо, — замечает некромант, морщась. — Сделай милость, ответь по крайней мере на один вопрос: откуда ты знаешь имя этого чародея, хотя пришла с другой стороны?

— Это мой брат, — рычу я, обнажая хищные клыки пантеры.

Одним важным сведением больше, одним меньше...

— Брат? — прыскает Гразиэль. — Вот это да! Пожди... Я понял! Ты из тех детей-чародеев, которых отправили на Землю? Тогда понятно, почему ты так быстро белеешь. — Он с любопытством разглядывает меня. — Надо же! Ты сильно изменилась за несколько дней. Вдали от магии чародеи медленнее растут? Как увлекательно! До чего же я обожаю вашу породу! Она... поразительна. На ней можно ставить невероятные опыты. Не возражаешь побыть моей очередной морской свинкой?

Он вообще что ли не в себе? Целый день кромсал моего брата, а теперь смотрит на меня, как цыган на молодую кобылу. Я содрогаюсь, читая в его взгляде безумного ученого, что он способен со мной сделать.

— Я человек. Вы не можете так поступить со мной.

— Человек? Вот уж нет. Чародеи не люди, а ошибка природы. Уродцы-альбиносы, не имеющие никаких прав.

Я чувствую, как каменеет у меня на плече рука Седны. Теперь это не предупреждение, а признак гнева.

— Спорить с колдунами бессмысленно, милое дитя, — громко произносит чародейка. — Они верят

в свое превосходство, но на самом деле они — затхлое прошлое. Они используют волшебство во зло, поэтому бесполезны.

— Вы! — Гразиэль злобно указывает скальпелем на мою спутницу. — Вы замените моего Стража снов. Вопли, которые вы издадите во время казни, будут моей колыбельной. Жоло! Займись ею. Выкачай из нее энергию, но не убивай.

Мой брат с отрешенным видом подходит к Седне и хватает ее за руки. Напрасно она сопротивляется, брат сильнее. Он приближает лицо к лицу Седны, открывает рот, как для поцелуя, и принимается медленно втягивать воздух.

— Нет! — кричит Седна, в ужасе округляя глаза.

Я не понимаю, что происходит. То есть... как будто понимаю, но не уверена. Похоже, мой брат забирает у чародейки энергию. Волшебная сила с поразительной скоростью покидает тело Седны и так же быстро наполняет тело Жоло. Это какой-то магический вампиризм!

Невыносимый ужас!

Мысли в моей голове крутятся с небывалой скоростью. Я пытаюсь развести двух чародеев, но Жоло вцепился в запястья Седны железной хваткой. Я повторяю имя брата, колочу его, тяну — ничего не помогает. Он не замечает моего присутствия, как будто я — пустое место.

Состояние Седны похоже на его, она как под гипнозом, она заморожена взглядом Жоло. Ее глаза закатываются, сейчас она потеряет сознание. Я не могу этого допустить: она мне нужна.

Остается одно средство — не лучшее, но больше ничего не приходит мне в голову.

Я запускаю руку в карман, где лежит круглый камень, торчавший вчера из лба голема: я забрала его из сумки Ваишали. Кажется, что это было давным-давно! Не понимаю, как в такой короткий срок уложилось столько событий.

Я вынимаю камень из кармана и что есть силы швыряю его на пол. Вопреки ожиданию, камень с заклиниванием врезается в пол.

Паркет вокруг камня начинает вспучиваться, как будто пол выдавливается головой. Новый голем черпает необходимое ему вещество из материала самого дома. Паркетины выгибаются, голова чудовища уже готова, теперь начинают угадываться шея и плечи.

Голем поднимается все выше, пол ломается, между нами, тремя чародеями, и колдуном Гразиэлем зияет дыра. Голему не хватает материала, и он начинает забирать межэтажные подпорки. Остатки перекрытия падают вниз.

Комнаты больше нет.

Я тоже падаю на первый этаж. Вокруг стоит треск, сыплются дождем осколки досок. Получив деревяшками по спине, я сжимаюсь в комок, чтобы стать как можно меньше. Неподалеку от меня грохается недоделанный голем, но ничто, даже падение, не может помешать его росту. Он немедленно встает и продолжает расти на глазах, подгребая всю окрестную древесину.

Рядом ломается толстая балка. Дом, скрипя, крепится вперед.

«Живо наружу!» — приказывает Сия.

Но я не могу убежать, бросив на произвол судьбы брата и Седну.

«Мертвой ты никого не спасешь!»

Я упрямлюсь. Голем продолжает разламывать дом, я тем временем приподнимаю широкую доску.

Жоло!

Он лежит на спине с распахнутыми глазами. Рядом с ним лишившаяся чувств Седна, лоб у нее в крови.

— Жоло! — кричу я, надеясь, что он очнется.

Но он не реагирует. Мой брат похож на сломанного робота.

Хватаю его за руку и ташу.

Провалившаяся комната располагалась над входной дверью. Мне нужно отпихнуть доски и сделать несколько шагов, чтобы преодолеть рухнувшую каменную стену и выбраться из хаоса. Вот я и на поляне. Это огромное облегчение, как ни тяжело тащить за собой тело Жоло.

Мне на помощь спешит Сия: она хватает Жоло зубами за ворот.

«Помоги женщине-сове!»

Я без промедления возвращаюсь назад. Голем уже нарастил культы будущих ног. Не получая прямых приказаний, он решил посвятить все силы росту. О непрерывном идущем процессе говорит угрожающий скрежет и треск.

Седна лежит на широкой расколотовой доске. Видя, что она слабо шевелится, я хватаю ее под мышки и ташу. Она сопротивляется, потом соображает, что это я, и перестает упираться, внимательно смотрит на меня, моргает, приподнимается. Мы переваливаемся через упавшую стену и падаем в нежную траву.

Раздается шум, похожий на взрыв.

Это обрушился второй этаж. Недавнее шале превратилось в груды обломков, тонущую в густой пыли.

Мы с Седной стараемся отползти как можно дальше.

В десяти метрах нас ждет Сия. Она сидит рядом с моим братом. Седна встает. Вид у нее настолько изнуренный, что непонятно, как она держится на ногах. Из ее густых волос торчат щепки разной длины и толщины, на лбу кровоточащая рана.

— Ты как?

Глупый вопрос, но я не знаю, что еще спросить.

— Я должна вернуться за Хеноком и Шимой!

— Ты еле стоишь на ногах. Лучше туда пойду я.

— Нет, ты займешься своим братом. Постарайся привести его в чувство. Сумеешь?

— Попробую.

— Сделай, что сможешь, этого хватит. Я выведу остальных, пока голем еще только растет.

Седна, с трудом двигаясь, ползет обратно, к развалинам, и ныряет под балки. Она истинная воительница, героиня, я таких еще не видывала.

Поворачиваюсь к Жоло. Меня пугают его распахнутые глаза, глядящие в пустоту.

«У тебя получится», — подбадривает меня Сия.

Ничего у меня не получится! Я убила Сафра.

«Никого ты не убила. Ты просто не смогла помешать ему умереть».

Моя волшебная сила никуда не годится. От меня нет никакой пользы.

«Ты моя оори, вот и действуй. Смелее! Ты нужна брату!»

Она подталкивает меня головой. Я падаю на колени перед телом Жоло, кладу руки ему на грудь, морщусь от прикосновения к его ранам. Перед моим мысленным взором зияет продырявленная грудь Сафра.

Нет!

Я уже готова отдернуть руки, но появление поверх них кошачьих лап заставляет меня вздрогнуть. Это Сия.

«Я в тебя верю. Мы спасем твоего брата. Вместе».

Я киваю. Спасение Жоло — единственное, о чем я должна думать. Я прислушиваюсь к своим ощущениям, стараясь отвлечься от хаоса. Вдох-выдох... Напряжение внутреннего слуха. Присутствие оори — как повязка на моей измученной душе.

Я уже почти добралась до источника волшебной силы моего брата, когда он издает страшный крик боли. Его тело изгибается и падает, как будто горит изнутри.

Я вздрагиваю и прерываю контакт.

Он тут же застывает.

Я смотрю на Сию, изумленную не меньше меня. Что произошло?

Я вытираю ладони о штанины и снова кладу их брату на грудь.

Снова сосредоточиться, превратиться в слух... Вот она, его сила, теперь она как бушующий поток прямо под моей ладонью.

— А-а-а-а!

Крик Жоло опять заставляет меня прерваться. Все его раны в виде рун одновременно начинают кровоточить. Я трогаю самые глубокие порезы, но их слишком много. Остановить кровотечение невозможно.

Почему?

Почему я не могу ему помочь?

Моя ли это вина?

Я что-то делаю не так?

— Жоло! Помоги мне! Говори со мной! Я не знаю, что делать!

Его вопли стихают, тело перестает трястись. Розовая кровь продолжает изливаться из ран на белую кожу.

Я больше не осмеливаюсь применять к нему свое волшебство. Проблема явно во мне самой.

Я чувствую себя беспомощной.

Не чародейка, а жалкий ноль!

Теперь шале — это груда обломков, среди которых вращается непрерывно растущий голем.

Внезапно из обломков вылезает Маргуль. Я подзываю его жестом. Он перешагивает через остатки стен, осторожно неся на плече тело Элифаса.

Догрон подходит ко мне, и я вижу на его лице дикую улыбку.

— Рад тебя видеть, микилитси.

Он кладет свою ношу на землю рядом с моим братом. Я не могу не думать о брате самого Маргуля, оставшемся под развалинами.

— Чародеи и Ваишали все еще там.

— Чародеи? — удивляется Маргуль. — Какие чародеи?

— Их трое. Они пришли, чтобы помочь нам.

— Тогда я иду обратно, — решает Маргуль без лишних вопросов. — Увидишь Сафра — скажи, пусть меня найдет. А ты лечи брата.

— У меня не выходит, — жалко пишу я. — А Сафр...

Маргуль не слышит моего ответа, он уже бежит назад, к развалинам, чтобы сразиться с големом. В деревянное чудище ударяет огромный огненный шар, потом второй. Остатки шале пожирает пламя.

Среди раскаленных углей с трудом поднимается человеческая фигура. Узнав ее, я бросаюсь туда.

— Ваишали!

Ее лицо в саже, от одежды остались одни лохмотья, вид растерзанный и всклокоченный, но серьезных повреждений на теле не видно. Кто знает, что произошло с Эликсом?..

Мы подходим к неподвижным Элифасу и Жоло. Сия вылизывает моему брату раны — вдруг это остановит кровотечение?

Мы падаем в траву. Ваишали с ужасом смотрит на Жоло. В ее глазах читается немой вопрос.

Я не знаю, с чего начать.

— Это все Гразиэль. Он сделал... что-то. Я не знаю, как это отменить. Стараюсь, но не выходит. Я пытаюсь услышать музыку его тела, но тщетно. Я воображала, что сильна, но... Я оказалась в тупике. Не могу смотреть на его мучения. Столько крови... Все по моей вине!

Ваишали ободряюще гладит меня по щеке, вытирая слезы, которых я не замечала.

— Основной принцип магии таков: все, что сделано руками колдуна, можно отменить.

Она наклоняется к Жоло. Треск пожара совсем рядом не мешает ей сосредоточиться. Она — образец спокойствия. Не спеша изучает каждую руну, указывая пальцем на ту или иную, чтобы Сия тщательно ее

облизала и позволила правильно прочесть. Наконец, она указывает на письмена на правой щеке.

— Начни с этой. Может твое волшебство стереть эту руну?

Смотрю на изуродованное лицо Жоло.

— Попробую...

Провожу пальцами по щеке брата. Его сила для меня недоступна, поэтому остается уповать на свою. Не уверена, много ли у меня ее осталось, но для Жоло мне ничего не жаль.

Закрываю глаза. Кожа брата теплая, почти горит. Я должна исцелить это место, не затрагивая остального тела, иначе вызову у него такой же приступ боли, что два раза до этого.

Направляю волшебную силу в руки и представляю себе плоть, которая должна зарубцеваться. Чувствую подушечками пальцев реакцию его кожи: она трепещет, потом начинает медленно затвердевать.

Открываю глаза. Со щеки Жоло исчезли даже следы порезов, если не считать шрама, которому на вид можно дать несколько месяцев.

— Великолепно! — хвалит меня Ваишали. — Займись другой щекой. Так ты покончишь с рунами, которые мешают выходу волшебной силы твоего брата.

Я тут же берусь за дело. Пожар разгорается ярче, но я не обращаю на него никакого внимания. То, чем я занята, важнее.

После того как я справляюсь со второй руной, Ваишали показывает мне письмена повыше пупка Жоло.

— Эти руны — главная помеха. Действуй!

Снова сосредоточиваюсь.

Наконец-то слышу музыку тела моего брата. И не могу сдержать слез. Вот уже несколько дней как я превратилась в настоящий фонтан. А я-то считала себя непоколебимой... На самом деле раньше мне не доводилось испытывать сильных чувств. На Земле я не сталкивалась с таким количеством смертей, с такими страданиями.

Сегодня я не стыжусь слез. Плач — возрождение чувств.

Вся заплаканная, я горстями черпаю волшебную силу брата. Ее источник действует как маленькое солнышко. Я в считанные секунды превращаю руну, служащую главной помехой, в старый рубец.

В следующее мгновение я чувствую, что брат ожил, что он рядом со мной.

— Жоло.

Мы одновременно открываем глаза. Он садится и прижимает меня к себе, невзирая на израненные руки и торс; представляю себе, какие мучения доставляют ему все эти раны!

— Ты сделала самое трудное. Дальше я сам.

Волшебство, кажется, брызжет из всех пор. Его сердце успевает произвести три удара — и все оставшиеся раны зарубцовываются.

Я впечатлена. До его уровня мне еще как до Луны.

— Отлично сработано!

Я вздрагиваю от голоса Седны. Она стоит у меня за спиной вместе с Шимой. Рядом с ними Маргуль, он поддерживает окровавленного Хенока.

— Сулитси мертв, — сообщает догрон. — Я видел его тело, его раздавило балкой.

Я оглядываюсь на пожарище. Голема больше не видно, вся древесина объята жарким пламенем.

— Где Гразиэль? — спрашиваю я.

— Его я не нашел, — докладывает Маргуль. — Все перевернул, но не нашел. Никаких следов.

— Маргуль, ты должен знать...

— Я знаю, — перебивает меня догрон, помогая Хенуку сесть. — Я его видел.

— Мне очень жаль, — бормочу я. — Я пыталась его спасти. Но камень...

— Знаю, — повторяет Маргуль.

— Маргуль...

Догрон поднимает руку, заставляя меня умолкнуть.

— Сафр хотел умереть в бою. Он хотел умереть свободным. Ты исполнила его желание, микилитси. Я на тебя не сержусь, наоборот.

— Но...

— Мое сердце обливается кровью: мой брат погиб. Но дух мой ликует, потому что он умер так, как хотел.

Раздается грохот. Последняя стена шале падает, в небо взмывает сноп искр.

— Вот и все, — произносит эпитафию Маргуль. — Тело Сафра пожрало пламя, убившее и Господина, и Создателя. Это красивый конец. Очень красивый.

— Этот остров населен призраками. Не нужны нам эти белые люди. Нас хорошо лечат колдуны.

Мы слушаем пьяные бредни местного дурачка, который сидит у деревянной стойки, протянувшейся через всю таверну. К счастью, его собеседник умнее.

— Колдуны — шарлатаны. Их снадобья слишком дороги, а чародеи помогают бесплатно.

— Ты говоришь так, потому что приударяешь за корзинщицей с рынка. Скоро ты переплывешь через пролив и женишься на ней. У вас родятся белые-пребелые ребятишки.

— Лучше всего у нее получаютсЯ садки для птиц. Да и сама она хороша.

— А я что говорю! Краболов втюрился в корзинщицу — виданное ли дело? Хоть куплеты пиши. Вот, послушай, что я придумал: «Краболов жил-был, он корзинщицу любил. Он любил ее корзины и глаза, что две маслины». Неплохо?

— Полегче, хватит пить, иначе жена тебя поколотит.

— Разве уже поздно?

— Тебе пора домой, солнце уже село.

Пьяница неохотно встает, на чем свет стоит кляня жену, солнце и собутыльников, глухих к его музе. Сосед ждет, пока он уйдет, и садится к нам за стол.

Все мы кутаемся в темные плащи, чтобы остаться незамеченными в этой таверне с низким потолком. Здесь накурено, пахнет кислым пивом. Маргулю нравится атмосфера. Он осушил свою кружку и тянется к моей. Всем нам принесли пиво, потому что ничего другого здесь не подают. Я рискнула попробовать, но пойло показалось мне слишком горьким, я даже не осмелилась его проглотить. Ну и гадость! Все бы отдала за стакан колы. Кое-чего, совершенно обычно-го на Земле, здесь мне остро не хватает. Больше всего я тоскую по «вредной пище», по технологиям и по комфорту.

Минуло уже три дня с тех пор, как мы ушли от дымящихся развалин шале. Мы шагали молча, думая каждый о своем. В моей голове теснились сотни мыслей: смерть Сафра, моя метаморфоза, мои... убийства, ибо никак иначе это не назвать. С кем об этом поговорить?

Оставив позади километры леса, мы пришли в Гомахли, скромную рыбацкую деревушку на берегу Фиолетового моря, которое треплут свирепые порывы ветра.

Вдали, как призрак, мерцает остров. Кажется, он парит над горизонтом, затянутым туманом.

Там обитают чародеи.

Хенок и Седна улетели на остров, Шима осталась с нами, чтобы поводить по улицам Гомахли. Дома здесь деревянные, побеленные, на каменных цоколях. Иногда попадаются нарисованные от руки вывески: нитка с иголкой обозначают мастерскую портного, башмак — сапожника, молоток и наковальня — кузнеца. Как объясняет Жоло, здешние жители не знают грамоты.

Гуляя, мы набредаем на таверну в порту, над входом висит вывеска с сидящей на столе рыбиной, которая держит в плавнике пивную кружку. Называется таверна «Рыба-выпивоха». При помощи Шимы мы познакомились здесь с посетителем, влюбленным в чародейку, которая отменно плетет корзины.

— Меня зовут Аман, — представляется он, пожимая всем по очереди руку.

— Он без пяти минут мой родственник, — объясняет с улыбкой Шима. — Корзинщица, про которую болтал старик Пьетро, — моя сестренка.

— Ее зовут Майин, — воодушевляется Аман. — Завтра она проводит вас на остров.

— Раз вы ловите крабов, значит, у вас есть корабль. Почему бы вам не поплыть самому? — спрашивает Элифас.

— Потому что в проливе кишат левиафаны, они меня не пропустят.

— Майин они пропускают? — удивляюсь я.

— Она чародейка, против них левиафаны не возражают.

Собираюсь задать новый вопрос, но взгляд Шимы говорит, что не стоит этого делать. Некоторые вещи должны оставаться тайнами.

— Ловле крабов левиафаны не мешают? — спрашивает Маргуль.

— Я опускаю свои корзины на небольшую глубину. В эти воды поднимаются только молодые змеи, они не представляют опасности.

— Прямо как песчаные черви, — бормочет Маргуль, кивая. — Занятно! Хотелось бы мне взглянуть на левиафана.

— Насмотритесь, когда поплывете. В проливе их полным-полно.

Аман дает нам приют на ночь. Он живет совсем просто: у него одна-единственная комната в доме на скале, окнами в открытое море. Наружную стену подпирают сваи. К ним привязано плоскодонное суденышко, именно такое удобнее всего на мелководье. Сзади в комнате, под высоким потолком, висят гамаки из старых рыболовных сетей.

Рыбак небогат, но гостеприимен и щедр. Он угощает нас водорослями под уксусом, рисом, крупными вареными крабами. Сия в восторге от членистоногих. Для нее Аман любезно их чистит, в благодарность за что пантера лижет ему лицо. Он ничуть не напуган, только весело смеется.

— Почему вы не такой, как ваш друг Пьетро? — не удерживаюсь от вопроса я. — Почему вы нас не боитесь?

— До знакомства с Майин я ни в чем не испытывал сомнения, — отвечает Аман. — Я верил, что от чародеев исходит опасность, что у себя на острове они пляшут голышом под звездами, приманивая демонов. — При виде наших недоверчивых взглядов он краснеет. — Знаю, это звучит дико, но вымысел — лучшая почва для слухов. И вот в один прекрасный день на рынке появляется новая корзинщица. Кожа у нее белая, корзины необыкновенно тонкие. Я приходил к ней каждую неделю, накупил горы ее корзин. Мы понравились друг другу, и она избавила меня от прежних предрассудков насчет чародеев.

— Вы не живете вместе? — интересуется Элифас.

— Тут такое дело... Просто так не ответить, — бормочет краболов, еще сильнее краснея. — У меня нет денег, не на что купить кольцо, как тут просить руки невесты... К тому же чтобы познакомиться с ее родителями, я должен переплыть пролив.

— Между нами говоря, дружище Аман, Майин только этого и ждет, — говорит Шима с широкой заговорщической улыбкой. — Твои деньги ее не волнуют.

— Пересечем пролив завтра, вместе! — предлагает Аману Ваишали, которую внезапно посетила удачная

мысль. — Считай наше появление знаком судьбы. Кольцо — не проблема. Держи!

Она снимает с пальца золотое кольцо с зеленым камнем и отдает его Аману. Тот так ошеломлен, что ничего не может вымолвить.

— Я не могу это принять, — вырывается у него наконец, — это слишком...

— Это всего лишь напоминание о далеком прошлом. Бери, тебе нужнее.

— Клянусь всеми левиафанами!.. Это так щедро, что я... Вот это неожиданность!

Аман растроган поступком Ваишали едва ли не до слез. Краснея, он прячет кольцо в мешочек у себя на поясе, трет влажные глаза, кашляет и неумело меняет тему разговора.

— Еще немного яблочного соку? Или предпочитаете десерт? Сливы, миндальное пирожное?

Его смущение нас забавляет. Удивительно, до чего проста бывает порой жизнь. Ловец крабов влюбился в плетельщицу корзин. Старый Пьетро попал в точку, это отличная тема для песенки со счастливым концом, когда герои женятся и плодят ребятишек.

Но тут на меня накатывают воспоминания, и становится не до веселья. Мне видится Сафр в предсмертной агонии, растерзанный Скрофа, Гразиэль в окровавленном фартуке. Эти ужасные картины отбрасывают меня в недавнее прошлое. Груз вины, на время забытый, снова наваливается, придавливая меня к земле. Я убивала, обрекала на гибель.

Теперь я безмолвна, глуха к шуткам, спешу отойти в сторонку. Добредя до края пристани, я сажусь и свешиваю ноги.

Через несколько минут у меня появляется компания. Жоло.

Я жду, что он заговорит о моей жизни, преподаст урок, объяснит, что такое волшебная сила, что значит быть чародейкой...

Но он молчит. Все, что он мне предлагает, — свое спокойное общество, несущее отдохновение. То, что мучает меня уже три дня, слетает с моего языка само по себе.

— Я — убийца.

Я говорю это тихо, но для моего слуха чудовищность сказанного превращает слова в оглушительный грохот. Жоло по-прежнему молчит. Он — скала, я — мятежное море.

— Я напала на Скрофу, обернувшись пантерой. Меня душила злоба из-за гибели Сафра. Во мне вдруг вспыхнула моя волшебная сила. Это длилось одно короткое мгновение, но его хватило, чтобы погасить его жизнь. Это было просто, как задуть свечу.

— Что ты почувствовала? — спрашивает он, устремляя наконец на меня взгляд своих белых глаз.

— Ужас. Отвращение. Стыд.

Мы снова молчим.

Я не смею на него взглянуть. Вдруг он считает меня чудовищем? Вдруг ненавидит?

Я провожаю взглядом лодочку, лениво проплывающую мимо, пока делюсь сокровенным.

— Мне не положена эта способность. Я считала, что волшебство — это благо, что в нем заключена сущность жизни. То, что я совершила, не должно было произойти.

— Огонь, — произносит он.

— Что? — Я все же осмеливаюсь поднять глаза на брата.

— Огонь — могучий источник жизни и при этом инструмент смерти. Но он не хорош и не плох.

— Ты хочешь сказать, что волшебство подобно огню? Что оно тоже стихия?

Он кивает.

— Да. Есть вода, есть воздух. Есть волшебство.

— Волшебство может уничтожать?

— Как и огонь. Все зависит от того, кто им пользуется и для какой цели.

Раз так, на мне клейма негде ставить: я виновна. Я убийца. Я даже не могу списать вину на то, что плохо использовала волшебство.

— В таком случае, я — самая настоящая убийца.

— Тебе хочется, чтобы я тебя разубедил? Чтобы солгал, что ты совершенно ни при чем?

— Я отняла жизнь. Даже две, если считать гарпию.

— Ты сделала это, чтобы остаться в живых?

— Да. Либо они, либо я.

— И это было жестоко.

Он не спрашивает, а утверждает. Как будто знает, как силен был мой шок.

— Жестоко и кроваво. Я дралась со свирепостью, которой за собой не подозревала. Никогда раньше не чувствовала ничего похожего.

— Ты хочешь обратно на Землю?

— Нет!

Жоло вздыхает. Чуть не забыла, как ему досталось от Гразизля! Его отрезали от волшебства, всего исполосовали, превратили в зомби. Его раны исчезли,

но не зря Маргуль предостерегал меня от рун. Они навсегда оставляют отпечаток на тех, кто их носил.

— Ты чувствовал руны?

Он кивает.

— Правда, не сразу. Сначала я парил в пустоте и безмолвии. Потом колдун вернул меня в тело. Я был в ужасе. Он говорил, и мое тело повиновалось. Потом он произнес мое имя, и я добровольно стал его рабом. Когда он велел мне напасть на Седну, я этого действительно желал. Если бы он приказал убить тебя, я бы повинулся не моргнув глазом. Я был его с потрохами.

— Это я виновата. Я выдала твое имя. Я не знала, что можно получить такую власть над кем-то, всего лишь зная его имя.

— Теперь урок, полагаю, усвоен.

— О да! В последние дни чего только не происходило! Теперь я наслаждаюсь покоем. Мне нужно время, чтобы обдумать случившееся. И чтобы потом вообще ни о чем не думать.

— Наше путешествие приближается к концу. Скоро ты войдешь в гавань. В свою собственную гавань.

— В мою собственную гавань? Ты говоришь об острове? Но он не мой. Пока что это незнакомое место, населенное незнакомыми людьми.

— Надеюсь, ты полюбишь остров так же сильно, как люблю его я.

— Спасибо за заботу!

Несколько секунд он улыбается, потом становится серьезным.

— Знаешь, мертвые следуют за нами всю жизнь.

— Ты имеешь в виду убитых?

— Они сопровождают нас как призраки. Вина никуда не девается. Приходится с ней сосуществовать.

— Кажется, ты рассуждаешь об этом со знанием дела.

— Все мы несем отметины, оставленные войной с колдунами: Хенок, Шима, Седна, все остальные. Нам приходилось выбирать. Порой выбору сопутствовали трупы.

Я молчу, Жоло гнет свое:

— Бап сильно пострадал в схватках. У него на глазах погибла Ма и множество близких. На его счету немало трупов, он влачит груз своих убийств. Его сердце — открытая рана, которая никогда не зарубцуется.

— Бап... — повторяю я за ним.

Я потрясена тем, что уже завтра увижу родного отца. Правда, то, как его описывает Жоло, не создает желания ускорить эту встречу. Этот человек меня не знает. Он бросил меня, когда я была еще малышкой. Как я себя поведу? И как встретит меня он сам? Буду я для него призраком из прошлого или чужачкой?

Стоит глубокая ночь. Лиловое море сливается с черным небом, правда, в нем отражается полумесяц. Обогащенная новым знанием, я чувствую присутствие моих спутников, даже не находя их взглядом. Жоло сидит рядом, от него исходит могучая волшебная сила. Или я ощущаю его так остро потому, что он мой родной брат?

Брат. Жоло — мой брат, благодаря ему я осталась в живых. Он столько раз меня спасал! Само его присутствие удерживает меня на плаву. Я не одна, со мной брат.

— Спасибо, — говорю я, ничего не объясняя.

357

Он не отвечает. Он все понимает. Он обнимает меня за плечи и целует в лоб.

Днем мы пересекаем спокойный пролив. Кораблик Майин — парусник, груженный корзинами, не нашедшими покупателей на рынке. Сестра Шимы — очаровательная чародейка лет двадцати. Белые волосы, спутавшиеся, как водоросли, обрамляют веселое круглое личико. Она уверенно управляет суденышком, не ленись при этом отвечать на бесконечные вопросы Маргуля, раньше ходившего только по внутренним водам.

Когда позади остается половина пути, в море вдруг начинают вздыматься буруны¹.

— Левиафаны! — испуганно вскрикивает Ваишали. Мы все перестаем дышать.

Среди волн появляются поблескивающие спины. Морские обитатели похожи на длинных угрей, хотя оснащены гребнями-плавниками и массивны, как песчаные черви. Их телам, извивающимся на водной поверхности, не видно конца.

Майин сохраняет невозмутимость. Она твердо держит штурвал и направляет свою посудину в гущу морских чудовищ с невероятной дерзостью. Среди серебристо-синей чешуи я с удивлением замечаю белые вкрапления. Жоло отвечает на мой вопросительный взгляд утвердительным кивком. Да, это оори.

Так вот в чем заключается тайна пролива! Левиафаны защищают остров, потому что некоторые из них

¹ Пенистые волны. (Прим. ред.)

связаны с чародеями. Все просто. Нет ни проклятия, ни заговора, а есть верные друзья, исправно несущие караул.

До чего странно, должно быть, иметь морскую оори! Мне трудно представить длительную разлуку с Сией. Однако превратиться в подводное существо было бы очень интересно. Скользить и дышать под водой — волнующее переживание.

«Мяу! Столько воды! Да еще рыбный запах! Даже не знаю...»

Мы подходим к острову. Он велик, как ни сложно прикинуть его размер с борта парусника, и покрыт буйной растительностью. Посередине высится заостренная гора, похожая на Фудзияму.

Майин заводит суденышко в бухту, огражденную естественным молом — длинным мысом. Пристани нет, парусник нежно касается днищем серого песка. Маргуль торопливо спрыгивает на берег и выволакивает нас из полосы прибоя.

Я с наслаждением валяюсь в песок.

Вот я и на Белом острове.

На Острове Чародеев.

Не чувствую никакой разницы. Свежий соленый воздух, легкие облачка в небе, все как обычно. Ничто не указывает на то, что этот остров пропитан волшебством. А чего я, собственно, ждала? Искр, фейерверков, психоделических фонтанов красок?

На пляже не заметно делегаций встречающих. Какой-то человек смолит в отдалении днище своей лодки, до нас ему нет никакого дела.

— Не вижу домов, — говорю я Жоло.

Брат улыбается и поднимает брови — типа, сама догадывайся, что к чему.

— Тут совсем рядом деревня. Скоро ты все увидишь.

Он берет меня за руку и ведет за собой. Мы взбираемся на дюну, заваленную выброшенными морем ветками и водорослями, и замираем на вершине. Перед нами простирается чуть всхолмленная изумрудная равнина. Приглядевшись, я понимаю, что на самом деле вижу крыши домов. Вскоре начинаю различать двери, окна и дымоходы.

— Деревня хоббитов!

— Кто такие хоббиты?

— Это такие...

Я осекаюсь, отказываясь от попытки объяснить. Слишком долго! Расскажу как-нибудь потом, брату непременно понравится. Так или иначе, это волшебное место!

— Перед тобой Замеен, наша деревня. Дома слеплены из подручных материалов. Здесь есть постоянный двор и несколько лавок.

— Замеен... — повторяю я. — А я думала, Хоббитон.

— На острове есть другие поселения, — продолжает Жоло, не обращая внимания на мое бормотание. — Лакришка, названная так в честь ветвей и листьев, Патаретос, что значит «скала и твердый песок».

— Другие деревни похожи на эту?

— Нет. Я живу в Лакришке, ты увидишь, какая она. В Патаретосе ты тоже побываешь, если захочешь. Это на другом конце острова, но туда стоит заглянуть: жилища вырублены в скале и смотрят на океан.

— Вот это да!

Нас нагоняет Элифас. Он уже вооружился блокнотом и зарисовывает карандашом то, что видит.

— Чудо! — шепчет он. — Никогда такого не видел.

— На постоялом дворе очень уютно, — подхватывает Шима, тоже поднявшаяся на дюну.

— Вам придется там пожить, пока Совет будет решать, можно ли вам остаться на острове, — говорит Жоло.

— Совет? — переспрашивает Ваишали.

— Белый совет, наше собрание мудрецов, — объясняет Шима. — Любой вновь прибывший предстает перед его членами и рассказывает, почему хочет здесь остаться. Каждый из вас должен быть искренним, ибо чародеи из Совета умеют читать у вас в сердцах, они угадывают ложь и двуличие.

— А как же я?

Я тревожусь, что Совет распознает во мне убийцу, бывшую невольницу колдуна, неудавшуюся чародейку. Одним словом, угрозу.

— Ты — моя сестра, — успокаивает меня Жоло, кладя руку мне на плечо. — Ты — одна из наших. Тебя можно не допрашивать. Ты просто покажешься Совету, чтобы мудрецы увидели, какая ты.

— Что мы будем делать, пока остальные станут ждать в гостинице?

— Повидаем Ави, Исану и Бапа.

Перед деревней мы расходимся. Шима ведет остальных на постоялый двор, а мы с Жоло шагаем по прибрежной дороге.

Нам встречаются несколько чародеев, все в белом, одни в компании своих оори, другие в одиночестве. Они приветствуют нас без тени подозрительности.

Мы в мирном краю, здесь все живут в согласии с природой и с ближними.

361

Мне не верится, что я действительно достигла места назначения. За моими плечами — долгий трудный путь. Реальность ли это? Нет ли и здесь страшных тайников, зловещих секретов, не поджидают ли меня чудовищные открытия? Я возлагала на новое место столько надежд, но плохо представляю, что меня здесь ждет.

Жоло настолько воодушевлен возможностью познакомиться меня с островом, что не замечает моего замешательства. Он показывает пасеки, ручьи, милые местечки для пикников, пруды, где можно развлекаться ловлей головастиков. Он провел здесь детство, познал счастье после хаоса войны, приобрел вкус к простым радостям, сумел забыть кровь, крики, смерть.

— Я так рада быть здесь с тобой! — признаюсь я.

Он весело кивает, хватая меня за руку и пускается бегом. Я со смехом несусь за ним. Даже на двух ногах бегать приятно. Мы сбегает по склону, счастливые, как малые дети. До чего хорошо! Это именно то, что мне требовалось, чтобы оставить позади свои сумрачные мысли.

На опушке густого леса мы опять становимся серьезными. Дорога, петляя, ведет вглубь острова. Кустарник сменяется высокими деревьями.

— Видишь? — спрашивает Жоло.

Сначала я ничего не замечаю. Не знаю даже, куда смотреть. Но постепенно зрение привыкает к чаще, и я вдруг понимаю, что у деревьев... есть окна!

Мы подходим ближе. Теряю дар речи: так красивы эти дома, каждый из которых состоит из нескольких деревьев, чьи переплетшиеся стволы и ветви образуют стены.

— На вид немного несуразно, но я не знаю более приятного места для жизни, чем это.

Теперь я различаю несколько домов, такие живые древесные букеты. Жоло подводит меня к одному и стучится в дверь — бугристую доску, под стать размером всему жилищу. Не дожидаясь ответа, он кричит:

— Это я!

— Наконец-то! — отвечает женский голос. — Карасу опередил тебя на несколько часов.

Я вхожу следом за Жоло. Он делает шаг в сторону и ласково подталкивает меня вперед. Высокая белая женщина встречает меня любопытным взглядом.

— Знакомься, Буа Исана, это моя сестра Фрида. Она предпочитает, чтобы ее называли Камий.

У долговязой Исаны короткие густые волосы, кажущиеся жесткими, как иглы дикобраза. Лицо скуластое, на висках что-то вроде чешуи. Любопытно, кто ее оори!

Я жму протянутую руку. На ощупь ее кожа напоминает кожу догронов: такая же мягкая и слегка чешуйчатая. Она пристально смотрит на меня.

— Ты очень похожа на брата, — говорит она с улыбкой. — Счастлива с тобой познакомиться, дорогая племянница. Добро пожаловать домой!

Я лишаюсь дара речи, такое сильное впечатление производит эта женщина, назвавшаяся моей тетей. Она знала меня малышкой, держала на руках, кормила, качала, пеленала...

А я ничего не помню.

— Садись, — приглашает она, указывая на стул у стола. — Твой путь был долгим. Тебе наверняка пора немного передохнуть.

Сидя удобнее разглядывать убранство этого невиданного жилища. Стволы деревьев образуют широкий круг. Потолок находится на высоте трех метров. Значит, эти дома-деревья многоэтажные? Пространство между стволами забрано толстыми стеклами. Мебель самая простая: столы, стулья, табуреты, этажерки с книгами, украшениями служат разнокалиберные камни. Приятно пахнет смолой.

Исана приносит бутылку и три стакана.

— Похоже на воду, но не вода, — предупреждает она.

Я ценю ее старания помочь мне справиться со смущением. Она наполняет мой стакан, я осторожно пробую бледно-розовый слегка пузырящийся напиток. Он сладковатый и ароматный, огуречно-яблочного запаха. Мне нравится. Первый глоток подтверждает догадку обоняния, а также подозрение Исаны: меня мучает жажда. Залпом выпиваю стакан.

— Можно еще? Пожалуйста.

Исана смеется и выполняет просьбу.

— Ну как, догадалась, что пьешь? — спрашивает Жоло, отрываясь от своего стакана.

Мотаю головой.

— Растительный сок! Деревья качают влагу из земли, часть ее мы заимствуем.

Я с уважением разглядываю содержимое стакана.

— Самим деревьям хватает сока?

— Мы выпиваем малую долю, — отвечает Исана. — Здесь нет никакого риска. Бутылки наполняются капля за каплей на протяжении всего дня.

— Деревьям не вредит, что среди их стволов устроили жилье?

— Чародеи растили эти дубы день за днем, так изгибая стволы и ветви, чтобы получились стены. Все делалось бережно.

— Хочешь прогуляться по дому? — предлагает Жоло, вставая.

Я тоже встаю и робко соглашаюсь. Мне вправду любопытно, что представляет собой спальня в домедереве.

Мы поднимаемся по винтовой лестнице, спрятанной за шторой из плетеной травы. Я стараюсь не оступаться на горбатых ступеньках. Ими служат живые ветки, источенные муравьями и истоптанные чародеями. На втором этаже я вижу большую кровать, замаскированную разноцветными занавесками, тоже, наверное, из плетеной травы.

— Это спальня Исаны и Ави, — объясняет Жоло.

Мы продолжаем подъем. Спальня на третьем этаже поменьше, там всего лишь приподнятый на метр от пола матрас в нише из переплетенных веток.

— Это твоя. Годится?

Почему-то эта комнатуха кажется мне очень уютной.

Пол у меня под ногами слегка колеблется.

— В чем дело? — удивленно спрашиваю я.

Жоло хитро улыбается.

— То ли еще будет на самом верху! Там может показаться, что мы на палубе корабля.

Лезем дальше. Потолком верхней комнаты служит только густая листва дубов, ветви которых тянутся к небу. Здесь чувствуется дуновение ветра, так как стены — это тоже листва. Тут приютился Карасу, он дремлет, спрятав голову под крыло.

Вместо кровати здесь висит на двух толстых ветвях матрас. До меня доходит причина качки.

— Чувствуешь? Деревья качаются на ветру.

— Это твоя комната?

— Да. Мне здесь нравится. Шелест листьев, запах подлеска... Хорошо!

— Миленькое местечко.

«Мне тоже нравится».

Сия забирается к нам по ветвям. Карасу недоволен, он возмущенно каркает.

— Как ты думаешь, Сие подойдет ее новый дом? — спрашивает Жоло.

Пантера одобрительно мяукает. Я глажу ее по голове, она ласково бодает меня головой в бедро.

— А тебе? — опасливо обращается ко мне Жоло.

— Может, по мне и не видно, но мне очень нравится! Извини за холодность, просто у меня такое чувство, будто я сплю. Ты не виноват, все происходит так быстро! Мне понадобится время, чтобы прийти в себя и освоиться.

Мы с Сией вздрагиваем от громкого мычания и просительно смотрим на Жоло, тот улыбается до ушей.

— Бхай Ави вернулся!

Мы скатываемся вниз по лестнице, встречать дядю, которого я не знаю. Достигаем первого этажа как раз в тот момент, когда открывается входная дверь. Очень высокий мужчина горбится, чтобы не удариться макушкой о дверной косяк. Это огромный чародей с muscular плечами, всклокоченный, круглоглазый, с приплюснутым носом. Увидев, чем увенчана его голова, я отшатываюсь. Рога! Изогнутые, такие же белые, как его кожа. Жоло бросается ему на шею, как восьмилетний

мальчуган. Дядя тоже рад встрече. Каким же хрупким выглядит мой брат в его могучих объятиях!

Потом взгляд Ави падает на меня.

И радостно вспыхивает.

— Моя племянница — красotka! — с пылом восклицает он.

Кажется, я впервые слышу, что красива, и заливаюсь краской, не зная, как реагировать.

— Благодарю... — лепечу я.

— Какая ты большая! Ну и летит время!

Я не могу шелохнуться, язык прирос к гортани. Я большая? Тут какая-то ошибка. Ави подходит ко мне. Он — великан, я чувствую себя рядом с ним жалкой пигалицей.

Дядя нагибается и берет меня на руки. Когда он выпрямляется, мои ноги отрываются от земли. Я боюсь, что он задушит меня в объятиях, но нет, он контролирует свою силу и просто держит меня, как младенца. Сначала я робею перед его силищей, но постепенно успокаиваюсь. Даже приятно, когда тебя так тискают! От него веет добротой, быть в его объятиях — огромное счастье.

— Здравствуй, Бхаи Ави, — говорю я своему дяде-великану на ухо.

— Здравствуй, красавица, — отвечает человек-бык с широкой улыбкой. — Добро пожаловать домой.

Он аккуратно опускает меня, ласково разглядывает, потом поворачивается к Исане и нежно ее целует. Я со смущенной улыбкой смотрю на Жоло.

— Видишь, Бхаи Ави нельзя не любить.

Он прав, спору нет. Этот человек вызывает огромную симпатию.

Через несколько минут мы беремся за приготовление ужина. Нас с Жоло сажают за стол резать морковь, Исана тем временем готовит овощной салат, который Ави с аппетитом уплетает. Эта уютная семейная сценка трогает меня до глубины души. Никогда такого не видела, даже дома на Земле. Меня снова настигает чувство нереальности происходящего. Что, если все это сон? Вдруг я сейчас очнусь в заколдованных доспехах, запертая внутри разлагающегося трупа?

У меня ощущение, что я не на своем месте. Пугающая нормальность! Насилие и кровь того и гляди снова меня настигнут.

Я смотрю на нож, который сжимаю в кулаке, не понимая, оружие это или простой кухонный инструмент.

Рогатый мужчина. Чешуйчатая женщина. Те ли они, за кого себя выдают?

Меня душит паранойя. Перед глазами туман, становится нечем дышать.

В следующее мгновение страх рассеивается. Мне на плечи ложатся две руки. Это дядя Ави. От него веет безмятежностью. Вот оно, истинное волшебство!

— Спокойно! — басит дядя. — Я понимаю твои опасения. Ты так долго до нас добиралась, что, оказавшись здесь, чувствуешь головокружение. Ты как солдат, вернувшийся с войны и слишком быстро оказавшийся в обычной жизни. Мы тоже через это прошли. За спиной у нас шум и ярость. Прошу тебя, племянница, доверься нам.

Успокоенная его речами и вливающимся в меня волшебством, киваю. Я в настоящем доме, у настоящих людей. Бояться нечего.

Мы садимся есть еще при свете дня. Похлебка чудесная, сыр с ароматными травами — восторг.

Жоло вкратце рассказывает Ави и Исане о нашем путешествии, не опуская самые болезненные эпизоды. Дядя раз за разом ворчит: «Ты должен рассказать мне все в подробностях», но старается не перебивать рассказчика. Понятно, что все это лишь анонс гораздо более пространного повествования. Исана молча кивает, но ее взгляд свидетельствует о неослабном внимании. Она то и дело смотрит на меня, словно ищет подтверждение словам Жоло, которое я всякий раз даю — тоже безмолвно.

Мне становится лучше. Эта троица — моя семья.

Я дома.

Поразительное ощущение!

Вокруг трещит древесина. Этот звук отзывается во мне как глубоко спрятанное воспоминание. Дом кажется живым организмом, полноправным участником жизни семьи. Именно так: дом живой, он растет и плодоносит, кормит и поит.

К концу рассказа Жоло я закрываю глаза, чтобы лучше впитать окружающее волшебство. Долго искать не приходится: меня укачивает волна благосклонности и довольства.

Невероятно!

Чувствую, все дело в деревьях, образующих дом. Они сознают наше присутствие.

Как это возможно? Неужели они понимают, кто я?

Я открываю глаза.

Жоло умолк. Все смотрят на меня. Улыбка Ави растянулась до ушей и будто дальше.

— По-моему, Гхар тоже рад тебя видеть, милая племянница.

— Гхар?

— Так зовут дом.

— Ты тоже это почувствовал, Жоло?

— Да, — подтверждает мой брат. — Гхар на тебя отреагировал, он тебя узнал. У деревьев отличная память. Они тебя вспомнили.

— Но я была малышкой!

— Неважно, — вступает в разговор Исана. — Ты — член семьи. Сегодня Гхар встречает блудную дочь.

Я не знаю, что сказать. Волны доброжелательности умножают мою волшебную силу. Кажется, Гхар, дом-дерево, услышал слова Исаны и отвечает на них.

Жоло, поев, спешит встать из-за стола. Нас ждет последний визит.

Мне боязно. Я знаю, с кем предстоит встретиться. Мои дядя и тетя тоже в курсе.

Исана протягивает Жоло каравай в синей тряпице.

— Напомни ему, что его ждут к обеду. Он не показывается уже два дня.

Жоло кивает. Мы покидаем Гхар.

Снаружи видим огромного белого быка размером с бизона, мирно уткнувшегося мордой в кормушку. Ясное дело, перед нами оори Ави. Рогатая громадина окидывает нас добродушным взглядом, мотает головой, издает трубное мычание и возвращается к еде. Знакомство состоялось.

«Нет, ты видела?! Вот это чудище! — шипит Сия, спустившаяся с верхушки дома-дерева. — Он меня даже не испугался. Обнюхал как ни в чем не бывало, и все».

Пантера следует за нами на расстоянии нескольких метров, Карасу, шурша перьями, взмывает в воздух.

Мы углубляемся в лес.

370

— Он живет с Ави и Исаной? — спрашиваю я.

Я не смею произнести «Бап», это слово кажется мне странным.

— Он приходит к нам поесть, ходит с нами на реку совершать омовения. А потом он и его оори возвращаются ночевать в лес. Бывает, он перестает чувствовать бег времени, так вышло и сегодня. Тогда кто-нибудь из нас отправляется за ним.

— Он... сошел с ума?

Мне заранее жалко отца-страдальца, я боюсь представить его в плачевном состоянии.

— Я бы так не сказал. Скорее он предпочитает жить по-своему. Некоторое время он готов выдерживать присутствие других, но жить среди нас ему не под силу. Его утомляет общение, изматывают разговоры. Он любит одиночество.

Я умолкаю. Лес вокруг нас становится гуще. Деревня из домов-деревьев давно канула в чащу. Птицы тоже смолкли, только слышится время от времени голос кукушки. Я улавливаю другие звуки, но понимаю, что как горожанка не умею их истолковывать.

Как только я открываю рот, чтобы спросить, когда мы придем, к нам кидается тень.

Огромная, лохматая, когтистая.

— Баалу! — восклицает Жоло, когда громадный медведь валится перед нами на траву и задирает лапы, как домашний кот.

Не знаю, как быть. Сия, спешащая к нам, смущена не меньше меня.

«Я не почуяла, как он подкрадывается. Ветер дул в противоположную сторону», — звучит у меня в голове извиняющийся голос оори.

Потом мы с ней слышим голос Жоло.

Вернее, его веселый смех.

Медведь вылизывает ему лицо, стискивает его своими когтистыми лапищами, валит на себя. Теперь мой брат восседает на шерстистом брюхе огромного медведя-альбиноса. Жоло, похоже, не видит в этом ничего особенного, я же тщетно пытаюсь унять участвовавшее сердцебиение.

— Что это?! — кричу я, кое-как восстановив дыхание.

— Это Баалу! — отвечает брат, как будто имя чудовища все ставит на свои места. — Поздоровайся!

— Ты видел, какие у него когтищи? Нет, благодарю!

Жоло съезжает по медвежьему брюху, подходит ко мне, берет за руку и ведет к медведю. Я упираюсь.

— Камий, он наш близкий родственник, оори нашего Бапа.

Я выпучиваю глаза. Нельзя было раньше предупредить? Из-за этого зверя у меня сердечный приступ чуть не случился.

Жоло упорно тащит меня к медведю, и я больше не сопротивляюсь. Медведь садится, как огромная игрушка, но все равно громоздится вверх метра на два. Он спокойно меня разглядывает, но, судя по раздувающимся ноздрям, тщательно ко мне принюхивается.

— Малышкой тебя клали к Баалу на живот, чтобы успокоить.

Класть младенца на живот к медведю? Это шутка?

Но Жоло донельзя серьезен. Он прижимает мою ладонь к брюху Баалу.

— Видишь, Баалу, я обещал ее привести — и привел.

Медведь кивает, потом без предупреждения смачно облизывает мне щеку мокрым горячим языком. Я страшно смущена, в моем хихиканье есть доля отвращения. Шерсть у медведя теплая и мягкая, от него сильно пахнет мускусом, землей и растительным соком.

— Выходит, мы уже знакомы? — обращаюсь я к оори, стараясь скрыть свой испуг.

Медведь в ответ моргает и кладет лапищу мне на руку, кажущуюся крохотной.

— Ну, Баалу, веди нас к нему, — просит его мой брат.

Медведь встает на четыре лапы и трусит вперед, мы с Жоло торопимся за ним. В лесу стужается ночь. На счастье, новые кошачьи способности дарят мне ночное зрение.

При виде дерева необычной формы я сбавляю шаг.

Что это?

Мне нельзя отставать от Жоло. Чем глубже в лес, тем более причудливыми становятся стволы деревьев. Одни согнуты, как от урагана. Ветви других похожи на человеческие руки. Есть деревья, смахивающие на зверей — кто на жирафов, кто на рогатых четвероногих. Лес похож на невиданный зверинец. Это волнует и захватывает, хочется бегать от дерева к дереву и разгадывать секреты этого музея под открытым небом.

Наконец, Баалу останавливается и прижимается спиной к дереву, похожему на танцовщицу, изогнувшую спину и вскинувшую к небу руки. Перед этим деревом стоит человек медвежьего телосложения.

Человек-медведь не обращает на нас внимания. Его ладони крепко прижаты к коре танцующего дерева. Я догадываюсь, что происходит обмен волшебной силой. Человек медленно воздействует на дерево, отчего вверху отрастают веточки. Они на глазах покрываются нежной листвой, выглядящей как волосы на голове у танцовщицы. Живая скульптура настолько изящна, что слезы наворачиваются. Когда этаким здоровяк создает такую красоту, такое изящество, это потрясает. Творение готово, скульптор опускает руки и поворачивается к нам.

Я перестаю дышать.

Ничего не происходит. Мой новоявленный отец стоит неподвижно, глядя на меня. Не то что ничего не говорит, а даже не пытается что-то сказать. И я молча стою, наблюдаю за ним. На нем простые штаны, когда-то, наверное, были белыми. Торс покрыт белой шерстью так же густо, как у его оори, лицо тоже, но есть вдобавок борода, усы, шевелюра. Одним словом, на лице видны только глаза.

А в них бесконечная печаль.

Внутри меня что-то надламывается.

Раз он ничего не предпринимает, даже не шевелится, инициативу проявляю я: подхожу и обнимаю его. Моя макушка достигает только середины его груди, но объятие от этого не становится менее пылким. Закрыв глаза, я прижимаюсь щекой к его волосатому животу.

Очень медленно и осторожно он приподнимает руки и смыкает их у меня за спиной. Объятие длится считанные секунды, потом он роняет руки, отступает

и оборачивается к своей скульптуре, как будто я уже перестала для него существовать.

Я вопросительно смотрю на Жоло. Как мне быть теперь?

Мой брат качает головой и протягивает руку, чтобы вести за собой.

Удаляюсь от отца, не зная, что обо всем этом думать.

Перед уходом Жоло оставляет каравай Исаны у ног Баалу.

— Ты как? — спрашивает меня Жоло минут через десять после быстрой ходьбы.

Я пожимаю плечами и тяжело вздыхаю.

— Ты правильно поступила, что обняла его, — говорит он.

Беру его за руку, он останавливается; я крепко обнимаю Жоло, он меня. Плотину прорвало, я бурно рыдаю у брата на груди.

— Все будет хорошо, — шепчет Жоло. — Надо дать ему время.

Я перестаю реветь, и мы возвращаемся в Гхар так же молча, но в более приподнятом настроении. Ави и Исана ждут нас, чтобы проводить на омовение.

Мы выходим вчетвером на опушку, покрытую большими валунами, между которыми растет бамбук. Несмотря на поздний час, здесьлюдно, повсюду горят факелы. Перед изгородью, разделяющей купальни на два отсека, мужской и женский, мы расстаемся. Меня

уводит тетя, захватившая с собой две деревянные бадьи и два полотенца. Она показывает мне, где повесить вещи, где лежит большой кусок мыла, как обливаться из бадьи. Впервые я оказываюсь без одежды перед другой женщиной. Сначала я смущаюсь, но быстро осваиваюсь, потому что не замечаю оценивающих или неодобрительных взглядов.

Потом Исана ведет меня к самому источнику. Я вижу затянутую паром водную поверхность и десяток отмокающих в воде таких же, как мы, белокожих женщин-чародеек, тихо переговаривающихся друг с дружкой. Я тоже погружаюсь в горячую воду, сразу оказывающую расслабляющее действие. Потом мне становится щекотно, во всем теле начинается легкий зуд.

— Это волшебная вода, — шепчет Исана, когда я сажусь с ней рядом. — Она стекает с горы в центре острова, которую ты наверняка видела. Это спящий вулкан Айюка, благодаря ему вода круглый год горячая.

— Спящий? — настораживаюсь я, вспоминая Везувий, извержения вулкана Пеле на острове Мартиника и остальные вулканы, считавшиеся неактивными, но вдруг оживавшие и тысячами губившие людей.

— Некоторые чародеи этого острова общаются с вулканом, они умеют предугадывать и предотвращать толчки. Они успокаивают его своим волшебством. Это диалог между людьми и подземным огнем.

— Они воздействуют на лаву?

— Они успокаивают гору.

— Ты сказала, что некоторые «общаются» с вулканом. Значит, чародей чародею рознь?

— С возрастом ты поймешь, что у одних лучше получается одно, у других — другое. Твой отец и дядя,

например, очень чутки к растениям. Они умеют резко ускорять их рост. Далеко не все чародеи наделены этой способностью.

— Жоло тоже умеет подгонять рост деревьев. Я сама видела его в деле.

— Да, он очень одаренный. Знаю, ты уже видела скульптуры отца.

— Да, видела.

— Для него это способ отвлечься, искусство, которое позволяет не поддаваться одолевающим его черным мыслям. Он настрадался за войну, чудом выжил. Он отреагировал на тебя не так, как ты ждала, но, поверь, незаметно для тебя в его сердце клокочет счастье. Просто он не умеет проявлять свои чувства. У него внутри висится стена. Эту стену не разрушить одним махом. Нужно время.

— Понимаю.

Все так, объяснение Исаны не вызывает у меня сомнений. Ее слова спокойны и ясны. Эта женщина мне нравится. Она терпеливая, любящая, из нее вышла бы прекрасная учительница.

Я разглядываю других купальщиц. Некоторые покрыты татуировками, позволяющими угадать, кто их оори: изображениями острых клыков, когтей, рогов. Кое у кого, как, например, у Исаны, знаки весьма загадочны. Ее кожа разрисована чешуей, наводящей на мысль о родстве с ящерицей или змеей. Я ищу поблизости соответствующих тварей, но, к счастью, не нахожу.

Большинство женщин знакомы друг с другом. Есть пары мать — дочь, то и дело смеющиеся — правда, тихо, чтобы не беспокоить других. Испытываю к ним

легкую зависть. Как это здорово — взаимопонимание с матерью и с другими женщинами! Мне сильно этого не хватает.

— У меня есть двоюродные братья и сестры? — спрашиваю я Исану. — У вас с Ави есть дети?

Исана кивает.

— У нас было два сына, Пиаар и Шаики.

— Было?..

— Шаики погиб на войне, в устроенной колдунами засаде. Красивый был мальчик, вылитый отец.

— Мне так жаль!

— Ты можешь быть другого мнения, но, поверь, решение отправить тебя на Землю было правильным. Мы стремились вас уберечь. Боялись, что исчезнет вся наша община. Этот остров стал для нас благословением.

— Сколько было таких, как я, отправленных на Землю?

— Три десятка, в возрасте от одного дня до трех лет. Вас переправляли на протяжении всей войны.

— А другой ваш сын, Пиаар?

— Все называют его Пи. Он жив-здоров, живет в Патаретосе.

— В Каменной деревне?

Она кивает.

— В Эфире есть другие поселения чародеев, кроме этого?

— Да. Многие перемещаются из одного в другое, чтобы передавать послания, поддерживать контакт. Пока мы держимся в стороне от городов, все в порядке. Благодаря этим предосторожностям вот уже десять лет как все спокойно.

— Чтобы жить мирно, вам приходится все время быть настороже. Как грустно!

— Наша сила в единстве. Увы, колдуны признают только язык силы.

Мы с Жоло возвращаемся в деревенскую гостиницу обедать. Я поздно встала — спасибо первой за долгое время настоящей постели, расслабляющей ванне, убаюкивающему покачиванию дома-дерева. Когда я просыпаюсь, солнце уже стоит в зените. Сия, конечно, лежит, прижавшись ко мне, Жоло ждет меня в гостиной. Мне приготовили хлопчатобумажные брюки и сорочку — естественно, белые.

Мы входим в мой первый травяной дом. Внутри постоянного двора просторно и в то же время уютно. Сводчатый потолок покоится на каменных подпорках, в нем проделаны многочисленные отверстия, пропускающие солнечные лучи.

Я рада снова видеть Элифаса, Ваишали и Маргуля. Кажется, что мы расстались много дней назад. Они, похоже, прекрасно провели свою первую ночь на острове. Мы рассаживаемся вокруг стола и набрасываемся на овощи, хлеб, сыр. Такая вегетарианская трапеза соответствует образу жизни чародеев, чтящих природу и любую живность.

Элифас торопится рассказать о беседе в Белом совете.

— Они ждали от нас правды, и мы не обманули их ожиданий.

— И даже того, что Ваишали — колдунья, не утаили?

— Их поразила моя история и то, как ты меня спасла, — отвечает сама Ваишали. — Я объяснила, что после стольких лет, проведенных взаперти, за зеркалом, нуждаюсь в отдыхе. Они предложили мне остаться с условием, что я стану учить рунам тех чародеев, кто проявит к ним интерес. Я согласилась.

Элифас и Ваишали сидят рядышком на скамейке. Кое-что заставляет меня присмотреться к ним внимательнее: то, как они смотрят друга на друга, как друг к другу прикасаются. Налицо сближение.

При этой мысли я краснею и закидываю удочку, чтобы проверить, верна ли моя догадка.

— А вы, Элифас? Вам Совет тоже разрешил остаться?

— Я изложил свой план, и они очень заинтересовались.

— Какой план?

— Я хочу написать книгу о чародеях и об их волшебстве. Эта книга, размноженная в тысячах экземпляров, рассеет, наконец, ложь, которой окружено их сообщество. Так будут изобличены колдуны с их расистскими бреднями. Поэтому мой ответ на твой вопрос: да, какое-то время я пробуду здесь.

Колдунья и землепроходец снова переглядываются. Я убеждаюсь, что не ошиблась.

— Как насчет тебя, Маргуль? — Поворачиваюсь к догرونу, давно ерзающему, словно ему не терпится взять слово.

— Члены Белого совета спросили меня, чем мне хочется заняться. Я ответил правду: что никогда раньше не знал свободы, не знал, что значит самому определять свою судьбу. Кажется, они поняли. Мне сказали, что я могу побыть здесь, пока меня не найдет ответ.

— Пока ты не найдешь ответ, это ты хочешь сказать?

— Нет-нет, пока ответ не найдет меня. Они сказали так. Они объяснили, что ответ придет сам, искать его бесполезно.

— Э-э-э...

— Это было вчера, но уже сегодня утром я поймал кончик ответа, — продолжает он с широкой улыбкой. — Я гулял по деревне и встретил кузнеца. Он был восхищен тем, что я огр-дракон. Теперь он хочет взять меня на работу, я буду живой кузницей. Он говорит, что когда драконы еще существовали, изрыгаемый ими огонь помогал выплавлять невероятные сплавы. Теперь он хочет попробовать делать то же самое с моей помощью. Я буду трудиться и зарабатывать, представляешь?!

Его радость заразительна. Вспоминаю Сафра — вот кто сейчас был бы счастливее всех! Как бы мне хотелось, чтобы он был с нами, чтобы тоже наслаждался свободой на острове...

Наступает мой черед рассказать о пережитом прошлым вечером. Ничего не упускаю: ни встречу с Ави и Исаной, ни знакомство с отцом, ни купальню. Элифас требует подробностей о доме-дереве. Маргуля заинтересовали скульптуры моего отца. Что до Ваишали, то она, по ее признанию, искупалась вчера в море, но с удовольствием познакомилась бы с пресноводным источником. Короче говоря, мы свободно, честно и добродушно обмениваемся впечатлениями и ощущениями. Так повелось в нашей компании с самого начала.

После еды ко мне подходит Жоло.

381

— Я хочу обратиться к Совету. После меня будет твоя очередь. У тебя есть несколько часов, потому что мое выступление будет долгим. Согласно традиции, тебе следует уединиться и поразмыслить о том, что ты скажешь. Но это необязательно, можешь остаться здесь, с друзьями. Делай, как лучше тебе самой.

Я разглядываю остальных. Маргуль торопится к своему новому другу-кузнецу. Элифасу и Ваишали хочется побыть вдвоем. Вся моя компания — Сия.

«На меня не рассчитывай, — предупреждает оори, чувствуя мое внимание. — Я отправляюсь на охоту. Я видела на опушке диких коз и умираю от желания попробовать их на вкус».

Я отпускаю оори и отвечаю брату:

— Пройдусь по пляжу, там хорошо думается.

Вот я и одна. Совсем одна. Традиция соблюдена. Я медленно бреду к берегу. Достигнув воды, я иду вдоль полосы прибоя. Здесь нет тропы, приходится перепрыгивать с камня на камень. Мне нравится прогулка, от прозрачной воды между камнями не отвести глаз. В ней отмокают крабики, раки-отшельники, синие морские ежи. Через полчаса я достигаю очаровательного пляжа, прячущегося за скалой высотой с пятиэтажный дом. Здесь идеальное место, чтобы насладиться одиночеством.

Сажусь и погружаю руки в темно-серый песок. Тучка, тщетно пытавшаяся заслонить солнце, исчезает. Песок вокруг меня начинает мерцать. Я зачерпываю горсть, чтобы разобраться, как это происходит.

Никакой загадки нет, все дело в крупницах сланца. Природа во всей своей красе!

Я вздыхаю.

Чародейка, поднаторевшая в науках. Тяжелый случай!

Этот пляж — гавань безмятежности и красоты. Лучше места для сиесты не придумаешь. Надо будет привести сюда Сию.

Закрываю глаза, чтобы мысленно дотянуться до своей оори, но та полностью поглощена охотой, ей не до меня.

Тем лучше, очаровательный уголок принадлежит мне одной.

Ни Сии, ни Жоло, ни Маргуля. Только я, я одна.

Оказывается, в прошлый раз я была в одиночестве, когда совершила побег. Минула целая вечность. Сколько всего произошло! Меньше чем за месяц я преодолела сотни километров. Хотя нет, считать надо в световых годах, ведь я попала на другую планету! Невероятно! Звучит фантастически.

Как же все сложно...

Мне хотелось бы все понять, но по правде говоря, ничегошеньки не понимаю.

Я угодила в неведомые края, на берег безымянного океана, сижу на пляже вулканического острова, о котором не знаю ровным счетом ничего.

Вот и вся правда.

Я потерялась.

Что еще хуже, я осознаю, что сама не знаю, чего хочу.

В прежней жизни все решения принимали за меня родители. Мое мнение было не в счет. В кои-то веки приняла самостоятельное решение — и вот

последствия. Сбежать было необходимо, но побегу сопутствовал хаос. Я просто рванулась вперед, это было как прыжок...

Что за...

Могучая сила опрокидывает меня на песок, прерывая течение мыслей.

Пытаюсь сесть, но невидимый груз давит мне на грудь, не могу пошевелить даже пальцем.

Я извиваюсь, но без всякого толку.

Я не принадлежу себе.

Дрыгнуть ногой — и то не выходит.

Там, где только что я видела море и небо, теперь громоздится человек. Он скидывает с головы капюшон, но остается завернутым в темный плащ, исписанный рунами.

Не может быть!

Кошмар. Совершенно немыслимая жуть.

Эликс.

Это Эликс!

Проклятый колдун сидит на мне верхом, вдавливая в песок мои руки.

Его голова находится всего в нескольких сантиметрах от моей.

Худшего зрелища нельзя вообразить.

Даже не знаю, как назвать этот ужас.

Черная гноющаяся физиономия. Какой-то двуликий Бэтмен, Джекил и Хайд в одном лице. На черепе — ни волоска, только сморщенная кожа в сочащихся лимфой пузырях. Под ороговевшим веком пузырится вылезший из орбиты глаз.

Такое может привидеться только в бреду. От него исходит тошнотворное зловоние, смесь запахов горелой кожи, сажи и пота.

Да он на последнем издыхании!

— Вот и встретились, гадюка. До чего же я рад!

Это не голос, а натужный хрип старого курильщика.

Не могу поверить своим глазам.

— Вы?.. Вы живы?

Я задыхаюсь, легкие склеились от тяжести Эликса, сидящего на моей груди. Но главное — это неожи-данность и омерзение.

— Думала, что от меня избавилась? Нет, я цепкий! Ты думала, что я погиб при пожаре, чародейка? Ха, я спасся!

— Как же так? Маргуль видел ваш труп.

Я вспоминаю, как разваливался дом-шале, как его рушил голем, а потом пожирало пламя. Там нельзя было выжить.

— Маргуль! — Эликс презрительно сплевывает и разражается кашлем. — Безмозглый догрон поверил своему хилому воображению. Когда провалился пол, я нацарапал на дверном косяке руну, позволяющую создать двойника. Немудрено, что вы поверили в мою гибель. Жалкое наивное ничтожество — вот кто такой твой Маргуль. И ты вместе с ним.

Он ухмыляется, скрипя зубами. От этого звука впору оглохнуть. Какой он противный. Да еще и сидит на мне! Я пытаюсь сопротивляться, но он еще сильнее сжимает мне запястья. От прикосновения его чешуйчатых лап меня может стошнить.

— Но нет, я не умер. — Он качает головой. — Полюбуйся на меня. Не умер! Выжил! И явился отомстить.

Я смотрю на него, принимаюся. Передо мной человек в предсмертной агонии. В жизни не видывала таких ожогов! Как он умудряется терпеть боль?

Сам того не зная, Эликс отвечает на мой вопрос:

— Вижу, ты считаешь меня безумцем. Но я не безумен, нет. Хотя чуть не сошел с ума от боли. Конечно, я не вышел из пламени невредимым. Но на мое счастье, рядом оказался Гразиэль.

Меня колотит дрожь. Гразиэль? Некромант тоже остался жив?

— Представь себе, Гразиэль. Он меня спас. Он написал мое тело рунами и избавил от страданий.

Сказав это, Эликс сбрасывает плащ. Торс и руки у него в том же состоянии, что и обожженное лицо. Ходячий труп, смердящая мумия.

Отпустив мои руки, колдун с наслаждением демонстрирует раны.

— Гразиэль покрыл всего меня рунами, и боль тут же унялась. Словно солнце выглянуло после урагана. Гразиэль — мой спаситель. Если бы не он, я сошел бы с ума от боли. Если бы не он, я не смог бы отомстить.

Я зачерпываю горсть песка и швыряю Эликсу в глаза. Он вскрикивает, царапает себе лицо. Я извиваюсь в надежде вскочить и убежать.

Моим жалким попыткам кладет конец увесистая пощечина.

— Тупица! — вопит колдун, не слезая с меня, и другой рукой закатывает мне новую оплеуху. У меня чуть голова не слетает с плеч. — Сказано тебе, я больше не чувствую боли. Я вообще ничего не чувствую, зря стараешься. Песок! Говорю же, ты тупица!

Я облизываю губы, рот полон крови, наверное, я укусила себя за язык.

Страх постепенно сменяется во мне холодной яростью.

Как он смеет? По какому праву оскверняет своим присутствием мой остров? Не желаю, чтобы он поганил этот уголок, единственный, который я могу считать своим домом.

Эликс, видимо, заметил происходящую во мне перемену. В его руке появляется кинжал, он приставляет его острие к моему горлу.

— Полегче, ты мне еще нужна.

— Как ты посмел здесь появиться? — рычу я, тоже скаля зубы. — Стоит моим друзьям тебя обнаружить...

— Видишь этот плащ? Он стоит целое состояние. Это лучшее изделие колдунов. Начертанные на нем руны делают меня невидимкой. Никто не видел, как я появился, никто не увидит, как я пропаду.

Острием кинжала он надавливает мне на горло.

— Не советую... кхе-кхе... трепыхаться. Кхе-кхе...

Его опять сотрясает приступ кашля, он клонится набок и сплевывает густую черную слюну.

Мерзость!

Но колдуну хоть бы что. Он привстает, освобождая мою грудную клетку. Между острием кинжала и моим горлом теперь несколько сантиметров.

— Вставай.

Я встаю, он тоже. Мы уже почти одного роста. Удивительно, как быстро я подросла.

— Иди! — приказывает Эликс, тыча кинжалом мне под ребра.

Меня так и подмывает кинуться на него и задушить, но мешает отвращение. К тому же он полон решимости в случае чего воткнуть в меня кинжал.

Я иду туда, куда он приказывает.

— Знала бы ты, как мне хотелось бы всадить кинжал в твое белое тело и полюбоваться твоей бледной кровью! Но Гразиэль этого не одобрил бы. Он хочет получить вас нетронутыми. У него на тебя большие виды. Передав тебя ему, я вернусь к прежней жизни. Как я соскучился по своей барже! На ней мне было... кхе-кхе... очень хорошо.

Новый приступ кашля, еще сильнее прошлого. Он что-то выплевывает, я смотрю на плевок, преодолевая отвращение. Это что-то твердое, вымазанное черной кровью.

У меня волосы шевелятся на голове при мысли, что это такое. Что-то в этом роде я видела в фильмах ужасов. Неужели так бывает на самом деле? Неужели этот полудохлый колдун плюется кусками собственных внутренностей? Может, своими легкими?

Иными словами, Эликс...

Мертвец!

Или нет?

У меня по позвоночнику пробегает табун мурашек, каждая размером с собаку.

Он зомби!

Мне угрожает погорелец, не выживший при пожаре. То есть выживший стараниями некроманта...

Хоть теперь и плюется у меня на глазах собственными легкими.

Я угодила в фильм про зомби. Хотя, если поразмыслить, Гразиэль вполне на такое способен. Недаром

он некромант, профессиональный изготовитель ходячих мертвецов.

388

— Вы не в лучшей форме, — предупреждаю я Мертвого Эликса.

— Не лезь не в свое дело.

— Я могла бы помочь, — рискую я. — Я чародейка, я умею использовать магию в лечебных целях.

— Мне и так хорошо. Гразиэль оказал мне необходимую помощь.

— Но все эти ожоги...

— Сказано тебе, я в порядке. У меня ничего не болит. Я сильный.

Я хочу возразить, но он не дает мне на это времени.

— Давай, шагай! От тебя мне ничего не надо. Ты погубила все, что у меня было. С того дня, когда ты прокралась в мою жизнь, все полетело кувырком. Я потерял баржу, догронов, свое дело. Все из-за тебя!

— Я не...

— Лучше молчи!

Он колет меня в поясницу, и я умолкаю. Очень хочется прибегнуть к волшебству, но никак не удается сосредоточиться, внимание рассеивается. Мне слишком страшно, слишком велико омерзение. Остается идти вперед и внимать бредовому монологу Эликса. Вопреки утверждениям колдуна, все его здравомыслие осталось среди пепла шале.

— Огонь... Меня охватило пламя. Оно ползло по моей руке, как змея. Оно меня искушало, его яд просочился внутрь меня. Я превратился в сплошной ожог, меня прожгло до костей. А вот боли больше нет, прошла. Мне уже не больно. Я ничего не чувствую. Я снова

силен. Да, силен! И обязательно воспользуюсь представившимся мне шансом. Я мог бы... Я мог бы завести в городе новую торговлю. Предложить свои услуги как специалист по рунам. Неплохая мысль! Я опять накопил бы рабов. Больших и сильных, чтобы распугивать врагов. Куда от них деваться? Такой успех обязательно вызовет зависть...

Болтовня Эликаса, его безумие обвивают меня, как клубок змей. Я понуро бреду, не сторонясь волн. Наконец, мы подходим к врезавшемуся в сушу заливчику, переходящему в болотце с высоким бамбуком и камышом. Там, где перемешиваются песок и тина, виднеется шлюпка, на камне рядом с ней кто-то сидит. Я узнаю этого человека, и во мне вскипает ненависть.

Это Гразиэль.

На меня накатывает волна гнева.

В ушах стучит. Я уже не помню про Эликаса и про его кинжал, колющий меня в поясницу. Я кидаюсь к некроманту, горя решимостью оторвать ему башку.

Он встает и ждет меня, не проявляя никакой боязни. Его улыбочку невозможно стерпеть.

Я бегу в волнах, рыча от злобы.

Когда расстояние между нами сокращается до двух метров, он произносит одно-единственное слово:

— Стой!

К своему удивлению, я готова повиноваться. Но ярость пересиливает, рука взлетает и падает, я от души залепляю красавчику-колдуну звонкую пощечину.

Гразиэль проводит пальцем по трем длинным порезам у себя на щеке. Он искренне удивлен.

Но удивление длится не слишком долго. Снова появляется эта его нестерпимая улыбочка.

— Дикарка! Мне это нравится, — хвалит он меня. — Сколько энергии! В прошлый раз я слишком рьяно принялся за твоего братца, теперь приходится об этом сожалеть. Надо было понять, что главный интерес заключается в тебе.

Как ни странно, мне ужасно лестно это слышать. И от кого — от палача, расчленивателя трупов!

— Ты настоящая красавица, неукротимая кошечка, — сладко шелестит Гразиэль.

И снова мне приятно. Я — неукротимая красавица? Краснею до ушей. Мне ужасно стыдно испытывать удовольствие от его похвал. Это же Гразиэль, с ним надо держать ухо востро.

Смотрю на него, удивленная впечатлением от его слов. Этот колдун — полная противоположность своему искалеченному сообщнику. Тот, кстати, стоит у меня за спиной, готовый предотвратить побег. Меня выворачивает от исходящей от него тошнотворной вони. То ли дело Гразиэль! Статный, красивый, волосы зачесаны назад, никакого окровавленного фартука, вместо него — изящный темно-синий балахон. Но меня не проведешь! Как бы он ни притворился, я знаю, что передо мной мясник и психопат.

— Я счастлив тебя видеть. Я соскучился.

Надо же, как занятно! Но мне почему-то трудно усомниться в его словах. Он продолжает отлично поставленным обольстительным голосом:

— Чувствую, между тобой и мной существует особая связь. Знаю, ты тоже ее ощущаешь, ведь так? Мы

созданы, чтобы быть вместе. Больше не хочу с тобой разлучаться.

Что?.. Я... Что такое он мне...

Я моргаю, пораженная его неожиданными речами. Где проклятия, где угрозы, где обещания возмездия?

Я в растерянности. Его речи волнуют меня до глубины души, можно подумать, что они произносятся искренне. Он по мне скучал? Что, блин? Я мечтаю остаться с ним? Нет! То есть... не знаю. Это так внезапно!

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной. Я воздвигну для тебя дворец, наряжу тебя в лучшие шелка. Ты будешь моей принцессой.

Меня обдаёт жаром. Я — принцесса? Это что-то новенькое. Чувствую себя абсолютной дурой. Почему я не посылаю его с его немыслимыми посулами куда подальше? Почему не плюю ему в лицо? Что со мной?

— Возьми меня за руку.

Он протягивает руку. Я вкладываю пальцы в его ладонь. Он с улыбкой сжимает кулак, подносит мои пальцы к губам и целует. Я не сопротивляюсь.

От порыва ветра разматывается и улетает шелковый шарф с его шеи. Он не пытается его поймать. У него на горле размашисто выведена черным руна. Интуитивно я понимаю, что происходит.

Все дело в руне, это она делает речи Гразиэля такими убедительными.

Но, даже зная это, не могу прогнать недостойные желания, которые посеяли во мне его заклинания.

— Думай о нас с тобой. О тебе и обо мне. Ты стала прекрасной молодой женщиной. Теперь мужчины смотрят на тебя по-другому, это в порядке вещей.

Он повергает меня в глубокое волнение. Во мне кипит внутренняя борьба. На вид ему всего двадцать лет, но я знаю, что он, как и Эликс, изрядно наумудрил со своим возрастом. Тем не менее его слова доставляют мне небывалое наслаждение. Со мной никогда еще так не разговаривали.

— Нам с тобой предстоят великие дела, моя кровавая дикая кошка! Я предрекаю тебе славное будущее рядом со мной. Я готовлю для тебя увлекательные планы.

Он привлекает меня к себе, сжимает в объятиях. Я уже не понимаю, как могла считать его отталкивающим. Задираю голову и смотрю ему в лицо, не спускаю глаз с его губ. Как я жажду его поцелуя!

Нет, нет! Не желаю!

— Ты принадлежишь мне.

Я принадлежу ему.

— Садись в лодку, мы уплываем вдвоем, моя возлюбленная.

Я выпускаю его руку, чтобы сделать, как он велит.

Но меня отвлекает возникшая невеста откуда огромная тень.

Куда подевалось солнце?

Я вскидываю голову.

Тень — это выскочивший из воды огромный белый левиафан.

Он падает на землю в двух метрах от меня. Земля дрожит.

Чудище разевает огромную пасть, усеянную острыми зубами, и вздымается над Гразиэлем. Челюсти смыкаются, колдуна Гразиэля больше не существует.

Левиафан задирает голову и опять разевает пасть, в этот раз чтобы лучше заглотнуть добычу. Я вижу вздутие, медленно ползущее по его зобу вниз.

Утолив голод, как огромный питон, морской хищник ползет, извиваясь, к воде, ныряет в волну и исчезает в глубинах океана.

Я встречаюсь взглядом с Эликсом.

Он застыл от ужаса.

Опомнившись, он подбегает к шлюпке, выпихивает меня за борт, толкает шлюпку в волны, запрыгивает в нее, хватается за весла и неуклюже гребет. Шлюпка медленно отплывает, Эликс хохочет, потом закашливается.

Шлюпка удаляется от берега, теперь под ней темная вода бухты. Он отплывает дальше, а шлюпку начинают окружать синие, черные, темно-зеленые спины. Есть и белая — всего одна.

Эликс продолжает хохотать, но теперь уже истерично. Левиафанов все больше, шлюпку болтает в бурлящей воде. Внезапно чудище-альбинос накреняет ее носом, и колдун падает за борт. Но в воде он остается недолго. Один из левиафанов хватается за руку и высоко поднимает, как будто чтобы похвастаться перед остальными. Эликс вопит, пытаясь вырвать руку из сомкнутых зубов белого морского чудовища. Раззадоренные левиафаны принимают терзать тело надрывающегося криком колдуна. Я отворачиваюсь после того, как вижу в пасти одного оторванную ногу, другого — отгрызенную руку. Дальнейшее не вызывает сомнения, и мне совершенно не хочется быть свидетельницей происходящего.

Увы, я не догадалась заткнуть уши, поэтому слышу чавканье и предсмертные крики Эликса — уже в левиафаньей утробе.

Но когда все стихает, я рискую оглянуться.

От Эликса не осталось ровным счетом ничего.

Левиафаны покидают бухту. На воде мелькает пустая шляпка, ее швыряют, как скорлупку, поднятые морскими змеями волны.

Белый левиафан оглядывается на меня. Его гребень топорщится, чешуя мерцает на солнце. Я понимаю его взгляд.

Исана.

Белый левиафан — ее оори.

Он спас мне жизнь.

Я все еще сижу на пляже, когда прибегает Сия. Следом за ней появляется Жоло.

Я последовала просьбе брата и подумала о речи для Совета.

Теперь я знаю, что скажу.

ЭПИЛОГ

Прошло полгода с тех пор, как сырой осенней ночью я покинула этот дом.

Ничего с тех пор не изменилось.

Те же сорняки в трещинах тротуара, та же ржавая сетка вдоль улицы.

Нет, кое-что теперь все же не так, как раньше. Я. Я сама стала другой.

В день гибели Эликса и Гразиэля я приняла решение, которому была верна до этого мгновения. Была и остаюсь.

Я здесь для того, чтобы начать розыск. Я отправляюсь на поиски детей-чародеев, переданных, как я, на Землю. Пора и их вернуть домой.

За спиной я чувствую вселяющее уверенность присутствие Жоло. Он настоял на том, чтобы меня сопровождать. Сегодня он мне не только брат. Он мой товарищ по учебе, надежный друг, человек, которому можно доверять.

Карасу и Сия тоже здесь, прячутся неподалеку в листе платана. Эта парочка — все равно что кошка с собакой, вечно грызутся, а потом глядишь — уснули, ворон прикорнул на спине у пантеры.

Неожиданно я вспоминаю Ваишали и Элифаса, оставшихся на острове. Землепроходца и колдунью тоже ждет захватывающее приключение, но иного рода. Через четыре месяца у них произойдет счастливое событие. Инстинкт меня не обманул, между ними действительно что-то возникло. «Что-то», перетекшее в любовь и получившее воплощение в новой жизни, растущей теперь в животе у красавицы-матери.

При мне, под черным плащом, короткий меч с рунами, выкованный Маргулем. Из догрона получился кузнец-виртуоз, его изделия идут нарасхват. У него есть даже подмастерье, одаренный юный чародей.

Я поправляю волосы, спадающие на плечи. Я выкрасила их в иссиня-черный цвет, чтобы меньше привлекать внимание, Жоло поступил так же. Мы знаем, что краска недолговечна, волшебство, текущее в наших жилах, быстро с ней покончит, но так нам легче ходить по улицам, не боясь быть узванными главными нашими врагами — земными колдунами.

Нам нужно быть крайне осторожными. Впрочем, за последние месяцы я приобрела неплохой опыт чародейства. Я без усталости трудилась, чтобы сегодня оказаться здесь. Я чувствую себя ко всему готовой.

Я преодолеваю две ступеньки, ведущие к входной двери моего прежнего дома. Первое, что мне предстоит, — восстановить контакт с приемными родителями. После этого я надеюсь вернуть к жизни действовавшую в прошлом сеть связи между двумя мирами.

Я поднимаю руку, чтобы постучать.

С этого начинается поиск детей-чародеев.

И завершается история девочки, которая забыла все на свете.

ОТ АВТОРА

Для большей достоверности этой истории мне понадобилось изобрести для разных категорий ее персонажей отдельные языки.

В мире Эфира догроны говорят на языке рабов — грубом, максимально не похожем на европейские. При поиске необходимого мне звучания я ориентировалась на язык инуктитут (один из четырех эскимосских).

Придумывая рунический язык колдунов, я брала за образец японский, но действовала, конечно, по интуиции, подражая основным словам, но придумывая новые.

В языке чародеев кому-то могут послышаться мотивы хинди — и неслучайно.

Эта история началась со сновидения. Мне часто снятся сны, причем очень подробные. Наверное, это связано с моей повышенной сонливостью. Мне приснилось самое начало: ночное бегство, баржа, колдун Эликс, его рабочее место, договор с Камий.

Мне пригрезился и оазис, где героиня нашла убежище после бегства от саблезубого тигра. Это место снилось мне снова и снова. Я открывала дверь и попадала туда — так повторялось месяцами и прекратилось только после того, как я вставила эту сцену в роман.

Я признательна Веронике А. за доброжелательность, Веронике Г. за внимательное ознакомление с черновиками, Антуану Доре за чудесную обложку, Изабель Рафине за скрупулезный корректорский труд — и, разумеется, вам, читателям, дочитавшим мою книгу до последней буквы. Надеюсь, вам понравилась эта история и ее персонажи.

Волшебной силой обладает каждый из нас. Не давайте этой силе угаснуть.

МИФ Проза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

   [mifbooks](#)
 [mif.proza](#)

STONE HEDGE

Литературно-художественное издание

Для широкого круга читателей

Маэль Ферпье

Я забыла все на свете

Шеф-редактор Юлия Петропавловская

Ответственный редактор Юлия Чегодайкина

Арт-директор Мария Красовская

Верстка Елена Бреге

Корректурa Римма Болдинова, Лилия Семухина

Изготовитель: ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 24

mann-ivanov-ferber.ru

facebook.com/mifbooks

instagram.com/mif.proza

STONE HEDGE

«ГЛУПО УПУСКАТЬ ШАНС ИСПЫТАТЬ СЕБЯ».

КАМИЙ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ, И ЕЙ ДО УЖАСА НАДОЕЛО, ЧТО РОДИТЕЛИ ЗА НЕЕ РЕШАЮТ, КАК ЕЙ СЕБЯ ВЕСТИ И КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ. ОНА СБЕГАЕТ ИЗ ДОМА, НО СВОБОДА ДЛИТСЯ НЕДОЛГО. КАМИЙ НАБРЕДАЕТ НА ТАИНСТВЕННУЮ БАРЖУ, ПОДПИСЫВАЕТ КОНТРАКТ СО СТРАННЫМ МАГОМ, ТЕРЯЕТ ИМЯ И ЗАБЫВАЕТ ВСЕ НА СВЕТЕ...

ФЭНТЕЗИ О ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ И О СУПЕРСИЛАХ, КОТОРЫМИ ОБЛАДАЕТ КАЖДЫЙ ИЗ НАС.

ДИНАМИЧНЫЙ РОМАН О МЯТЕЖНОМ ПОДРОСТКЕ, ПОЗНАЮЩЕМ СЕБЯ, ПОГРУЖАЕТ В УДИВИТЕЛЬНУЮ ВСЕЛЕННУЮ, КОТОРАЯ НЕ ПОХОЖА И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ТАК ПОХОЖА НА НАШУ.

BABELIO.COM

МНОГИЕ ГЕРОИ ГОВОРЯТ НА ТАИНСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ, КОТОРЫМ К КОНЦУ КНИГИ ОВЛАДЕВАЮТ И ЧИТАТЕЛИ. ЧУДЕСНЫЙ ПРИМЕР КАЧЕСТВЕННОГО ПОДРОСТКОВОГО ФЭНТЕЗИ, КОГДА АВТОР, ОСТАВАЯСЬ В РАМКАХ ЖАНРА, ВВОДИТ В СЮЖЕТ ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИДЕИ И ТЕМЫ.

AMAZON.FR

FACEBOOK.COM/MIFBOOKS
VK.COM/MIFBOOKS
INSTAGRAM.COM/MIFPROZA

МНО
ПРОЗА

STONE HEDGE